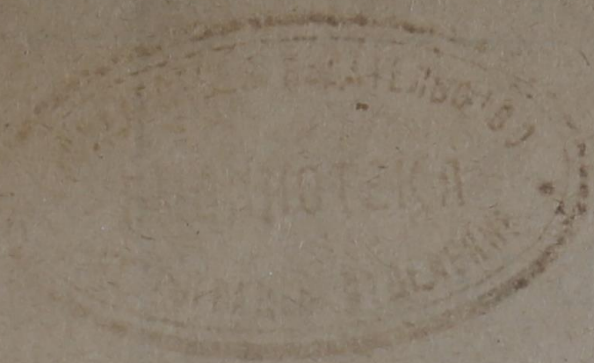

10949

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

АРАБЫ

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

УСАМЫ ИБН МУНКЫЗА

1095 — 1188

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

9(и)
М 90
ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

УСАМА ИБН МУНКЫЗ

КНИГА НАЗИДАНИЯ

ПЕРЕВОД М. А. САЛЬЕ ПОД
РЕДАКЦИЕЙ, СО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ
СТАТЬЕЙ И ПРИМЕЧАНИЯМИ
И. Ю. КРАЧКОВСКОГО

7831
19804
ПЕТЕРБУРГ — МОСКВА. МСМХХІІ

9(11)7 + 171

КНИГА НАЗИДАНИЯ

XII ВЕК

Р. Ц. № 2236.

Тираж 4250.

Воен. Тип. Шт. Р.-К. К. А. (пл. Урицкого, 10).

Усама ибн Мункыз и его воспоминания

1

Европейцы до сих пор знакомы с крестовыми походами только по одной стороне. Как и в эпоху своего движения на восток, так и теперь, через много столетий, западные народы все еще не узнали того востока, куда их влекла неодолимая сила, не оценили своего врага, не задумались над тем, нельзя ли видеть в нем своего собрата, с которым может быть общая цель, уничтожающая вражду. Восток молчал, потому что немymi казались для европейца его памятники, его литература. Знакомство с историческими произведениями арабов не всегда позволяло проникнуть в самую жизнь тех людей, поработать или умерщвлять которых стремились с далекого запада крестоносцы. Конечно, исследователи этих произведений скоро должны были увидеть, на чьей стороне — у востока или запада — было тогда больше действительно исторического чувства, больше политического понимания, больше вкуса в форме и искусства в изложении. Однако, здесь читатель встречал знакомые ему по средневековой Европе произведения. Полуофициальные летописи-хроники излагали деяния правителей, войны и походы, междоусобия и смуты, иногда превращались в панегирик герою века, иногда служили только канвой для риторических блесков, рассыпанных талантом автора, которого чаровало его собственное красноречие, который был влюблен в изящество слова. Народ в этих произведениях „безмолствовал“, среднего человека здесь не было видно, и даже будничная жизнь тех самых правителей и великих людей, о которых повествовали хроники, проходила где-то за сценой, оставалась недоступной взору зрителя. Мало и в арабской литературе таких памятников, которые позволяют проникнуть за кулисы этой показной жизни, но их скудость искупается той неожиданной картиной, которая при этом открывается. Невольно делается грустно и даже жутко, когда обнаруживается вся глубина рокового непонимания, точно вызванного какой-то трагической ошибкой. Оказывается, что этот неведомый восток пылливо приглядывался к западу и понимал его гораздо лучше, чем можно было ожидать, оказывается — нужно сказать с сознанием своей прошлой вины — он не был его врагом по существу. Больно

думать, какие перспективы могли бы открыться перед человечеством, если бы запад в эпоху крестовых походов шел на восток не с одним только оружием, а хотя бы с той долей желания понять, с которой встречал врага на своей родине восток. Мало произведений вскрывает эту картину, и одно из первых мест, если только не первое, занимают воспоминания сирийского эмира Усамы.

Сорок лет прошло с тех пор, как европейский ученый в буквальном смысле слова открыл их в Эскуриале, среди пачек с разрозненными листками арабских рукописей, но и теперь хочется повторить слова, вырвавшиеся при первом знакомстве с текстом проф. В. В. Розена, крупнейшего из русских знатоков арабской литературы: «Значение их... в том, что они дают живую, выхваченную из действительности картину духа и быта этой эпохи. Я не знаю ни одного арабского историка времен крестовых походов, полный перевод которого мог бы представить столько любопытного для исследователя — неориенталиста. Масса мелких бытовых черт, превосходно рисующих жизнь современных автору сирийских, египетских и месопотамских эмиров, султанов и воевод, равно как и отношения их к крестоносцам и крестоносцев к ним, разбросано по всей книге, и почти невозможно отмечать отдельные места, как наиболее интересные».

Казалось, что сама судьба предназначает этого эмира быть современником первого крестового похода и всех переворотов, вызванных им на его родине. Меньше чем за полгода до того, как папа Урбан II выступил в Клермоне 26 ноября 1095 года с проповедью этого похода, в маленьком сирийском городке Шейзаре, у брата правившего эмира родился 4 июня сын Усама. Грозные события пронесли над его ранним детством: 3 июня 1098 года была взята Антиохия, а через год — 16 июня 1099 года — Иерусалим. Для мусульман наступило, казалось, тяжелое время, но Аллах послал Усаме долгую жизнь, и вот, еще за год до его смерти, великий Саладин разбил крестоносцев у Хаттина, и Иерусалим снова перешел к единоверцам Усамы. Латинскому королевству наступил конец; созданное на заре жизни Усамы, оно, как бы вместе с ним, сошло в могилу, найдя своего летописца и среди арабов.

Как деятель, Усама был только рядовым современником первого крестового похода, одним из мелких камешков той сложной мозаики, которую в эту эпоху представлял собой мусульманский восток. Былого единства славной эпохи халифата давно уже не существовало; от прежнего величия багдадского двора осталось одно воспоминание, и только призрак духовной власти правоверных аббасидских халифов осенял давно лишенную светского могущества династию. На сцену как раз около этого времени, с половины XI в., выступает свежая сила, вливается более энергичный молодой эле-

мент в лице сельджуков, племени турецкого происхождения. Их династия создает эпоху в истории восточной части халифата, и сельджукские султаны с резиденцией в Исфахани, еще признавая духовный авторитет аббасидских халифов, являются уже фактически вершителями судеб Месопотамии и Сирии; они выступают передовыми бойцами с крестоносцами, выдвигая целый ряд талантливых наместников — атабеков — в разных областях.

Судьбу правоверного халифата в Багдаде разделяет его бывлой соперник по блеску — шиитский халифат фатимидов в Египте. Величайшая из средневековых египетских династий, утвердившаяся здесь с половины XI века, теряет всякие следы своего влияния в Сирии, с подчинением Иерусалима крестоносцам. Еще живы воспоминания о торжественном въезде фатимидов, о их сокровищнице, затмившей аббасидскую, еще и теперь любимец халифа получает в подарок серебряные блюда с золотыми динарами или десятки породистых лошадей с полной запряжкой, но чувствуется, что это все, что осталось в утешение халифу — пешке в руках своих войск или своих везирей. Его смещают, его убивают, возводят на трон малолетнего ребенка, и „даже две козы не сшибутся из-за этого рогами“, по образному выражению Усамы. Аббасиды и фатимиды теперь — тени прошлого.

Судьбой правят другие звезды, и в Египте начинается путь великого Саладина, полагающего конец династии фатимидов в 1171 г. И в Сирии ему удастся создать известное единство, но это совершается уже на склоне дней Усамы. Вся жизнь его протекает еще на калейдоскопическом фоне крупных и мелких династий, князьков и правителей. Трудно сказать, на чьей стороне — у христиан или мусульман здесь поражает большее разнообразие и эфемерность. Иерусалимское королевство, антиохийское княжество, триполитское графство хорошо известны Усаме; с другой стороны — пестрой толпой проходят эмиры Алеппо и Дамаска, атабеки Мосула, мелкие правители Хомса или Хама, таинственная религиозно-политическая секта исмаилитов, перешедших в европейскую литературу с грозным именем ассасинов. Едва ли не одним из самых мелких феодальных родов в этом конгломерате оказываются мункызиты, к которым принадлежал наш герой-писатель.

Родина Усамы — маленький городок Шейзар — Sisara крестоносцев, Пезарей древних, нынешняя маленькая деревушка Сейджар. Расположен он в области Алеппо, к северу от Хама (древней Эпифании), в 20 километрах к югу от Апамен. Река Оронт — этот вечный „бунтовщик“ (аль-Аси), как его звали арабы, омывает Шейзар

с трех сторон. Самый поселок лежит у подножия холма, на котором высится замок; через Оронт здесь перекинут мост с предмостным укреплением, в названии которого Gistrum, сохраненном латинскими хрониками, не трудно узнать арабское слово аль-Джиср (мост). Шейзар разделял бурную жизнь Сирии в эту эпоху и в разное время видел себя во власти разных владык. В конце первого тысячелетия нашей эры он принадлежал египетским фатымидам, в 20-х годах XI века подчинился мелкой алеппской династии мирдасидов, с 1081 года перешел в ленное владение деда Усамы, который и был основателем могущества династии мункызитов, если можно считать могучим один из многочисленных феодальных родов в Сирии. Хотя этот дед умер уже в 1082 году, однако, ему удалось, не столько военными подвигами, сколько тонкой политикой дипломата-авантюриста, расширить область влияния до гавани Латакии на Средиземном море. При его сыне и преемнике Насре (1082—1098) мункызитам пришлось отдать львиную долю своих владений сельджуку Мелик-Шаху, и вся их область ограничилась почти исключительно одним Шейзаром с соседними деревнями. Маленькое княжество не привлекало больше ничьих завистливых взоров, оно казалось слишком ничтожной добычей, и его владители могли сравнительно спокойно вести обычную жизнь мелких эмиров того времени. Много неудобств вызывало только географическое положение — на большой дороге в Алеппо и Дамаск; приходилось постоянно заискивать перед разными, более могучими, соседями и пришлыми завоевателями. Мункызиты справлялись с этой задачей успешно и, не смущаясь, вступали в союз то с одними, то с другими, впоследствии то с крестоносцами, то с мусульманами.

Преемником Насры явился другой его брат, Абу-ль-Асакир Султан. По праву власть должна была перейти к отцу Усамы, Муршиду (1068—1137), однако он отказался в пользу своего младшего брата. Оба князя ярко выступают в воспоминаниях Усамы. Особенной симпатией обвеян образ отца. Страстный охотник и хладнокровный воин, он по этическим соображениям не принял власти, боясь, что она в некоторых случаях заставит его поступать не согласно с книгой Аллаха—Кораном. Не только воюя, но и поэт, все свободное время он посвящал переписыванию книги божией со всеми ухищрениями каллиграфического искусства. И уже через много лет, в середине XII века, уроженец средне-азиатского Мерва, историк ас-Семани, среди виденных им в Багдаде достопримечательностей вспоминает про Коран, написанный рукой Муршида мункызита. Самая смерть его связана с легендой, трогательно венчающей благочестивую жизнь. Услышав вести о том, что царь румов (византийцев) в союзе с франками (европейцами) готовит поход в Сирию, Муршид обратился к Аллаху с молитвой взять его к себе, если

врагу суждено унижить его родину. И он умер за год до осады Шейзара Иоанном Комненом. Почти вся жизнь его протекла в родном городе и протекла, если применять понятия того времени, достаточно мирно: ведь война была таким же обыденным и очередным занятием той эпохи, как и охота.

Войне и охоте была посвящена жизнь его сына Усамы, но протекла она очень бурно и разнообразно. На перевале жизни он должен был забыть про свою родину, куда больше не суждено ему было вернуться. В воспоминаниях, причудливо свивающих в одну нить события самых разнообразных периодов, на ряду с Шейзаром мелькают Дамаск, Каир, Палестина, Месопотамия и другие этапы его жизни. Старческая память, любовно всматриваясь в прошлое, комбинирует рассказы по редко понятным нам ассоциациям. Нужна руководящая хронологическая нить, чтобы найти путь в лабиринте этих воспоминаний; только неослабное внимание к ней позволит отчетливо представить ту обстановку, в которой происходит отдельный случай.

„Глазами любви“ созерцает Усама свое детство и вообще весь период жизни в Шейзаре. Поэтому, несмотря на вечную войну, постоянные стычки, здесь так много мягких тонов. Отчетливо вырисовываются женские фигуры, только здесь ярко очерченные: мудрая бабушка, своим острым умом проникающая в замковые интриги лучше, чем неустрашимый, но неопытный внук, энергичная мать и сестра, предпочитающие смерть позору, тетка, которая в минуту опасности может взяться за меч лучше любого мужчины — все женщины, которых смело можно назвать, по примеру арабов, „матерями мужей“, мастерские контуры которых так далеки от наших обычных представлений о мусульманках. Здесь же появляется и бессмертный тип нянюшки, вышедшей три поколения. Добродушно над ней подтрунивает Усама, но в обращении „моя матушка“ сквозит та глубина чувства, на которую были способны эти сарацины. Проходят перед нами и фигуры учителей Усамы, этих людей книги, далеких от военных интересов той среды, в которой они живут: не смущаясь, они доказывают своим покровителям, что участвовать в бою может только человек, лишившийся рассудка, или во время охоты обращаются к Аллаху с трогательно звучащей молитвой спасти куропатку, которую преследует ястреб. Но главных учителей у Усамы два — в военном деле его дядя, который с искусством тонкого психолога приучает племянника не дрогнув смотреть в глаза опасности, а в охоте отец, ценивший эту забаву не меньше ратного дела.

Скоро начинается и школа жизни. Уже 15 лет он участвует в боях, когда Танкред с войском Антиохии делает попытку взять Шейзар (в 1110 г.). Видит тогда Усама и войска сельджукского

султана Мухаммед Шаха, посланные против Танкреда. Через три года исмаилиты покушаются на Шейзар тоже безуспешно. В 1119 г. Усама руководит уже очень ответственной экспедицией — в том самом году, когда крестоносцы понесли такое сильное поражение у аль-Балата, где был убит Рожер антиохийский. Проходит еще десять лет, и вольно или невольно Усама все чаще начинает покидать родной город. Почти девять лет (1129—1138) проводит он в свите у грозы крестоносцев — мосульского атабека Зенги. Во многих предприятиях последнего он принимает участие, и до стен Багдада заносит его военный жребий. Пока жив отец, Усама имеет в Шейзаре родной дом и часто туда наезжает. Но вот умирает Муршид, и дядя, воспитавший в племяннике героя, чувствует, что его присутствие дает повод для невыгодных сравнений с собственными детьми. Проницательная бабушка оказывается права — Усама с матерью и всеми братьями должен покинуть Шейзар — покинуть навсегда. Начинается его скитальческая жизнь по дворам властителей; с места на место гонят его судьба и люди, — десять лет обычный срок, дольше которого ему нигде не удастся обосноваться.

Первый этап новой жизни — Дамаск (1138—1144). Там, при дворе мелкой династии буридов, он находит покровителя в лице главного везира. Зенги недоволен поселением Усамы здесь, и не без основания. Через два года, чувствуя опасность для самостоятельности Дамаска, буриды заключают союз с иерусалимским королем против Зенги, и Усама принимает деятельное участие в посольствах и переговорах. Ему не представляется случая применить свои военные познания; только охотой он продолжает развлекаться попрежнему, но за то ближе знакомится с франками в мирной обстановке во время поездок по Палестине в 1140—1143 году. Среди иерусалимских храмовников он приобретает друзей. Между тем, в Дамаске усиливается партия, недовольная влиянием чужестранца Усамы на правительственные дела, положение обостряется, и ему приходится поспешно покинуть город, лишившись всего своего состояния.

Второй этап — Египет (1144—1154), где Усама ищет убежища, быть может, потому, что здесь живет один его дядя. Целый ряд дворцовых переворотов, военных мятежей приходится ему пережить. Повидимому, он и сам оказывается втянутым в интриги разных партий и хотя в воспоминаниях затупевывает свою роль, но в других источниках она представляется не в особенно благоприятном свете. Быть может, жизненная школа не прошла даром, и тот наивный Усама, которого бабушка должна была предупреждать о готовящейся интриге, теперь стал опытным политиком. И в Египте он приобретает влияние. Около 1150 года, по просьбе везира, Усама едет с посольством в Сирию; однако, конец пребы-

вания здесь таков же, как и в Дамаске — надо спасаться бегством, пробиваясь среди бедуинов и франков вооруженной силой. Вторым раз Усама теряет свое состояние, разграбленное в пути при участии иерусалимского короля, не брезговавшего ремеслом пирата.

Опять Дамаск на десять лет (1154—1164) видит в своих стенах Усаму. Обстоятельства переменились — буридов уже нет у власти, правит знаменитый Нур-ад-дин, такой же враг крестоносцев, как и его умерший к этому времени отец, мосульский атабек Зенги. Надежда когда-нибудь вернуться в Шейзар у Усамы окончательно пропадает; в 1157 г. страшное землетрясение разрушает город, погребая под развалинами всех мункызитов, собравшихся на семейное торжество. Из Дамаска Усама совершает паломничество в Мекку, пользуясь случаем проехать через Месопотамию (1160). Годы не ослабляют его военной энергии — в 1162 и 1164 годах он участвует с Нур-ад-дином в осаде и взятии принадлежавшей крестоносцам антиохийской крепости Харим. Там он, повидимому, знакомится с властителем небольшого замка Кайфа, в области Диярбекра, в верхней Месопотамии.

Гостем этого эмира Усама проводит еще десять лет своей жизни (1164—1174). Годы берут свое: реже мы слышим про участие в сражениях, хотя охота попрежнему влечет старца. На смену войне выступают другие интересы: свой досуг Усама посвящает теперь литературным трудам. Старость и мысли о вечном покое настойчиво направляют внимание к „людям Аллаха“ — святым и анахоретам. Рассказы о них пестрят за этот период. Однако, в основе характер Усамы не переменился, он все тоскует о былой шумной жизни, о войне, может быть, и о придворных интригах. Когда на горизонте восходит новая звезда, мечты начинают настойчиво влечь Усаму к засиявшему светилу. Великий Саладин, родственник дамаского покровителя Усамы, Нур-ад-дина, начинает свое шествие с Египта. Там он в 1169 году появляется еще только везирем, но в 1171 уже низлагает последнего фатимидского халифа и, признав номинально духовную власть аббасидов, фактически является правителем Египта. Через три года он объединяет под своей властью Сирию и, утвердившись в Дамаске, проходит всю страну до Евфрата. Усама не в силах больше ждать. При дворе Саладина находится его любимый сын Мурхаф. Через него Усама добывается разрешения переселиться в Дамаск — в третий раз в своей жизни — и проводит там последние годы (1174—1188).

Не радостно, повидимому, проходит у него остаток дней. „Нечего делать со стариком эмиром“, чувствует он сам, и действительно, великий Саладин, развлекшись немного стихами и воспоминаниями бывшего героя, скоро про него забывает. Кроме того, он возвращается в Египет и только за год до смерти Усамы окон-

чательная победа его над крестоносцами и взятие Иерусалима еще раз вдохновляют старого поэта-героя. Девяносто трех лет от роду он находит в себе силы обратиться с панегириком к герою мусульман, победителю сирийского феодализма. В 1188 году Усама уже нет в живых; через сто лет на его могиле, у подножия горы Касьюн в Дамаске, за душу великого эмира из Шейзара молится знаменитый историк Ибн Халликан.

3

Причудливо извивается нить жизни Усамы, богата канва, на которой она выткана. Рядом с ним встают крупнейшие фигуры первого крестового похода — атабек Зенги, сын его Нур-ад-дин, великий Саладин; на втором плане группируются эмиры, богатыри, ученые, медики, анахореты. Отчетливее всех вырисовывается все же фигура автора со всеми ее достоинствами и недостатками, симпатичными и неприятными сторонами, фигура живая, как в фокусе отразившая в себе не какую-нибудь выдающуюся исключительную личность, а частный тип мусульманского рыцаря. В этом особая ценность воспоминаний.

Рисунок, повидимому, не прикрашен. Повествуя о своих ратных подвигах, Усама не без иронии над самим собой рассказывает, как однажды его вместе с другим всадником обратил в бегство один пехотинец. Только в рассказе о египетских мятежах он, кажется, немного расходится с историей, затушевывая свою собственную роль: „так много совершилось в то время гнусного“, по его выражению. Хотелось бы нам не слышать и таких воспоминаний, как про убийство уже в 10-летнем возрасте одного слуги, где Усаму более всего поразила только слабость раненого. Плохо с нашими представлениями вяжется и бесплодная жестокость, когда Усама отрубает головы утонувших франков. Черты эти и важны тем, что дают облик живого человека, быть может, что-нибудь позабывшего по „наследственной от праотца Адама слабости“, но не сознательно изменившего картину.

И в общем, тона этой картины мягки. Глубокое чувство сквозит в воспоминаниях о семье, благоговение перед памятью отца, на которого он смотрел „глазами любви“, что не мешало, однако, подмечать и слабости, в роде увлечения астролябией. Даже против дяди, лишившего Усаму родины, не вырывается резкого слова — наоборот, подчеркивается сделанное им добро в военном воспитании племянника. Все превратности судьбы смягчаются тем, что „жизненного срока не изменить“, но эта глубокая вера в судьбу, проникающая едва ли не каждый рассказ, не носит мрачного подавляющего характера: ведь, „когда люди твердо решат что-нибудь

сделать, они достигают этого“. Единственный раз вера в фатум, в моральную законность происшедшего колеблется: повторная утрата имущества только отмечается несколькими фразами, но гибель собранных в Египте книг остается раной в сердце на всю жизнь. Один этот штрих сразу открывает душу Усамы, внутреннюю истинную культурность этого мусульманского „всадника“, поднимая его на большую высоту сравнительно с теми „франкскими рыцарями“, которых он так близко знал и справедливо оценивал.

С первого взгляда в воспоминаниях легко найти опору шаблонному мнению о фанатизме мусульман. Самое упоминание франков сопровождается традиционной фразой: „да проклянет их Аллах“, „да покинет их Аллах“, но часто в эпитете „диаволы“ — франки сквозит известное уважение перед их военной доблестью — единственным качеством, которое признает за франками Усама. Это нужно подчеркнуть, потому что его представление сложилось не только благодаря войне, но и мирным сношениям. Самая возможность последних обнаруживает, что фанатичные фразы только традиционная формула, которой и говорящий не придает внутреннего содержания. Она не относится к христианам вообще и для нее нельзя было бы подыскать религиозную основу: не надо забывать, что среди придворной челяди Усамы много христиан, и не только охотничьих или стремянных; врачи той эпохи — почти исключительно христиане, и все они мирно живут при дворе мусульманских князей, как раз во время ожесточенной борьбы их с крестоносцами.

Первое пребывание в Дамаске дает Усаме возможность близко узнать франков в их обыденной обстановке. Иерусалимские темплиеры становятся его „друзьями“, как он сам называет этих франков, забывая теперь про титул „диаволов“; какой-то рыцарь предлагает взять его сына в Европу для настоящего рыцарского воспитания. В общем жизненный опыт накапливает у него в этой области скорее горькие картины: коварство иерусалимского короля, не останавливающегося перед грабежом беззащитных женщин, для которых им самим была дана охранная грамота, жестокость Танкреда, приказывающего выколоть пленному герою не левый, а правый глаз, чтобы он в сражении не мог ничего видеть, если придется закрываться щитом, торгашество рыцарей при выкупе пленных — все суровые примеры жестоких нравов могли бы составить и более мрачную характеристику франков, чем та, которую дает Усама. В полном противоречии с его здравыми понятиями оказывается Божий суд, грубые развлечения, дикое невежество в медицине, и он тонко подмечает, что только те франки становятся воспитаннее, культурнее, которые дольше живут в мусульманской стране. Этот вывод нам кажется странным: мы вспоминаем, что мусульмане несколько не уступают в жестокости и

коварстве своим христианским противникам, что примеры такого рода легко было бы подобрать в тех же самых воспоминаниях. Только одна черта проводит резкую грань между востоком и западом: эта грань настолько ясна, что сразу можно разглядеть, где в эту эпоху культура выше—в Европе или Азии. Черта эта—культура ума, потребность в ней и органическая связь ее с жизнью. Отец Усамы, этот вояка и охотник, ночи посвящает каллиграфии, переписывая Коран; он, кроме того, поэт; сын его не только поэт, он литератор, историк и богослов, для которого самая тяжелая утрата в жизни—потеря книг. И это не единицы: такова вся среда. Нас не удивляет, что „дом мудрости“ существовал в Багдаде, а „дом науки“ в Каире—этих центрах тогдашней образованности, но из воспоминаний Усамы мы узнаем, что „дом знания“ был и в маленьком городке Триполи. И вот, когда Триполи был взят крестоносцами, два соседних эмира сейчас же едут к ним выкупать не драгоценности, не святыни, не женщин, наконец, а двух человек—ученого и каллиграфа. Едва ли пришедшие с запада люди знали, что двигало душу их восточных собратий, а если и знали, то едва ли могли понять.

Благодаря воспоминаниям Усамы, мы ближе знакомимся с типом мусульманского рыцаря: мы знаем его теперь лучше, чем знали его современники в средние века, чем знала его масса крестоносцев. Мы видим отчетливо обе стороны, и невольно нас охватывает глубокое сострадание. Невольно кажется, что народы сделали бы лучше, если бы меньше сражались и больше старались понять друг друга. Нас поражает громадный размах войн, которые велись тогда, и ничтожество достигнутых результатов. Крестоносцы не могли усмотреть, что у мусульман культура стояла выше, была более тонкой, более блестящей; под влиянием ее христианская цивилизация средних веков могла бы окрепнуть и очеловечиться, могла бы подойти ближе к тому синтезу, который и теперь далеким идеалом мерцает перед взорами людей. Этого не случилось и, конечно, пути истории имеют свою разумность. Заслуга воспоминаний Усамы в том, что они показывают, как могла зародиться взаимная симпатия между отдельными представителями мусульман и христиан, востока и запада. Самая возможность этой симпатии в такое время и в такой обстановке служит лучшим доказательством возможности ее существования и между целыми народами, целыми культурами.

4

Историческая важность воспоминаний Усамы бросается сразу в глаза, и невольно хочется говорить о ней еще и еще. Она заслоняет другие стороны произведения, и до сих пор исследователи не

обратили внимания на то, что „Книга назидания“ совершенно своеобразный памятник литературы, притом стоящий особняком среди других арабских книг.

Как и большинство крупных деятелей своего времени, Усама был человеком литературно образованным. Собирая воедино мелкие черточки, разбросанные по разным местам воспоминаний, можно составить достаточно ясное представление и об этой стороне его личности. Не столько имена его учителей, сколько попутно обретенные характеристики вводят нас в обстановку книжной жизни той эпохи. На первом плане стояло, конечно, изучение Корана: сам отец—специалист в этой области, следит за сыновьями и даже во время охоты иногда производит своеобразную проверку. Грамматике и языку уделено не меньшее место: десять лет посвятил им Усама. В последнее понятие, как всегда у арабов, входила и поэзия, и история, и теория литературы—словом, полное гуманитарное образование того времени. Другими учителями Усамы были книги: библиотека в 4.000 томов, погибшая при переезде из Египта—одна эта цифра достаточно ярко говорит о широте его интересов. Любовь к книге не была простой страстью к коллекционированию со стороны знатного эмира: книга органически входила в его жизнь и в горьком возгласе об их утрате чувствуется непритворная боль сердца. Усама не был каллиграфом, как его отец, не внешность привлекала его, а содержание. Он составил себе имя, как литератор и поэт. Не менее десятка сочинений, помимо сборника стихов, упоминаются в разных источниках, и два из них дошли до нас. В первом мы встречаем теорию поэтического стиля, детально разработанную, со строгой системой и классификацией, любовно подсчитывающую всевозможные категории, число которых здесь доведено до 95. Во всей работе чувствуется культ родного слова, то преклонение перед родным языком, как самодовлеющей ценностью, которое часто у арабов заслоняло реальную обстановку жизни даже изучаемого слова. Длинной цепью, начиная с сочинения однодневного халифа Ибн-аль-Му'тазза (уб. 908 г.) проходят эти реторики и поэтики; Усама, конечно, целиком обязан трудам своих предшественников. Ничего оригинального в его произведении нет: та же идея, те же приемы и только более детальный анализ и новые примеры обнаруживают самостоятельную работу.

Аналогичный по своей традиционности характер носит и второе дошедшее до нас произведение Усамы „Книга о посохе“. Оно посвящено рассказам о всяких знаменитых в легенде, истории и литературе посохах, начиная с жезла Моисеева и кончая палкой, на которую опирался в старости сам эмир. Исторические рассказы и анекдоты переплетаются с цитатами стихов, и в целом получается излюбленная форма антологии, в которой арабы любили

нанизывать самый разнообразный материал на самые разнообразные темы. Может быть, в сюжете Усама и явился более или менее оригинальным, но построение трактата вылилось в готовую форму. И здесь мы имеем дело с продуктом чисто ученого кабинетного творчества, питающегося не столько соками жизни, сколько традиционным книжным материалом.

Не поражают оригинальностью и стихи Усамы, сохранившиеся не только в отрывках, но даже и в довольно большом сборнике. Все они вращаются в формах классической поэзии, воспринимают по традиции те же сюжеты и приемы. Владение языком и стихом сказывается, конечно, в полной мере, но оно было, вообще, необходимым свойством всякого араба, получившего книжное образование. Известный поэт в кругу современников и потомков, Усама для нас является одним из сотен слагавших стихи и не поднимается выше среднего уровня.

Мы не знаем непосредственно других, известных только по именам, сочинений Усамы; по аналогии с указанными можно предполагать, что и они носили тот же литературно-кабинетный характер¹⁾. Не эти произведения дают ему право на внимание со стороны европейского читателя, а „Книга назидания“ — его собственные записки.

Автобиографией в обычном смысле ее нельзя считать: для этого она слишком мозаична, однако, к другому роду литературы отнести ее мы тоже не можем. Стержнем, на котором вращается рассказ, является личная жизнь автора. Если в Европе к XIV веку мы находим не только попытки теоретического обоснования автобиографии в *Convivio* Данте, но и такие развитые формы ее, как хронику Фра Салимбене, то для арабов в их литературе эта идея всегда оставалась чуждой. Отдельные случайные явления, конечно, встречались: можно было бы сюда отнести исповедь известного философа аль-Газали (ум. 1111 г.), но она скорее входит в область психологии. Книга Усамы по своей идее настолько необычна, что как-то невольно хочется искать ей параллелей, если нельзя найти первоисточника. И характерно, что как раз около этого времени — в XII веке мы встречаем несколько примеров, подходящих, с известными оговорками, правда, под ту же категорию. Один деятель той же эпохи, родом из Йемена, погибший во время заговора против Саладина в 1175 г., по имени Омара, в предисловии к своей книге о египетских везирах говорит и о своем собственном детстве. Однако, если в основной части рассказ служит только иллю-

¹⁾ В последнее время в Азиатском Музее Российской Академии Наук обнаружен автограф еще одного, неизвестного в Европе, сочинения Усамы „Книга стоянок и жилищ“; сообщение о нем — в томе XXVI „Записок Восточного Отделения Русского Археологического Общества“.

страцией к стихам автора, посвященным тому или иному сановнику, то и во вступлении нет почти ни одной страницы о самом авторе, а лишь о его выдающихся родственниках. Самая манера изложения ничем не отличается от обычных книжных произведений, так что обычную параллель Усаме можно видеть лишь в идее рассказа о современных автору событиях. Из другой точки зрения, преимущественно дидактической, исходил один богослов и полигистор, по имени Ибн-аль-Джаузи (ум. 1201 г.). Хотя он был младшим современником Усамы, но знакомство последнего с некоторыми его трактатами несомненно. В одном небольшом сочинении, желая наставить сына на правый путь, Ибн-аль-Джаузи рисует перед ним картину своей трудовой жизни в молодости — картину, не лишенную интереса в культурном отношении, хотя напоминающую только миниатюру по сравнению с книгой Усамы. Некоторые данные позволяют предполагать, что „Книга назидания“ была посвящена Усамой тоже сыну, но если в основе ее и лежала дидактическая мысль, то по существу на первый план выступил бесхитростный рассказ; „рассказы цепляются за рассказы“, и словоохотливый эмир часто забывает про тенденцию, если она только была.

В этой непосредственности рассказа — главная прелесть воспоминаний, резко выделяющая их среди прочих произведений не только Усамы, но и вообще исторической литературы арабов. В них совсем нет той книжности, той традиционности, которая по десятку произведений позволяет судить о сотнях. Если основная идея и была заимствована Усамой, для чего все же у нас нет никаких определенных указаний, то манера изложения, во всяком случае, представляет его собственное достоинство.

Возможно, что у автора существовал определенный план и определенная идея; судить об этом нам трудно, так как первые двадцать листов утрачены, и рассказ начинается на полуслове. В первой части видна еще некоторая хронологическая последовательность, чувствуется она и во втором приложении, посвященном охоте. Во всем же остальном распределение материала вызывается простой ассоциацией, которая иногда нам ясна, а иногда и не совсем понятна. Мудрое слово сказал Усама — „рассказы цепляются за рассказы“ — и он, не смущаясь, вводит новый сюжет фразой: „этот случай напомнил мне другой“... „я видел похожее на это“... „если уж упоминать о лошадях, так вот еще случай“... Иногда он теряет нить, и ему нужно вставить: „возвращаясь к рассказу“... „продолжаю“, иногда, как бы стесняясь, оправдывается: „не место было здесь говорить о соколах“, „этот рассказ не вызывается необходимостью“. Но это только минутное колебание, воспоминания опять увлекают старика, и опять мы слышим равномерный и спо-

койный голос деда, рассказывающего про свою долгую жизнь взрослым внукам. „Книга назидания“ — несомненно, старческое произведение Усамы. Если в точности хронологических данных, в мелких деталях видно, что отдельные записи производились им довольно рано, может быть, еще в Египте, то основное ядро создано во время длительного отдыха в крепости Кайфа, а последняя дата относится к 1182 году, за шесть лет до смерти.

Вся книга — один сплошной рассказ, местами более живой, местами более спокойный, но именно рассказ-импровизация, а не результат книжной кабинетной обработки. Только в заключительной части — в панегирике Саладину — чувствуется прежний Усамалитератор: появляется рифмованная проза, появляются оды и стихи. В остальных же отделах редко-редко проскользнет, что это говорит поэт-ученый. Необычайно редко для арабского автора приводятся собственные стихи, очень мало экскурсов в древность и цитат из произведений других поэтов. Даже самый язык мог бы вызвать строгие нарекания критиков-пуристов: он далеко не „литературен“, он приближается к обычной разговорной речи со всей ее неприятельностью и простотой. Особенно в диалоге чувствуется иногда эта живость, совершенно несвойственная обычным литературным произведениям.

Если по всей структуре и стилю „Книга назидания“ не может затеряться в богатой арабской литературе, то по одной черте для нее еще труднее найти параллели у арабских писателей: это пробирающееся местами чувство юмора. Оно сказывается и в отдельных словах и фразах, и в целых картинах. Иногда маленький штрих точно оживляет весь рассказ, идет ли речь о людях или о животных: и леопард „борец за веру“, и сокол, который „охотился по долгу службы“, и лев, „струсивший, как ловчий Николай“, а с другой стороны, тот эмир, который был страшно вынослив, а „ел еще больше“, и бывший волк, который стал „стар, как протертый бурдюк, и не мог даже прогнать мышей от своего фуража“, и бедуины, которые боятся чумы, хоть „их жизнь хуже всякой чумы“, и войско одного эмира, которое разграбило крепость так, „как грабят только византийцы“ — все это яркие образы, очерченные одним мазком. Иногда воспроизводится целая картина действительного случая, но в таком тоне, который указывает на присущее Усаме тонкое восприятие смешного. Осел, который хотел погубить мешок с деньгами, вызывает не меньшую улыбку, чем лев, спасавшийся бегством от ягненка вокруг бассейна на дворе. Хороши старухи, которые должны были бежать взапуски на приз в виде живого кабана, или ведьма верхом на палке, скачущая ночью по кладбищу. Бессмертный образ представляет тот ученый, который, поехав с эмиром на охоту, сел вместо этого на пригорке и молил Аллаха,

чтобы он спас куропатку от сокола. Много еще можно привести таких примеров, но они не исчерпают содержания самой книги.

Вся она складывается из отдельных картин, то смешных, то грустных, то ужасных. На читателя „Книга назидания“ может производить сначала впечатление мозаики, лишенной общей идеи и руководящей нити. Но мало-по-малу пристальный взор откроет, что все части этой мозаичной картины объединены личностью автора-эмира, пластично выступающей с плотью и кровью на ярко обрисованном фоне действительности, и если эта мозаика лишена общей идеи, то не в большей мере, чем всякая человеческая жизнь.

Много можно говорить еще о героях нашей книги и о книге героя; однако, лучше всего скажет сама книга, которую мы открываем ¹⁾.

И. Крачковский

Петроград.
Октябрь 1920 г.

¹⁾ В интересах русского читателя сплошной текст Усамы разбит на отделы, которым даны отсутствующие в оригинале заглавия.

1. Битва при Кыннесрине¹⁾

(Атабек Зенги)²⁾ узнал, что битва вновь становится очень кровопролитной для мусульман. К нему прибыл Ибн Бишр—посланец от имама ар-Рашида ибн Мустаршида-биллаха³⁾, да помилует их обоих Аллах, чтобы призвать его к нему. Он принял участие в этой битве, надев позолоченный панцырь; его поразил копьем в грудь франкский⁴⁾ рыцарь по имени Ибн-ад-Дахык⁵⁾, так что копье прошло через спину, да помилует его Аллах. Зато было перебито большое число франков, и атабек, да помилует его Аллах, приказал собрать головы на поле против крепости; оказалось их числом три тысячи голов.

2. Осада Шейзара византийцами и франками

Потом царь румов⁶⁾ снова выступил против нашей страны в 532 г.⁷⁾ Он заключил соглашение с франками, да покинет их Аллах, и они условились двинуться на Шейзар⁸⁾ и обложить его. И сказал мне Салах-ад-дин⁹⁾: „Посмотри-ка, что сделал мой сын, которого я оставил наместником“. (Он подразумевал своего сына Шихаб-ад-дина Ахмеда). „Что же он

¹⁾ В рукописи арабского оригинала утрачены первые 20 страниц, и рассказ начинается с середины фразы; речь идет о сражении между мусульманами и крестоносцами в сентябре 1135 г. около Кыннесрина, к юго-западу от Алеппо; в этом сражении принимал участие и Усама.

²⁾ Имад-ад-дин Зенги—сын турецкого раба Ак-Сункара с титулом атабека (регента)—был назначен правителем Месопотамии в 1127 г., подчинил себе почти всю Сирию и явился достойным предшественником знаменитого Саладина (Салах-ад-дина) в борьбе с крестоносцами. Он был убит в 1146 году.

³⁾ Аббасидский халиф ар-Рашид сын аль-Мустаршида (1135—1136).

⁴⁾ Франки—общее наименование европейцев у мусульман; им противопоставляются румы—представители Восточно-Римской Империи,—греко-византийцы.

⁵⁾ Ибн-ад-Дахык собственно значит „сын муки“; кроется ли в этом европейское имя—с определенностью не установлено.

⁶⁾ Византийский император Иоанн Комнен (1118—1143).

⁷⁾ 19-го сентября 1137 г.—7-го сентября 1138 г.

⁸⁾ Шейзар—родной город Усамы, между Алеппо и Хама.

⁹⁾ Салах-ад-дин Мухаммед—наместник Зенги в Хама; его не следует смешивать с знаменитым Саладином.

сделал?"—спросил я. Салах-ад-дин ответил: „Он прислал мне сказать: Посмотри-ка, кому бы поручить управление твоей страной“. „А что же ты сделал?"—спросил я. Салах-ад-дин сказал: „Я послал передать атабеку: Займи опять свое место“. „Плохо ты сделал,—воскликнул я,—теперь атабек тебе скажет: Пока это было мясо, он его ел, а когда стало костью, он бросил его мне“. Салах-ад-дин спросил: „Что же мне делать?" „Я засяду в городе,—сказал я,—и если Аллах, да будет он превознесен, сохранит его, это случится благодаря твоему счастью, и лицо твое останется белым перед твоим Господином; а если местность будет взята, а мы убиты, это произойдет во исполнение наших жизненных пределов, и ты не заслужишь упрека“. „Никто мне не говорил таких слов, кроме тебя",—сказал он. Я полагал, что он так и сделает, и собрал скот, много муки, топленого масла и всего, что нам было нужно, чтобы выдержать осаду. Я находился в своем доме в западной части, когда ко мне прибыл гонец от него и сказал: „Салах-ад-дин передает тебе: мы после завтра отправляемся в Мосул¹⁾. Сделай твои приготовления к походу!". И постигла из-за этого мое сердце большая забота. Я говорил себе: „Оставлю своих друзей, братьев и жен в осажденной крепости, а сам отправлюсь в Мосул!". На утро я поехал к Салах-ад-дину, который был в палатке, и попросил у него разрешения возвратиться в Шейзар. Он не удерживал меня и сказал: „Если нужда твоей семьи требует этого, не мешкай". Я сел на коня и отправился в Шейзар. То, что представилось мне там, глубоко опечалило мое сердце. Мой сын храбро сражался, потом сошел с коня и проник в мой дом. Он взял оттуда сколько там ни было палаток, оружия, седел и принял на себя заботу о моих милых. Мои товарищи продолжали непрерывно битву, и была она страшным ужасающим несчастием.

3. Первое пребывание Усамы в Дамаске

Затем обстоятельства потребовали моего приезда в Дамаск. Гонцы от атабека являлись к владельцу Дамаска один за другим, требуя меня. Я провел в этом городе восемь лет и участвовал во многих битвах. Владелец его²⁾, да помилует его Аллах, наделил меня дарами и поместьями и отличил меня, приблизив и почтив. К этому присоединилась благо-

¹⁾ В Мосуле в это время находился атабек Зенги.

²⁾ Шихаб-ад-дин Махмуд—атабек Дамаска из рода буридов правил здесь в 1135—1139 г. г.

склонность ко мне эмира Муин-ад-дина¹⁾, да помилует его Аллах, моя дружба с ним и его внимательность к моим нуждам. Затем, однако, возникли причины, сделавшие необходимой мою поездку в Миср²⁾. Из оружия и обстановки моего дома пропало многое, чего я не мог взять с собой, и это было другим несчастием для меня,—я совсем обеднел. Но за всем этим эмир Муин-ад-дин, да помилует его Аллах, делал мне добро и благодетельствовал. Он был очень опечален, расставаясь со мной, но сознавал свое бессилие в моем деле. Он прислал ко мне своего секретаря „хаджиба"³⁾ Махмуда аль-Мустаршиди, да помилует его Аллах, со словами: „клянусь Аллахом, если бы была у меня половина моих людей, я наверное разбил бы с ними другую половину, а если бы была со мной только одна треть их, я бы разбил остальные две трети и не расстался бы с тобой. Но все люди соединились против меня, и у меня уже нет над ними никакой власти. Но где бы ты ни был, дружба, возникшая у нас, останется в самом лучшем положении". Я сказал по этому поводу следующие стихи:

Муин-ад-дин, сколько почетных ожерелий, похожих на ожерелья голубей, возложено тобою на мою шею! Благодеяние делает меня твоим добровольным рабом, в благодеянии же—рабство великодушных людей. Только к моей дружбе с тобой буду я возводить свою родословную, как бы ни был я велик и славен. А разве не знаешь ты, что каждый стрелок целит мне в сердце за то, что я возвел свое происхождение до тебя? Если бы не ты, мой дурной нрав никогда не подчинился бы принуждению, не уничтожив его мечем. Но я страшился огня, зажженного против тебя врагами, и стал гасить пламя.

4. Жизнь и приключения Усамы в Египте

Мое прибытие в Миср состоялось в четверг 2-го числа второй Джумады 539 года⁴⁾. Аль-Хафиз-ли-дин-Аллах⁵⁾ сей-

¹⁾ Эмир Муин-ад-дин Анар—первый буридский министр, умерший в 1149 г.

²⁾ Миср—название как страны (Египет), так и ее столицы (Каир); последнюю Усама иногда называет определенно аль-Кахира, почему термин Миср мы обыкновенно оставляем без перевода.

³⁾ Хаджиб—придворный титул, по первоначальному значению „привратник", потом—„камергер".

⁴⁾ 30 ноября 1144 г.

⁵⁾ Аль-Хафиз-ли-дин-Аллах (хранитель религии Аллаха)—титул фатимидского халифа Абд-аль-Меджида (1130—1149 г.).

час же по прибытии моем послал за мной и велел облечь меня в своем присутствии в почетное одеяние. Он дал мне перемену платья и сто динаров¹⁾ и разрешил мне пойти в собственную баню. Он поселил меня в великолепном доме аль-Афдаля—сына „эмира войск“²⁾. Там были циновки, ковры и полное домашнее обзаведение с медной утварью; все оставалось в полной исправности. Я провел в этом доме некоторое время, пользуясь безопасностью, уважением и постоянным благоволением и получая доходы от цветущего поместья.

Среди негров, которых было здесь великое множество³⁾, возникли злоба и раздор между Райханитами, рабами аль-Хафиза и Джуюшитами, Александрийцами и Фарихитами. Райханиты были с одной стороны, а все остальные—с другой—соединились против них. К Джуюшитам присоединилось несколько человек из гвардии. К той и к другой партии примкнуло много народу. Аль-Хафиз не мог с ними совладать. Его гонцы сменяли друг друга, и он усиленно старался примирить врагов, но они не соглашались на это и расположились около него на одной из окраин города. На утро произошло столкновение в Каире⁴⁾. Джуюшиты и их приверженцы победили Райханитов, и они оставили на маленьком рынке „эмира войск“⁵⁾ тысячу человек убитыми, так что вся площадь была завалена трунами. Мы проводили ночи и дни вооруженными, страшась нападения на нас Джуюшитов, которые поступили так еще до моего приезда в Миср⁶⁾. После избиения Райханитов, люди полагали, что аль-Хафиз не одобрит этого и строго накажет убийц. Но он был болен при смерти и умер через два дня⁷⁾, да помилует его Аллах; не нашлось даже двух коз, которые стали бы бодаться из-за этого⁸⁾. После него сел на престол аз-Зафир-би-амр Аллах⁹⁾, младший из его

¹⁾ Динар—золотая монета стоимостью около 7½ рублей.

²⁾ Аль-Афдаль—сын Бедра аль-Джемалия по прозвищу „эмир войск“ (эмир-аль-джуюш)—всемогуший везирь трех фатымидских халифов, убитый по приказу аль-Хакима в 1121 г. Его сказочные богатства и дворцы были конфискованы правительством.

³⁾ Негры в эту эпоху составляли основной элемент войска и дворцовой стражи; дальше Усама указывает определенно на отдельные племена, игравшие главную роль.

⁴⁾ Открытое столкновение произошло 23 сентября 1149 г.

⁵⁾ Одна из каирских площадей, названная по имени Бедра аль-Джемалия.

⁶⁾ Намек на события 1134 г., когда произошло кровавое столкновение между Райханитами и Джуюшитами по поводу назначения наследника халифата.

⁷⁾ 10 октября 1149 г.

⁸⁾ Старая арабская пословица, применяемая к событиям, не обращающим на себя ничьего внимания.

⁹⁾ „Победитель велением Аллаха“—титул халифа Абу Мансура Исмала (1149—1154), которому в это время было только 18 лет.

сыновей. Он назначил везирем Наджм-ад-дина ибн Масалья, уже глубокого старика. Эмир Сейф-ад-дин Али ибн-ас-Саллар, да помилует его Аллах, был в то время в своем наместничестве. Он собрал и снарядил войско и направился в Каир. Прибыв туда, он проник в свой дом. Между тем, аз-Зафир-би-амр-Аллах собрал эмиров в зале заседания везирей и послал управляющего дворцами сказать им: „О, эмиры, этот Наджм-ад-дин—мой везирь и заместитель. Кто повинуется мне, тем повинуется и ему и следует его приказаниям“. Эмиры сказали: „Мы рабы нашего господина послушные и покорные“. Управитель возвратился с этим ответом, но один из эмиров, старец по имени Лакрун, сказал тогда: „О, эмиры, допустим ли мы убить Али ибн-ас-Саллара?“ „Нет, клянемся Аллахом“,—воскликнули эмиры. „Тогда поднимайтесь,“—сказал он. Они все бегом выбежали из дворца, оседлали своих лошадей и мулов и двинулись на помощь Сейф-ад-дину ибн-ас-Саллару. Когда аз-Зафир увидел это, то не будучи в состоянии удержать эмиров, он дал Наджм-ад-дину ибн Масалю много денег и сказал ему: „Отправляйся в Хауф¹⁾, собери и снаряди там войско, затем раздели деньги между солдатами и отрази Ибн-ас-Саллара“. Наджм-ад-дин уехал, чтобы исполнить это, а Ибн-ас-Саллар вступил в Каир и вошел во дворец везирата. Солдаты единодушно изъявили ему покорность, и он хорошо обошелся с ними. Он приказал мне, а также моим товарищам пребывать в его доме и отвел мне помещение, где я должен был жить. А между тем, ибн Масаль собрал в Хауфе большое число Лаватидов²⁾, солдат Мисра—негров и бедуинов. Наср-ад-дин Аббас, пасынок Али ибн-ас-Саллара³⁾, выступил в поход и разбил свои палатки в окрестностях Каира. Утром отряд Лаватидов с родственником ибн Масалья двинулся на лагерь Аббаса, большинство солдат из Мисра разбежалось перед ним, а сам он вместе со своими слугами и теми солдатами, которые остались ему верны, держался всю ночь, оспаривая у противника победу. Весть об этом дошла до Ибн-ас-Саллара. Он позвал меня вечером, а я был у него в доме, и сказал: „Эти собаки (солдаты Мисра) развлекали эмира (он разумел Аббаса) разными забавами, пока несколько Лаватидов вплавь не приблизились к нему; тогда они убежали от него, а некоторые из них вернулись в свои дома в Каире, хотя эмир их останавливал“. „О, господин мой“, сказал я, „сядем с

¹⁾ Местность в Египте около Дамьетты.

²⁾ Лаватта—одно из берберских племен.

³⁾ Мать Аббаса—Балляра во втором браке была замужем за Ибн-ас-Салларом.

зарей на коней, и поедem к ним. Еще не засияет день, как мы уже покончим с ними, если захочет того Аллах всевышний". „Хорошо“, сказал эмир, „поезжай пораньше“. Мы выступили против них с утра, и никто из них не спасся, кроме тех, чьи лошади переплыли Нил, неся своих всадников на спине. При этом был захвачен родственник Ибн Масалья, и ему отрубили голову. Все войско присоединилось к Аббасу, и он двинул его против Ибн Масалья. Встреча произошла у Даляса ¹⁾. Войско Ибн Масалья было разбито, а самого его убили. Негров и других было перебито 17.000 человек. Голова Ибн Масалья была привезена в Каир; и не осталось никого, кто бы противодействовал Сейф-ад-дину и не повиновался ему. Аз-Зафир возложил на него почетное одеяние и обязанность везира, даровал ему титул „аль-Малик-аль-Адилъ“ ²⁾ и поручил управление делами. Но несмотря на это, он питал к нему отвращение и не расположение. Он затаил против него злобу и замышлял его убить. Он сговорился с несколькими молодыми людьми из стражи и другими, которых тот озлобил, и условился с ними, что они нападут на дом Сейф-ад-дина и убьют его. Был месяц Рамадан ³⁾, и все эти люди собрались в доме близ дворца аль-Малика аль-Адила, ожидая, когда наступит полночь, и друзья аль-Адила разойдутся. В этот вечер я был у него. Когда люди кончили ужин и разошлись, Сейф-ад-дин, до которого уже дошла через одного из преданных ему лиц весть о готовящемся покушении, призвал двух своих слуг и приказал им напасть на дом, в котором собрались его враги. В этом доме, благодаря тому, что Аллах пожелал спасти некоторых из них, было две двери: одна — вблизи дома аль-Адила, другая — подальше; один из отрядов ворвался в ближайшую дверь, прежде чем их товарищи достигли другой двери. Люди, бывшие в доме, бросились бежать и вышли через эти двери; ко мне пришли ночью около 10 человек стражников, из друзей моих слуг, чтобы мы их спрятали. На утро по всему городу искали беглецов, и те из них, кого удалось схватить, были убиты.

Я видел в этот день удивительную вещь: один из негров, который участвовал в деле, спасся бегством на верхний этаж моего дома, а люди с мечами преследовали его. Он поднялся в комнату на значительной высоте. Во дворе дома росло большое дерево небк. Он спрыгнул с крыши на это дерево и повис

¹⁾ Город и область в провинции Бехнеса в верхнем Египте.

²⁾ Аль-Малик-аль-Адилъ — справедливый царь.

³⁾ Вероятно, Рамадан 544 г. (январь 1150 г.)

на нем. Потом он спустился и прошел через находившийся неподалеку узкий коридор; на пути он наступил на медный светильник и сломал его. Затем он подошел к куче утвари, находившейся в комнате, и спрятался за нею. Тем временем, те, что преследовали его, поднялись наверх, но я закричал на них и послал слуг прогнать их. Затем, я подошел к этому негру; он снял платье, которое было на нем, и сказал: „Возьми его себе“. „Да умножит Аллах твое благополучие“, ответил я, „оно мне не нужно“. Затем я вывел его и послал с ним нескольких своих слуг. Так он спасся.

Потом я сидел на каменной скамеечке перед входом в свой дом; ко мне подошел какой-то молодой человек, приветствовал меня и сел. Я увидел, что он хорошо говорит и держится. Он стал беседовать со мной, как вдруг его позвал какой-то человек, и он пошел с ним. Я послал ему вслед слугу посмотреть, зачем это его позвали. Я находился вблизи дворца аль-Адила. Как только этот молодой человек предстал перед аль-Адилем, тот приказал отрубить ему голову, и он был казнен. Мой слуга возвратился ко мне; он расспросил о его преступлении, и ему сказали: „Этот молодой человек подделывал правительственные печати“. Да будет слава Тому, кто определяет жизнь и назначает срок кончины. И было убито во время междоусобия множество жителей Мисра и негров.

5. Поездка в Сирию

Везирь аль-Малик-аль-Адилъ, да помилует его Аллах, приказал мне притоповиться, чтобы ехать к аль-Малик-аль-Адилу Нур-ад-дину ¹⁾, да помилует его Аллах. Он сказал мне: „Ты возьмишь с собой денег и отправишься к нему, чтобы он осадил Табария ²⁾ и отвлек от нас франков. Тогда мы выйдем отсюда и опустошим Газзу ³⁾. А франки, да покинет их Аллах, уже начали укреплять Газзу, чтобы затем осадить Аскалон ⁴⁾. Я сказал тогда: „О, господин, а если он будет извиняться или какие-нибудь обстоятельства помешают ему, что прикажешь мне?“ „Если он осадит Табария“, сказал аль-Адилъ, „дай ему деньги,

¹⁾ Нур-ад-дин — один из сыновей Зенги, мосульского атабека, — его преемник в Сирии с 1146 г.

²⁾ Табария — евангельская Тивериада.

³⁾ Газза — город в южной Палестине, на берегу Средиземного моря.

⁴⁾ В эту эпоху Аскалон принадлежал еще фатимидским халифам и был последним оплотом мусульманского владычества в Палестине; во власть крестоносцев он перешел впервые в 1153 г. при Балдуине III, короле иерусалимском.

которые будут с тобой, а если что-нибудь помешает, собери сколько можешь солдат и ступай в Аскалон. Ты останешься там, воюя с франками, и напишешь мне о своем прибытии, чтобы я мог приказывать тебе, „что делать дальше“. Он вручил мне шесть тысяч египетских динаров и целый вьюк платьев из дабикских¹⁾ материй, золототканых шелков, мехов серых белок, дамиетской парчи и тюрбанов. Он отправил со мной нескольких бедуинов в качестве проводников, и я поехал, при чем аль-Малик-аль-Адиль избавил меня от тягостей пути, щедро снабдив всем необходимым, в большом и в малом. Когда мы приблизились к аль-Джафру²⁾, проводники сказали мне: „Вот место, где наверное есть франки“. Я приказал двум проводникам сесть на махрийских³⁾ верблюдов и отправиться впереди нас к аль-Джафру. Прошло немного времени, и они вернулись, а верблюды точно летели под ними, они кричали: „франки у аль-Джафра“. Я остановился и собрал верблюдов, везших мою поклажу, и попутчиков, которые были со мной, и отвел их к западу. Затем я отобрал шестерых всадников из моих рабов и сказал им: „Поезжайте впереди, а я поеду за вами следом“. Они поскакали, а я ехал за ними; один из них возвратился ко мне и сказал: „Никого нет у аль-Джафра; может быть, они увидели бедуинов?“ Проводники стали с ним препираться. Я послал людей вернуть верблюдов и двинулся дальше. Когда я прибыл к аль-Джафру, то нашел там воду, луга и деревья. Из травы вдруг поднялся человек в черной одежде, и мы его забрали. Мои спутники рассыпались и захватили еще другого мужчину, двух женщин и двух детей. Одна из женщин подошла ко мне, схватила меня за платье и сказала: „О, шейх, я под твоей защитой!“ „Ты в безопасности“, успокоил я ее, „что с тобой?“ Она сказала: „Твои товарищи взяли у меня материю, ревущего, лающего⁴⁾ и драгоценности“. Я приказал слугам: „Кто взял у нее что-нибудь, пусть отдаст“. Один из слуг принес кусок ткани длиною, может быть, в два локтя, и она сказала: „Вот материя!“ Другой слуга принес кусок сандарака. „Вот драгоценности!“—сказала женщина. „А осел и собака?“ спросил я. Мне ответили: „Ослу связали передние и задние ноги и бросили его на лугу, а собака отпущена и бежит

¹⁾ Дабик—египетское селение между Фарма и Тиннисом, известное текстильной промышленностью.

²⁾ Аль-Джафр—оазис в аль-Джифаре, песчаной пустыне между Египтом и Палестиной.

³⁾ Махра—область в южной Аравии, славившаяся особенно быстроходными верблюдами.

⁴⁾ В передаче Усамы чувствуется некоторая ирония над обычаем бедуинов заменять имена предметов эпитетами.

с места на место“. Я собрал всех захваченных и увидел, что они в крайне бедственном положении. Кожа прямо висела у них на костях. „Кто вы такие?“—спросил я их. Они отвечали: „Мы из рода Убейя“, а это один из родов бедуинов племени Тай; они ничего не едят, кроме падали, и говорят про себя: „Мы—совершеннейшие из арабов. У нас нет ни слоновой болезни, ни прокаженного, ни хворого, ни слепого“. Когда у них останавливается гость, они закалывают для него животное и кормят его не своей пищей. Я спросил: „Что привело вас сюда?“ Они сказали: „У нас в Хисме¹⁾ зарыто несколько куч проса; мы пришли, чтобы его взять“. „Сколько же времени вы здесь?“—спросил я. „С праздника Рамадана²⁾ мы здесь“, отвечали они, „и не видели с той поры никакой пищи“. „Чем же вы живете?“—спросил я. Они ответили: „Истлевшим“, разумея гнилые, брошенные кости; „мы толкли их и прибавляли к ним воду и листья лебеды (растение в той местности) и питались этим“. „А ваши собаки и ослы?“—спросил я. Они ответили: „собак-то мы кормим нашей пищей, а ослы едят траву“. „Почему же вы не пошли в Дамаск?“—продолжал я; они ответили: „Мы боялись чумы“, а чума не ужаснее того положения, в котором они находились. Все это происходило после праздника жертвоприношения³⁾. Я не двигался с места, пока не подошли верблюды, и дал им часть провианта, который был с нами. Потом я отрезал кусок полосатой материи, бывшей у меня на голове, и дал ее женщинам; они едва не сошли с ума от радости при виде пищи. „Не оставайтесь здесь“, сказал я им, „франки возьмут вас в плен“.

Во время пути с нами случилась удивительная вещь. Под вечер я сделал привал, чтобы совершить вечерние молитвы, так как сокращал их и соединял⁴⁾. Верблюды мои ушли дальше, а я остановился на пригорке и сказал слугам: „Поезжайте в разные стороны искать верблюдов и возвращайтесь ко мне, а я не сойду с этого места“. Они раз'ехали и поскакали туда и сюда, но не видели их. Вскоре они вернулись ко мне и сказали: „Мы не встретили их и не знаем, куда они направились“. „Призовем на помощь Аллаха, да будет он превознесен“, сказал я, „и пой-

¹⁾ Хисма—название горы и местности в сирийской пустыне у северо-западной части Аравии.

²⁾ Праздник разговенья после поста в месяце Рамадане в 1150 году приходился на 1-ое февраля.

³⁾ 11 апреля 1150 г.; бедуины скитались без пищи, таким образом, более двух месяцев.

⁴⁾ Мусульманский вероустав позволяет в случае необходимости (болезни военной опасности, путешествия и пр.) сокращать или объединять в одну несколько из обязательных пятикратных молитв.

дем по звездам". Мы двинулись вперед. Наше положение оттого, что мы были далеко от верблюдов в пустыне, стало очень затруднительным. Среди проводников был один человек, по имени Джиззия, отличавшийся бойкостью и сообразительностью. Когда мы задержались в пути, он понял, что мы от них отбились. Тогда он вытащил кремь и стал высекать огонь, сидя на верблюде. Искры из огня разлетались туда и сюда, так что мы увидели их и шли по направлению к огню, пока их не догнали. И если бы не милость Аллаха и не то, что он внушил этому человеку, мы бы погибли.

По дороге со мной случилось следующее. Аль-Малик-аль-Адил, да помилует его Аллах, сказал мне: "Пусть проводники, которые будут с тобой, ничего не знают о деньгах". Тогда я положил 4.000 динаров в мешок на седло мула, которого вели на поводу, и поручил его слуге, а тысячу динаров, золотую уздечку и деньги на путевые расходы и магрибинские¹⁾ динары положил в мешок на седло лошади, которую вели за мной, и отдал ее другому из слуг. Во время привала я клал мешки на ковер и набрасывал сверху них концы. Поверх я клал другой ковер и спал на мешках. Когда надо было ехать, я поднимался раньше своих спутников, шел к слугам, которые охраняли мешки, и отдавал их им. Когда же они призывали их к животным, я ехал будить моих спутников и мы готовились к отъезду. Как-то мы остановились на ночь в пустыне Сынов Израиля²⁾. Когда я поднялся, чтобы выезжать, пришел слуга, который вел на поводу мула, взял мешок и бросил его мулу на спину. Сам он обошел кругом животного, желая затянуть подпругу, но мул вырвался и поскакал с мешком на спине. Я вскочил на коня, которого уже подвел мой стреманный, и крикнул одному из слуг: "Поезжай, поезжай!" Сам я поскакал за мулом, но не догнал его. Он был, как дикий осел, а моя лошадь уже устала от дороги. Мой слуга догнал меня, и я сказал ему: "Поезжай за мулом вот туда!" Он поехал, возвратился и сказал: "Клянусь Аллахом, господин, я не видел мула, а нашел вот этот мешок и поднял его". Я сказал ему: "Мешок-то я и искал, а мул—не велика потеря!" Я вернулся к стоянке, и оказалось, что мул уже прискакал, он вошел в стойло лошадей и встал на свое место. Он хотел только погубить 4.000 динаров.

На нашем пути мы достигли Босры³⁾ и нашли, что аль-Малик-аль-Адил Нур-ад-дин, да помилует его Аллах, у Дамаска.

¹⁾ Магриб—общее название северной Африки к западу от Египта.

²⁾ Пустыня Сынов Израиля—общее наименование местности между Египтом, Аравией и Палестиной.

³⁾ Босра—древний город в Хауране, к югу от Дамаска.

В Босру уже прибыл эмир Асад-ад-дин Ширкух¹⁾, да помилует его Аллах. Я отправился с ним к войску и прибыл туда в ночь на понедельник. На утро я уже беседовал с Нур-ад-дином о том, для чего приехал к нему. Он сказал мне: "О, Усама, жители Дамаска—враги, и франки—враги, и я не спасусь от них, если войду между ними". Я попросил его: "Позволь мне набрать отряд из солдат, которым нет доступа в регулярное войско; я возьму их с собой и возвращусь, а ты пошли со мной кого-нибудь с 30 всадниками, чтобы все было от твоего имени". "Делай так", сказал он. До следующего понедельника я набрал 860 всадников. Я взял их с собой и отправился в земли франков. Мы делали привал по сигналу трубы и по сигналу же отправлялись снова в путь. Нур-ад-дин послал со мной эмира Айн-ад-даула аль-Ярукия с 30 всадниками.

По пути я проехал мимо аль-Кахфа и ар-Ракима²⁾. Я сделал остановку там и вошел помолиться в мечеть, не входя в находящийся там узкий проход; один из бывших со мной турецких эмиров, по имени Бершек, захотел войти в эту узкую щель. Я сказал ему: "Что ты там делаешь, молись снаружи". "Нет бога, кроме Аллаха", воскликнул он, "порождение греха я что ли, чтобы не войти в эту теснину?" "Что ты такое говоришь?" спросил я. Он отвечал: "Это такое место, что в него не войдет сын прелюбодеяния, не сможет войти". Его слова заставили меня встать и войти в это место. Я помолился и вышел, хотя Аллах лучше знает, что я не верил тому, что он сказал. Потом подошли много солдат, и все входили туда и молились. Со мной в войске находился Барак-аз-Зубайди, у которого был черный раб, очень религиозный и много молившийся; это был самый тощий и длинный человек. Он подошел к этому месту и старался изо всей мочи войти туда, но не оказался в состоянии это сделать. Бедняк плакал, печалился и убивался, но принужден был вернуться, не смогши войти.

На заре, едва мы достигли Аскалона и сложили свою поклажу в месте общественной молитвы, как на нас напали франки. К нам вышел Насир-ад-дин Якут, правитель Аскалона, и крикнул: "Уберите, уберите вашу поклажу". Я спросил его: "Ты боишься, что франки у нас ее отымут?" "Да", сказал он. "Не бойся", возразил я, "они видели нас в пустыне и шли с нами рядом, пока мы не достигли Аскалона, и мы их не боялись. Станем ли мы бояться их теперь, когда мы у своего

¹⁾ Курд Асад-ад-дин Ширкух—главнокомандующий Нур-ад-дина, дядя знаменитого Салах-ад-дина (Саладина).

²⁾ Аль-Кахф и ар-Рахим—местность в аль-Белька, к востоку от Мертвого моря, связанная с легендой о семи спящих отроках (Коран XVIII, 8—26).

города! Франки же постояли в отдалении некоторое время и вернулись в свои области. Они собрали против нас войско и двинулись на нас с конницей, пехотой и палатками, желая осадить Аскалон. Мы выступили против них. Пехота из Аскалона также пошла с нами. Я об'ехал отряд и сказал им: „О, товарищи, возвращайтесь к своим стенам и оставьте нас с франками! Если мы победим, вы присоединитесь к нам, а если одержат верх франки, вы останетесь в целости за своими стенами“. Они не пожелали вернуться, и я оставил их и отправился к франкам. Они уже разложили свои палатки, чтобы разбить их и стать лагерем, но мы окружили их и не дали им даже времени снова свернуть полотнища. Они бросили их там, как они были, развернутыми, и стали отступать. Когда они отошли на некоторое расстояние от города, за ними погнались отряды жителей, у которых не было ни стойкости, ни численности. Франки повернули назад и напали на них, при чем некоторые из них были убиты. Пехотинцы, которых я удерживал и которые не желали вернуться, обратились в бегство, но не могли отступить и побросали свои щиты. Мы настигли тогда франков, повернули их назад, и они вошли в свою область поблизости от Аскалона. Бежавшие пехотинцы возвратились, упрекая друг друга и говоря: „Ибн Мункыз оказался опытнее нас.“ Он говорил нам: „возвратитесь“. Но мы не пожелали это сделать, пока не обратились в бегство и не покрыли себя позором“.

Мой брат Изз-ад-даула Абу-ль-Хасан Али ¹⁾, да помилует его Аллах, был со своими товарищами среди тех, кто отправился со мной из Дамаска в Аскалон. Он был один из числа славных мусульманских всадников, да помилует его Аллах, и сражался за веру, а не за земные блага. Однажды мы вышли из Аскалона, желая сделать набег на Бейт-Джибриль ²⁾ и сразиться с жителями. Мы прибыли туда и сразились с ними, но, возвращаясь в город, я увидел что-то очень неладное. Я остановился со своими спутниками; мы высекли огонь и бросили его на гумно. Потом мы стали переходить с места на место. Войско шло впереди меня. Франки, да проклянет их Аллах, собрались сюда из всех крепостей, которые были расположены вблизи. Там было много франкской конницы, и они хотели осадить Аскалон и днем и ночью. Они пошли на наших товарищей, и один из их всадников подскочил ко мне, крича: „Пришли франки“.

¹⁾ Старший брат Усамы, вместе с ним покинувший Шейзар и живший в Дамаске, а с 1144 г. в Аскалоне, где он и был убит в 1152 г., как видно из дальнейшего.

²⁾ Бейт-Джибриль—крепость на полпути между Газзой и Иерусалимом.

Я направился тогда к товарищам, к которым уже подходили передовые отряды франков. А франки, да проклянет их Аллах, самые осторожные люди на войне. Они взобрались на пригорок и остановились там, а мы поднялись на другой пригорок, расположенный напротив. Между возвышенностями лежала равнина, где проходили наши отбившиеся солдаты, сторожа запасных животных, под самыми франками; но ни один всадник не спустился к ним, страшась засады или военной хитрости. А если бы они спустились, то могли бы захватить всех до последнего человека. Мы стояли против них в малом числе, так как наше войско ушло вперед, спасаясь бегством. Франки тоже стояли на пригорке, пока не закончился переход наших товарищей. Потом они пошли на нас, и мы отступили перед ними, ведя бой. Они не особенно старательно преследовали нас, но тот, чья лошадь останавливалась, был убит, а кто падал, того брали в плен. Затем они ушли от нас. Аллах, да будет ему слава, предопределил наше спасение из-за их осторожности. Если бы мы были в таком же числе и победили их так, как они победили нас, то мы бы уничтожили их.

Я оставался в Аскалоне, воюя с франками, четыре месяца. Мы напали тогда на город Ябне ¹⁾, убили там около ста человек и захватили пленных. В конце этого времени пришло письмо от аль-Малик-аль-Адила, да помилует его Аллах, призывавшее меня к нему. Я отправился в Миср, а мой брат Изз-ад-даула Абу-ль-Хасан Али, да помилует его Аллах, остался в Аскалоне. Войско Аскалона выступило в поход на Газзу, и он принял смерть на поле битвы, да помилует его Аллах. А был он одним из ученых среди мусульман и благочестивейшим из всадников.

6. События в Египте

Что касается междоусобия, во время которого был убит аль-Малик-аль-Адил ибн ас-Саллар, да помилует его Аллах, то дело было так. Он отправил в Бильбис ²⁾ войско под предводительством своего пасынка Рукн-ад-дина Аббаса ибн Абу-ль-Футуха ибн Бадиса, чтобы охранять область от франков. С Рукн-ад-дином был его сын Насир-ад-дин Наср ибн Аббас, да помилует его Аллах. Он оставался некоторое время с отцом в войсках, а потом вернулся в Каир, не получив от аль-Адила разрешения и не взяв отпуска. Аль-Адил не одобрил этого

¹⁾ Ябне—приморский город между Аскалоном и Яффой.

²⁾ Бильбис—главный город провинции аш-Шеркий к северо-востоку от Каира.

и приказал ему вернуться к войску, так как полагал, что он поехал в Каир для забавы и развлечения, наскучив пребыванием в войсках. Сын Аббаса тогда столкнулся с аз-Зафиром и подговорил нескольких его слуг, чтобы напасть с ними на аль-Адиля в его доме и убить его, когда он будет искать прохлады в гареме и заснет там. Он условился также с одним из дворецких аль-Адиля, что тот даст ему знать, когда его господин заснет. Домом заведывала одна из жен аль-Адиля, бабка Насра, и он входил к ней без особого разрешения. Как только аль-Адиль заснул, дворецкий известил об этом Насра и тот вместе с шестью своими слугами напал на него в комнате, где тот спал, и убил его, да помилует его Аллах, отрубив ему голову; ее снесли аз-Зафиру. Было это в четверг, 6-го Мухаррема 548 года¹⁾. А в доме аль-Адиля было около 1.000 человек невольников и стражи, но они находились во „дворце мира“, а он был убит в гареме. Все эти люди бежали из дома и у них началось сражение с сообщниками аз-Зафира и Ибн Аббаса. Наконец, один из них поднял голову аль-Адиля на конце копья. Как только сражавшиеся ее увидели, они разделились на два отряда: одни вышли из каирских ворот к Аббасу, чтобы служить и повиноваться ему, а остальные, побросав оружие, отправились к Насру ибн Аббасу и, поцеловав перед ним землю, стали служить ему. На утро его отец Аббас вступил в Каир и остановился во дворце везирата. Аз-Зафир возложил на него почетную одежду и поручил ему все дела. Его сын Наср был постоянным гостем и собеседником аз-Зафира. Аббасу, отцу его, это счень не нравилось, и он опасался своего сына, так как знал систему людей побуждать к избиению друг друга, пока одни не уничтожат других, а они возьмут все, что было у тех; противники же изведут самих себя окончательно. Как-то вечером Аббас и Наср позвали меня к себе. Они были вдвоем и осыпали друг друга упреками. Аббас отвечал Насру на укоры, а тот, опустив голову, как леопард, возвращал ему слово за словом, отчего Аббас только сильнее разгорячался и еще более усиливал свои укоры и упреки. Я сказал тогда Аббасу: „О, господин мой аль-Афдаль, как долго будешь ты бранить и порицать своего сына, когда он молчит? Перенеси свои упреки на меня, потому что я заодно с ним во всем, что он делает, и не отрекаюсь от его ошибок и его правоты. В чем его прегрешение? Он не обидел никого из твоих друзей, ничего не растратил из твоего имущества и ничем не посягнул на твое могущество;

¹⁾ 3-го апреля 1153 г.

он подверг себя опасности, так что ты достиг своего теперешнего положения. Он не заслуживает твоих упреков“. Отец тогда оставил его, и сын сохранил обо мне благодарную память за это.

Аз-Зафир задумал между тем побудить Ибн Аббаса к убийству своего отца, чтобы стать вместо него везирем. Он начал оделять его богатыми дарами. Однажды я был у него, когда аз-Зафир прислал ему 30 серебряных подносов, на которых было 10.000 динаров. Затем он оставил его на несколько дней, а потом прислал ему собрание платьев всяких сортов, подобных которым я никогда еще не видел вместе. После некоторого перерыва, он прислал ему пятьдесят серебряных подносов с 50-ю тысячами динаров. Потом опять оставил его, а затем прислал 30 верховых мулов и сорок верблюдов в полном снаряжении, с мешками и взнузданных. От одного к другому постоянно ходил гонец по имени Муртафи ибн Фахль. Я же проводил время с Ибн Аббасом, и он не отпускал меня ни ночью, ни днем. Во время сна моя голова была на его подушке.

Однажды вечером я был у него. Он находился во дворце Шабура, и к нему еще раньше пришел Муртафи ибн Фахль. Они пробеседовали первую треть ночи, а я держался от них в отдалении. Затем Муртафи ушел, а Ибн Аббас позвал меня и спросил: „Где ты?“ Я ответил: „У окна, читаю Коран, так как сегодня у меня не было времени читать“. Наср тогда начал мне открывать содержание их беседы, чтобы посмотреть, как я отнесусь к этому. Он хотел, чтобы я подкрепил его в том дурном деле, к которому его побуждал аз-Зафир. Я сказал ему: „О, господин, пусть дьявол не заставит тебя споткнуться! Не давайся в обман тому, кто хочет ввести тебя в соблазн. Убийство твоего отца не то, что убийство аль-Адиля. Не делай ничего такого, за что тебя будут проклинять до дня воскресения!“ Наср опустил голову и оборвал разговор со мной, и мы заснули. Его отец узнал об этом деле. Он обошелся с ним ласково и склонил его на свою сторону и сговорился с ним убить аз-Зафира. А Наср и аз-Зафир были ровесники и гуляли по ночам переодетыми. Наср пригласил халифа в свой дом, находившийся в рынке оружейников. Он поставил отряд своих людей в одной из пристроек дома и, когда гости расположились в доме, эти люди бросились на аз-Зафира и убили его. Было это в ночь на четверг, в последний день месяца Мухаррема 541 года¹⁾. Наср бросил тело аз-Зафира в подвал своего дома. С халифом был слуга-негр, по имени Саид-ад-даула, не расстававшийся с ним, которого

¹⁾ 15 апреля 1154 года.

тоже убили. На утро Аббас, по обыкновению, отправился во дворец, чтобы поздравить халифа по случаю четверга. Он сел в одну из зал дворца везирей, как бы в ожидании, когда аз-Зафир начнет аудиенцию для приема поздравлений. Когда же время аудиенции прошло, он позвал управителя дворца и спросил его: „Что с нашим господином, что он не принимает поздравлений?“ Управитель растерялся с ответом, и Аббас закричал на него: „Что с тобой, что ты мне не отвечаешь?“ и тот сказал: „О, повелитель, наш господин... мы не знаем, где он“. Аббас воскликнул: „Люди, подобные нашему господину, не пропадают. Возвращайся и выясни положение“. Тот пошел, но возвратился и сказал: „Мы не нашли нашего господина“. Тогда Аббас сказал: „Народ не может оставаться без халифа. Пойди к нашим господам, братьям аз-Зафира и приведи кого-нибудь из них, чтобы мы могли присягнуть“. Управитель отправился к ним, но опять вернулся со словами: „Господа говорят тебе: „мы не имеем никакого отношения к власти. Его отец отстранил нас от нее и возложил ее на аз-Зафира. После него власть принадлежит его сыну“. „Ну, так приведите его, чтобы мы ему присягнули“, сказал Аббас. Аббас же убил аз-Зафира с намерением сказать: „Это братья его убили его“ и потом казнить их за это. Сын аз-Зафира был еще маленьким мальчиком, и его принес на плече один из слугителей дворца. Аббас взял его на руки и понес, а весь народ плакал. Потом он вошел с ним в залу заседаний его отца. Там находились дети аль-Хафиза, эмир Юсуф и эмир Джибриль и их племянник эмир Абу-ль-Бака. Мы уселись под портиком в зале. Во дворце было больше тысячи человек из войска Мисра, и вдруг, совершенно неожиданно для нас, из залы вышла на двор большая толпа народу и послышался звук мечей, направленных на одного человека. Я сказал своему слуге-армянину: „Посмотри, кого это убили“. Он пошел и вернулся со словами: „Это не мусульмане, они убили моего господина Абу-ль-Амана (он называл так эмира Джибриля), и один из них проткнул ему живот, чтобы вытащить внутренности“. Затем вышел из той же комнаты Аббас, держа под мышкой непокрытую голову эмира Юсуфа, которую он отрубил мечом; кровь еще стекала с нее. Абу-ль-Бака, племянник эмира Юсуфа, был вместе с Насром ибн Аббасом. Их обоих ввели в одну кладовую во дворце и убили. А во дворце было до тысячи обнаженных мечей. Этот день был одним из самых тяжелых, которые мне пришлось пережить, столько произошло тогда мерзких несправедливостей, отвратительных для великого Аллаха и всей твари.

В этот же день случилось нечто удивительное. Когда Аббас захотел войти в одну из зал, он нашел, что двери ее заперты изнутри. А открывать и закрывать залу было поручено старому слуге, которого звали Амин-аль-мульк. Над дверью трудились, пока ее открыли и вошли в залу; старик был найден за дверью мертвым с ключом в руках.

Что же касается до междоусобия, случившегося в Мисре, когда Аббас одержал победу над войсками Мисра, то оно произошло следующим образом. Когда Аббас совершил с детьми аль-Хафиза, да помилует его Аллах, то, что он совершил, сердца народа ожесточились против него и народ затаил в душе вражду и ненависть. Те из дочерей аль-Хафиза, которые находились во дворце, вступили в переписку с мусульманским героем Абу-ль-Гаратом Талаи ибн Руззиком, да помилует его Аллах, призывая его на помощь¹⁾. Он снарядил войско и выступил из своего наместничества, направляясь в Каир. Тогда Аббас приказал снарядить суда, которые нагрозили провиантом, оружием и деньгами. Он велел войску сесть на коней и выступить с ним в поход. Это произошло в четверг второго Сафара пятьсот сорок девятого года²⁾. Он приказал своему сыну Насир-ад-дину оставаться в Каире, а мне сказал: „Ты останешься с ним“. Но как только он выступил из дворца, направляясь на встречу Ибн Руззика, солдаты восстали против него и заперли ворота Каира, и у нас начался с ними бой на улицах и переулках города. Конница сражалась с нами на дороге, а пехота осыпала нас с крыш деревянными стрелами и камнями, в то время, как женщины и дети бросали камнями из окон. Наш бой с ними продолжался с рассвета до вечера. Аббас одержал победу, они открыли ворота Каира и обратились в бегство. Аббас нагнал их в пределах Мисра и убил тех, кого убил. Затем, он вернулся во дворец и снова стал приказывать и запрещать. Он велел было сжечь аль-Баркийю³⁾, потому что там были сосредоточены дома солдат. Я старался смягчить его в этом решении и сказал: „О, господин мой, когда вспыхнет огонь, он сожжет и то, что ты хочешь, и то, что не хочешь, и ты окажешься не в силах потушить его“. Мне удалось отклонить его от этого намерения, и я добился от него помилования эмира аль-Мутамана,

¹⁾ Ибн Руззик в это время был правителем Ушмунейна, ближайшей к Каиру области верхнего Египта.

²⁾ 26 апреля 1154 года.

³⁾ Аль-Баркийя—квартал в восточной части Каира, где находились казармы полка, набравшегося в области Барки, отчего он и получил свое имя.

после того как он приказал было его казнить. Я попросил за него прощения, и Аббас отпустил его вину.

Затем смута улеглась. Она испугала Аббаса, который убедился во враждебности солдат и эмиров и в том, что ему не место среди них. Он твердо решил удалиться из Мисра и направиться в Сирию к аль-Малик-аль-Адилю Нур-ад-дину ¹⁾, да помилует его Аллах, чтобы просить того о помощи.

Между теми, кто находился во дворце, и Ибн Руззиком происходил непрерывный обмен гонцами.

Мы с ним были в большой дружбе, да помилует его Аллах, и поддерживали постоянные сношения, с тех пор, как я поселился в Мисре. Он прислал гонца передать мне: „Аббас не может оставаться в Мисре. Он уйдет в Сирию, и я завладею страной. Ты знаешь, какие у нас с тобой отношения, и поэтому не уходи с ним, хотя он и будет просить об этом и уводить тебя с собой, так как ты понадобишься ему в Сирии. Но ради Аллаха, не присоединяйся к нему; ты ведь мой соучастник во всех благах, которые я получаю“.

Дьяволы нашептали Аббасу об этом или он заподозрил меня, так как знал о нашей дружбе с Ибн Руззиком.

7. Переход в Сирию

Смута, во время которой Аббас выступил из Мисра и был убит франками, произошла так. Когда Аббас заподозрил о моих делах с Ибн Руззиком, что заподозрил, или что-нибудь дошло до него, он призвал меня к себе и заставил поклясться торжественной клятвой, от которой не было никакого выхода, в том, что я выступлю вместе с ним и присоединюсь к нему. Но это его не удовлетворило, и он послал ко мне ночью своего дворецкого, имевшего доступ в его гарем, и взял моих жен, мою мать и детей к себе во дворец. Он сказал мне: „Я беру на себя все расходы на них во время пути и повезу их вместе с матерью Насир-ад-дина“. Он приготовил для своего путешествия своих лошадей, верблюдов и мулов. У него было двести коней и кобыл, которых вели слуги на поводу, по египетскому обычаю, двести верховых мулов и четыреста верблюдов, несших тяжести.

Аббас ревностно занимался наукой с звездах. Основываясь на гороскопе, он назначил свой отъезд на субботу пятнадцатого числа первого Раби этого года ¹⁾. Я находился у него,

¹⁾ Сын атабека Зенги, о котором уже была речь.

²⁾ 30 мая 1154 года.

когда к нему вошел его слуга по имени Антар большой, управлявший его делами, и крупными и малыми. Он сказал ему: „О, господин мой, чего нам ждать от похода в Сирию? Возьми свою казну, жен, слуг и тех, кто последует за тобой, и иди с нами в Александрию. Мы соберем и снарядим там войско и двинемся обратно против Ибн Руззика с его сообщниками. Если ты победишь, ты вернешься во дворец и к власти, а если окажешься слабее его, вернешься в Александрию. Мы укрепимся в этом городе и сумеем защититься от нашего врага“. Аббас оборвал его и назвал его мнение ошибочным, хотя истина была на его стороне.

В пятницу утром он позвал меня к себе на самом расвете. Придя к нему, я сказал: „О, господин мой, если я буду у тебя от зари до ночи, когда же я приготовлюсь к путешествию?“ Он ответил: „К нам прибыли гонцы из Дамаска, ты отошлешь их и пойдешь делать свои приготовления“. Перед тем он пригласил к себе нескольких эмиров и заставил их поклясться, что они не предадут его и не устроят против него заговора. Он призвал также и предводителей племен Дарма, Зурейк, Джудам, Симбис, Тальха, Джафар и Лавата и заставил их дать клятву в том же на Коране и разводе ¹⁾.

Утром в пятницу я был у него, и мы ничего не подозревали, как вдруг эти люди, надев оружие, двинулись на нас. Во главе были те самые эмиры, с которых он накануне брал клятву. Аббас велел оседлать вьючных животных. Их оседлали и поставили перед воротами дворца, так что между нами и египтянами появилась как бы плотина, и они не могли добраться до нас, вследствие скопления впереди вьючных животных. К ним вышел его слуга Антар большой, который предлагал ему вышеуказанный план. Он был управителем над всей остальной прислугой и стал кричать на них и бранить, говоря: „Ступайте по домам и распрягите животных“ ²⁾. И конюхи, погонщики мулов и верблюдов разошлись, а животные остались без присмотра и были разграблены.

Аббас сказал мне: „Отправляйся, приведи мне турок, которые у „ворот победы“ ³⁾; писцы потом рассчитаются с ними“. Когда я пришел и позвал их, они все сели на коней, а их было около восьмисот человек, и выехали из каирских

¹⁾ Приносящий эту клятву обязуется, в случае ее нарушения, развестись со своими женами.

²⁾ Быть может, это приказание было со стороны Антара мстью за неприятый совет.

³⁾ Ворота победы (Баб-ан-набр) около мечети аль-Хакима в северной части Каира.

ворот, уклоняясь от боя. Невольники, которых было больше, чем турок, также сели на коней и выехали через „ворота победы“. Я вернулся к Аббасу и рассказал ему об этом. Затем, я занялся снаряжением своих жен, которых Аббас перевез к себе во дворец. Я вывез их вместе с гаремом Аббаса. Когда дорога освободилась, и все животные были расхищены, египтяне бросились на нас и заставили нас отступить. Нам было мало, а у них было много народа. Когда мы вышли из „ворот победы“, они бросились к воротам и заперли их. Потом они вернулись к нашим домам и разграбили их. Они захватили из моих комнат сорок седельных мешков, в которых было много серебра, золота и платьев; увели из конюшни тридцать шесть коней и верховых мулов, оседланных и в полном снаряжении, и двадцать пять верблюдов. В моем поместьи в Кум Ашфине¹⁾ они забрали двести штук коров, принадлежавших крестьянам, тысячу овец, а также хлебные запасы.

Когда мы отошли от „ворот победы“, собрались бедуинские племена, с которых Аббас брал клятву, и вступили с нами в бой, продолжавшийся от зари пятницы до четверга двадцатого числа первого Раби²⁾. Они сражались с нами весь день, а когда ночь окутывала землю и мы располагались на отдых, они оставляли нас в покое, пока мы не заснем, а потом под'езжали с сотней всадников и сгоняли своих лошадей к одному из наших флангов. Они подымали громкий крик и тех наших всадников, которые со страха выезжали к ним, они захватывали в плен.

Однажды я отделился от товарищей. Я сидел на белой лошади, худшей из всех моих лошадей, которую в тот день оседлал стремянный. Мы не знали, что происходит, и со мной не было никакого оружия, кроме меча. На меня напали бедуины, а у меня не было ничего, чем бы отразить их, и мой конь не мог меня спасти от них.

Копья их даже касались меня, и я сказал себе: „Спрыгну с лошади и вытащу меч, чтобы отбиться от них“.

Я собрался с духом, чтобы прыгнуть, но мой конь споткнулся, и я упал на камни и твердую землю. С головы я сорвал кусок кожи, и до того был ошеломлен, что перестал понимать, что со мной. Около меня остановилось несколько человек из нападавших. Я сидел с непокрытой головой, почти без сознания, а мой меч в ножнах был брошен тут же.

¹⁾ Это поместье, пожалованное Усаме при поселении в Египте, лежало к северо-западу от Каира.

²⁾ Иначе говоря, с 29 мая до 4 июня 1154 года.

Один из бедуинов ударил меня два раза мечом и воскликнул: „Давай сполна!“ Я даже не понял, что он сказал. Бедуины забрали моего коня и меч, но тут меня увидели турки и возвратились ко мне. Насир-ад-дин ибн Аббас прислал мне коня и меч, и я отправился обратно; у меня не было даже повязки, чтобы перевязать мои раны. Да будет слава тому, чье царство не имеет конца!

Мы двигались вперед, и ни у кого из нас не было ни горсточки провианта. Когда я хотел выпить воды, я сходил с коня и пил пригоршнями.

А перед отъездом я сидел вечером на кресле в одной из приемных моего дома, и мне привезли шестнадцать верблюжьих грузов воды, и один Аллах, да будет ему слава, знает, сколько бурдюков и других сосудов!

Я не мог взять с собой своих жен и вернул их из Бильбиса¹⁾ обратно к аль-Малик-ас-Салиху Абу-ль-Гарату Талаи ибн Руззiku, да помилует его Аллах²⁾. Он очень хорошо принял их, поселил их во дворце и предоставил им все необходимое.

Когда бедуины, сражавшиеся с нами, пожелали уйти от нас обратно, они явились к нам, требуя защиты, если мы возвратимся.

Мы двигались вперед вплоть до воскресенья двадцать третьего числа первого Раби³⁾.

Франки, собрав войско, напали на нас утром у аль-Мувайлиха⁴⁾. Они убили Аббаса и его сына Хусам-аль-Мулька и взяли в плен его другого сына Насир-ад-дина⁵⁾. Они захватили его казну, гарем и убили тех, кого взяли в плен. Мой брат Наджм-ад-даула Абдаллах Мухаммед, да помилует его Аллах, был также захвачен франками⁶⁾. Они оставили нас после того, как мы оказались под защитой гор. Мы продолжали продвигаться по стране франков, и наше положение было

¹⁾ Бильбис, главный город египетской провинции аш-Шеркийя (восточной), лежал к северо-востоку от Каира. Здесь была база для защиты Египта от нападений крестоносцев сухим путем.

²⁾ В это время Ибн Руззик стал уже полновластным везирем Египта при малолетнем халифе.

³⁾ 7 июня 1154 года.

⁴⁾ Оазис между синайским полуостровом и каменистой Аравией; местоположение его точно не определено.

⁵⁾ Насир-ад-дин был впоследствии выкуплен фатымидами, подвергнут жестоким мучениям за убийство халифа аз-Зафира и пригвожден к кресту, на котором труп его висел около двух лет.

⁶⁾ Впоследствии брат Усамы был обменен Нур-ад-дином на одного пленного франкского рыцаря-храмовника.

тяжеле смерти. У нас не было ни пищи для людей, ни корма для животных.

Наконец, мы достигли гор Вади-Муса¹⁾, где жило племя Бену-Фахид, да проклянет их Аллах, и стали подниматься по узким и тяжелым дорогам, пока не добрались до ровной местности с населением. А эти проклятые дьяволы убивали всех из нас, кого только они могли захватить по одиночке.

В этой области обыкновенно находился кто-нибудь из Таитских эмиров племени Бену-Рабаи. „Кто здесь есть из эмиров Бену-Рабаи?“—спросил я. Мне сказали: „Мансур ибн Гидафль“. А это был один из моих друзей. Я дал одному человеку два динара и сказал ему: „Иди к Мансуру и скажи ему: твой друг Ибн Мункыз приветствует тебя и просит, чтобы ты пришел к нему завтра утром“.

Мы провели дурную ночь, опасаясь этих людей. Когда настало утро, они взяли свое оружие и стали у ручья, заявив: „Мы не дадим вам пить нашу воду, чтобы не погибнуть нам самим от жажды“. А в этом ручье хватило бы воды для Рабаи и Мудара²⁾, и сколько еще было таких ручьев в их земле!

У них была только одна цель—вызвать нас на бой с ними и потом захватить в плен. Таково было наше положение, когда прибыл и Мансур ибн Гидафль. Он закричал на них и стал их ругать, и они разбежались. „Садись на коня“, сказал он мне. Мы сели и стали спускаться по дороге, еще более узкой и тяжелой, чем та, по которой мы поднимались.

Мы спустились благополучно в котловину, хотя могли и не уцелеть. Я собрал для эмира Мансура тысячу египетских динаров и отдал их ему. Он вернулся обратно, а мы продолжали путь, пока не доехали до города Дамаска, с теми, кто уцелел от франков и от Бену-Фахид, в пятницу пятого числа второго Раби этого года³⁾.

Спасение от опасностей этого пути служит доказательством благого промысла Аллаха, да будет он возвеличен и прославлен, и его чудесного покровительства.

Во время этих событий произошел удивительный случай. Аз-Зафир прислал Ибн Аббасу маленькую, хорошенькую франкскую лошадку. Я в это время выехал в одну из своих деревень, а мой сын Абу-ль-Фаварис Мурхаф находился у

¹⁾ Вади-Муса („Долина Моисея“) в каменистой Аравии в области города Петры.

²⁾ Рабаи и Мудар — имена крупнейших арабских племен. В словах Усамы кроется ироническая гипербола.

³⁾ 19 июня 1154 года.

Ибн Аббаса. Ибн Аббас сказал: „Мне бы хотелось иметь для этой лошадки красивое седло из Газзы“¹⁾. Мой сын отвечал ему: „Я нашел его, о, господин мой, оно выше похвал!“ „Где же оно?“ спросил Ибн Аббас. „В доме твоего слуги, моего отца“,—сказал мой сын,—„у него есть красивое газзское седло“. „Пошли принести его!“—воскликнул Ибн Аббас. Мой сын послал в дом гонца, и тот взял седло. Оно понравилось Ибн Аббасу, и он оседлал им лошадку. Это седло приехало со мной из Сирии на одном из вьючных животных. Оно было в высшей степени красиво, подбито и заткано чернью и весило сто тридцать миткалей²⁾. Когда я вернулся из имения, Насирад-дин сказал мне: „Мы тебя обидели и взяли у тебя из дома это седло“. „О, господин“, сказал я, „как я счастлив служить тебе“.

Когда франки напали на нас у аль-Мувайлиха, со мной было пять невольников верхом на верблюдах—бедуины отняли у них лошадей. Когда появились франки, лошади остались без призора. Тогда мои слуги сошли с верблюдов, перехватили лошадей и, забрав несколько из них, сели на них верхом. На одной из захваченных ими лошадей было то самое золотое седло, которое взял себе Ибн Аббас.

Хусам-аль-Мульк³⁾, двоюродный брат Аббаса и брат Аббаса ибн аль-Адила⁴⁾, был в числе тех из нас, кто спасся. Он слышал историю с этим седлом и сказал, так что я мог слышать его слова: „Все разграблено, что принадлежало этому несчастному (т. е. Ибн Аббасу); часть захватили франки, а часть—его же товарищи“. „Может быть, ты имеешь в виду это золотое седло?“—спросил я. Он отвечал: „Да“. Тогда я приказал принести его и сказал: „Читай, что на нем написано: имя Аббаса, его сына или мое? Да и кто в Мисре во времена аль-Хафиза мог ездить на золотом седле, кроме меня?“ Мое имя было вышито чернью по краям седла, а в середине оно было выткано. Когда Хусам-аль-Мульк прочел написанное на седле, он извинился и замолчал.

8. Конец везиря Рудвана

Не будь все, что произошло с Аббасом и его сыном, проявлением воли Аллаха и следствием непокорности, предатель-

¹⁾ Город Газза в южной Палестине славился седельной промышленностью.

²⁾ Миткаль—вес, приблизительно, около 4 граммов.

³⁾ Тезка Хусам-аль-Мулька, сына Аббаса, убитого в сражении.

⁴⁾ Иначе говоря, Ибн-ас-Саллара.

ства и неблагодарности, он мог бы увидеть предостережение в том, что случилось до него с аль-Афдалем Рудваном ибн аль-Валахши, да помилует его Аллах¹⁾. Он был везирем, и солдаты возмутились против него по наущению аль-Хафиза²⁾, как позже восстали против Аббаса. Он выступил из Мисра, направляясь в Сирию, его дворец и гарем были разграблены. Какой-то человек, которого звали аль-Каид Мукбия, увидел с неграми девушку, купил ее у них и отослал к себе домой. У этого человека была добрая жена. Она поместила девушку в комнате наверху дома и услышала, как та говорила: „Может быть, Аллах дарует нам власть над теми, кто предал нас и поступил с нами так неблагодарно“.

Жена Мукбия спросила ее: „Кто ты такая?“ Она ответила: „Я Катр-ан-нада, дочь Рудвана“. Тогда жена Каида-аль-Мукбия послала за мужем, который был на месте службы у ворот дворца, и рассказала ему про девушку. Он написал аль-Хафизу заявление, извещая его об этом, и тот прислал дворцового слугу, который взял дочь Рудвана из дома Мукбия и доставил ее во дворец. Тем временем Рудван прибыл в Сальхад³⁾, где находился атабек Амин-ад-даула Тугтегин⁴⁾, да помилует его Аллах. Он оказал Рудвану почет, вызвался ему служить и отвел помещение. А царь эмиров атабек Зенги ибн Ак-Сункар⁵⁾, да помилует его Аллах, в это время осаждал Баальбек⁶⁾. Он вступил в сношения с Рудваном и условился, что тот отправится к нему. А это был человек совершенный: великодушный, доблестный, образованный и знающий. Войско было к нему очень расположено за его щедрость. И сказал мне эмир Муин-ад-дин⁷⁾, да будет доволен им Аллах: „Если этот человек присоединится к атабеку, нас постигнет из-за него много бед“. „Что же ты думаешь делать?“ спросил я. Муин-ад-дин отвечал: „Ты пойдешь к нему: может быть, тебе удастся отклонить его от намерения отправиться к атабеку, и он приедет в Дамаск. Ты увидишь, как тебе поступать, чтобы добиться этого“.

¹⁾ Рудван (с полным титулом ас-сейид аль-аджалль аль-мелик аль-афдаль „славнейший господин, достойный царь“) был везирем при халифе аль-Хафизе в 1137—1139 году.

²⁾ Произошло это 14 июня 1139 г.

³⁾ Сальхад около Босры в области Хауран к юго-востоку от Дамаска.

⁴⁾ Атабек Тугтегин, основатель династии буридов в Дамаске, умер уже в 1128 г., так что в рассказ Усамы вкралась какая-то неточность.

⁵⁾ Упомянутый в начале воспоминаний Усамы атабек Мосула.

⁶⁾ Известный развалинами храма Солнца город в долине между Ливаном и Антиливаном.

⁷⁾ Упомянутый в начале министр Дамасских буридов.

Я отправился к нему в Сальхад, где встретился с ним и его братом аль-Аухадом. Я беседовал с ним, и аль-Афдаль Рудван сказал мне: „Дело уже мной сделано: я дал слово этому султану, что приду к нему, и мне нужно сдержать свое слово“. Тогда я сказал ему: „Да приведет тебя Аллах к дсбру! Я вернусь к своему господину, так как он не может без меня обойтись. Он рассчитывал, что я выскажу тебе то, что у меня на душе“. „Говори“, сказал Рудван. Я тогда продолжал: „Когда ты прибудешь к атабеку,—столько ли у него войска, чтобы послать с тобой в Миср половину, оставшись с другой половиной осаждать нас?“ „Нет“, сказал Рудван. „А если он окружит и осадит Дамаск“, продолжал я, „и возьмет его через много времени, то будет ли он в состоянии идти с тобой в Миср, когда его войско ослабнет, деньги истощатся, а поход и так затянется, не запасшись предварительно новым снаряжением и не усилив войска?“ „Нет“, повторил Рудван. Я продолжал: „В это время он тебе скажет: „пойдем в Алеппо пополнить походные запасы“. А когда вы будете в Алеппо, он скажет: „пойдем к Евфрату, наберем туркменов“. Когда вы пойдете к Евфрату, он опять скажет: „если мы не перейдем Евфрат, туркмены к нам не присоединятся“. Когда вы перейдете Евфрат, он будет украшаться тобой и хвастаться перед султанами востока и говорить: „вот вельможа из Мисра у меня на службе“. И тогда ты пожелаешь увидеть хоть камешек из камней Сирии и не сможешь этого. Тогда ты вспомнишь мои слова и скажешь: „он давал мне хороший совет, а я не послушался“. Рудван в раздумьи опустил голову, не зная, что сказать. Потом он повернулся ко мне и спросил: „Что же мне делать? А ты еще хочешь возвращаться“. Я сказал: „Если от моего пребывания здесь будет какая-нибудь польза, я останусь“. Он сказал: „Хорошо“. Я остался, и наша беседа с ним неоднократно возобновлялась. Мы, наконец, условились, что он придет в Дамаск и получит за это тридцать тысяч динаров, половину деньгами, половину поместьями. Кроме того, ему отведут дом аль-Акики¹⁾, а его приближенным будет выдаваться жалованье канцелярией. Он приложил к условию свою подпись, а у него был прекрасный почерк, и сказал мне: „Если бы ты пожелал, я мог бы отправиться вместе с тобой“. „Нет“, сказал я, „я возьму с собой отсюда голубя, а когда приеду и освобожу для тебя дом и устрою

¹⁾ Ахмед-аш-Шериф-аль-Акики — знатный и влиятельный дамаскинец (ум. ок. 978 г.), современник хамданидского князя Сейф-ад-даули. Ему принадлежали дом и бани у западных ворот омейядской мечети. По его имени владение было известно еще в 50-х годах XIX века.

все дело, я выпущу к тебе голубя, а сам сейчас же выйду, чтобы встретить тебя на полдороге, и буду ехать перед тобой". Он согласился на это, и я попрощался с ним и уехал. Амин-ад-даула очень хотел, чтобы Рудван вернулся в Миср, ради того, что он обещал ему и возбудил в нем жадность. Он собрал для него, сколько мог, войска и выправил его уже после того, как я с ним расстался.

Но едва он вошел в пределы Мисра, турки, которые были с ним, изменили ему и разграбили его поклажу¹⁾. Он был вынужден искать защиты у одного бедуйнского племени и послал гонцов к аль-Хафизу, прося у него пощады. Затем он возвратился в Каир, но сейчас же по прибытии аль-Хафиз приказал заключить его в тюрьму вместе с сыном²⁾. Около этого времени³⁾ мне случилось приехать в Миср. Он был заключен в одном доме около дворца, пробуравил железным гвоздем стену в четырнадцать локтей толщиной и в ночь на четверг⁴⁾ бежал из тюрьмы. У него был родственник среди эмиров, который знал о его предприятии. Он находился около дворца, поджидая его, и приготовил для него отряд из Лаватидов. Они пошли к нему и переправились в Гизе⁵⁾. Весь Каир был взволнован его бегством. На другое утро он был в своем дворце в Гизе, и народ стал собираться около него. Войско Мисра уже приготовилось сразиться с ним. В пятницу рано утром Рудван переправился в Каир, а войско Мисра во главе с Каймазом, „начальником ворот“⁶⁾, надело доспехи для битвы. Когда он подошел к ним, то обратил их без труда в бегство и вступил в Каир. Я под'ехал со своими товарищами к воротам дворца, прежде чем Рудван вошел в город. Я нашел ворота закрытыми, около них не было никого. Тогда я вернулся обратно и оставался в своем доме.

Рудван же расположился у мечети аль-Акмар⁷⁾. Около него собрались эмиры, ему стали приносить провиант и деньги. Аль-Хафиз собрал в своем дворце несколько негров, которые напились до пьяна. Тогда он велел открыть им ворота дворца, и они вышли, рассчитывая схватить Руд-

¹⁾ Произошло это в сентябре 1139 года.

²⁾ 29 ноября 1139 года.

³⁾ Согласно дате, приведенной выше, 30 ноября 1144 г.

⁴⁾ 13 апреля 1148 г.

⁵⁾ Поселение на западном берегу Нила, напротив старого Каира, около знаменитых пирамид.

⁶⁾ Начальник ворот (сахиб-аль-баб)—почетный титул, по степени равняющийся помощнику везира.

⁷⁾ Мечеть была построена предшественником аль-Хафиза халифом аль-Амиром в 1125 г.

вана. Когда поднялся крик, все эмиры сели на коней и раз'ехались от Рудвана. Он вышел из мечети и обнаружил, что стреманный забрал его коня и скрылся. Один из молодых стражников увидел, что Рудван стоит у дверей мечети и сказал: „О господин мой, не сядешь ли на моего коня?“ „Хорошо“, сказал Рудван. Юноша подскочил к нему с мечом в руках, нагнулся, как бы наклоняясь, чтобы сойти с коня, и ударил Рудвана мечом. Тот упал, а тем временем подоспели негры и убили его. Жители Мисра разделили между собой его мясо, чтобы поесть и стать храбрецами¹⁾.

В этом было бы назидание и поучение, если бы не проявилась тут божественная воля.

Один из моих сирийских друзей получил в тот день много ран. Его брат пришел ко мне и сказал: „Мой брат при смерти: он ранен мечом и другим оружием туда-то и туда-то. Он без сознания и не приходит в себя“. „Вернись,пусти ему кровь“, сказал я. „Из него уже вышло 20 ритлей²⁾ крови“, воскликнул брат раненого. „Вернись,пусти ему кровь, повторил я, я опыжнее тебя в ранах, и для него нет другого лекарства, кроме кровопускания“. Он пошел и не показывался часа два, потом возвратился с радостью и сказал мне: „Я пустил ему кровь, и он пришел в себя, сел, ел и пил; опасность для него миновала“. „Слава Аллаху“, сказал я, „если бы я не испробовал этого на самом себе несколько раз, я бы не стал тебе советовать“.

9. Вероломство короля франков

После этого я перешел на службу к аль-Малику-аль-Адилю Нур-ад-дину, да помилует его Аллах. Он написал аль-Малику-ас-Салиху³⁾, прося его отправить моих жен и детей, которые остались в Мисре. Аль-Малик-ас-Салих хорошо обходился с ними, но он вернул гонца обратно с извинением, что боится за них из-за франков. Мне он написал: „Возвращайся в Миср. Ты, ведь, знаешь, какие у нас с тобой отношения. Если же ты не расположен к живущим во дворце, тогда отправляйся в Мекку. Я пришлю тебе грамоту, которой дам в управление город Ассуан⁴⁾, и дам тебе подмогу, чтобы

¹⁾ Этот обычай, сохранившийся у многих диких народов, был очень распространен в древней Аравии; считалось особенно полезным с'есть печень или сердце убитого врага.

²⁾ Ритль—вес около 400 граммов.

³⁾ Имеется в виду упоминавшийся уже египетский везир Ибн-Руззик.

⁴⁾ Город Ассуан, известный теперь знаменитой нильской плотиной, расположен на южной границе верхнего Египта.

ты был в состоянии воевать с Абиссинцами. А Ассуан ведь один из пограничных мусульманских городов. Я пришлю к тебе туда твоих жен и детей“.

Я посоветовался с аль-Маликом-аль-Адилем и старался узнать его мнение. Он сказал мне: „О Усама, ты не верил себе, когда спасся из Мисра с его смутами, а теперь опять вернешься туда. Жизнь ведь коротка для этого. Я пошлю к королю франков взять пропуск для твоей семьи и отправлю кого-нибудь привезти их“. И он, да помилует его Аллах, послал взять у короля¹⁾ пропуск, действительный на суше и на море. Я послал пропуск со своим слугой вместе с письмом аль-Малика-аль-Адила и моим к аль-Малику-ас-Салиху. Аль-Малик-ас-Салих отправил мою семью на собственной барке в Дамиэтту²⁾, снабдив их всем необходимым, деньгами и припасами, и дал свои распоряжения относительно их. От Дамиэтты они отплыли на франкском судне. Когда они приблизились к Акке³⁾, франкский король, да не помилует его Аллах, послал в маленькой лодке отряд своих людей, которые подрубили корабль топорами на глазах наших людей. Король, приехавший верхом, остановился на берегу и приказал разграбить все, что было на корабле. Мой слуга добрался к королю вплавь, захватив с собой пропуск, и сказал ему: „О король, господин мой, не твой ли это пропуск?“ „Верно“, ответил король, „но по мусульманскому обычаю, когда судно потерпит крушение у берегов их страны, жители этой страны грабят его“.

„Что же, ты возьмешь нас в плен?“—спросил мой слуга. Король отвечал: „Нет“. Он, да проклянет его Аллах, поселил их всех в одном доме и велел обыскивать женщин, пока у них не отобрали все, что с ними было. На судне они захватили украшения, сложенные там женщинами, платья, драгоценные камни, мечи и оружие, золото и серебро, приблизительно, на тридцать тысяч динаров. Король забрал все это и выдал им пятьсот динаров со словами: „С этим вы доберетесь до вашей страны“. А их было, мужчин и женщин, около пятидесяти душ.

В то время я находился вместе с аль-Маликом-аль-Адилем в земле царя Масуда⁴⁾ в Рабана и Кайсуне⁵⁾. Спасение

¹⁾ Имеется в виду король Иерусалимский Балдуин III (1142—1162).

²⁾ Дамиэтта—египетский порт у восточного угла нильской дельты.

³⁾ Сирийский порт к северу от Яффы, известный по средневековым хроникам под именем Сен-Жан д'Акр.

⁴⁾ Масуд, из династии так называемых римских сельджуков, правил некоторыми областями Малой Азии (приблизительно до 1156 г.)

⁵⁾ Две крепости Рабан и Кайсун лежали около Самосата на границе между Киликией и Месопотамией.

моих детей, детей моего брата и нашего гарема облегчило мне пропажу погибшего имущества. Только гибель книг, а их ведь было четыре тысячи переплетенных великолепных сочинений—останется раной в моем сердце на всю жизнь. Такие бедствия потрясают горы и губят богатства, но Аллах, да будет ему слава, возмещает все в своей благости и увенчивает все своей милостью и прощением. Эти большие несчастья, свидетелем которых мне пришлось быть, присоединились к бедствиям, которые я сам испытал, но в которых моя душа уцелела до исполнения жизненных пределов, хотя я разорился вследствие гибели моего имущества. В промежутках между этими бедствиями я принимал участие в войнах с неверными и мусульманами, которых мне не счесть. Я расскажу обо всех удивительных событиях, которых был свидетелем или в которых участвовал во время этих войн, расскажу обо всем, что придет мне на память. Упрека в забывчивости не заслуживает тот, над кем протянулось уже много лет. Она ведь наследие сынов Адама от их отца, да будет над ним благословение и мир¹⁾.

10. Честь героя

Мне довелось быть свидетелем того, как горды наши всадники и как они подвергают себя опасности. В то время²⁾ мы сошлись с Шихаб-ад-дином Махмудом ибн Караджей, властителем Хама³⁾. Наша война с ним была перемежающейся: войска стояли друг против друга и только отдельные соперничали между собой. Ко мне подехал один из наших прославленных конных воинов по имени Джем'а из племени Бену Нумейр⁴⁾. Он плакал. „Что с тобой, о Абу-Махмуд?“—спросил я: „время ли теперь плакать?“ Он отвечал: „Меня ударил копьем Серхенк ибн Абу-Мансур“. „Что же из того, что Серхенк ударил тебя?“—спросил я. „Ничего“, сказал Джем'а, кроме того, что мне нанес удар такой человек, как Серхенк. Клянусь Аллахом, для меня легче смерть, чем то, что он меня ударил, хотя он только воспользовался моей рас-

¹⁾ Хронологический порядок, наблюдавшийся до некоторой степени в предшествующем изложении Усамы, в дальнейшем окончательно нарушается, и различные воспоминания группируются теперь по принципу простой ассоциации идей.

²⁾ Рассказ относится еще к эпохе пребывания Усамы в родном Шейзаре.

³⁾ Город на Оронте к югу от Шейзара.

⁴⁾ Джем'а часто фигурирует в военных воспоминаниях Усамы в дальнейшем.

сеянностью и напал на меня врасплох". Я принялся успокаивать его и умалять в его глазах важность дела, но он повернул голову своей лошади обратно. „Куда ты, о Абу-Махмуд?"—спросил я. „К Серхенку!"—воскликнул он, „клянусь Аллахом, я непременно ударю его копьем или сам умру прежде него". Он не показывался некоторое время, а я отвлекся теми, кто был против меня. Затем Джам'а возвратился со смехом: „Что ты сделал?"—спросил я его. Он ответил: „Я ударил его и, клянусь Аллахом, я бы наверное сам погиб, если бы не нанес ему удара". Джам'а бросился на Серхенка среди его товарищей, ударил его копьем и вернулся. Вот стихотворение, в словах которого можно видеть намек на Серхенка и Джам'у:

О, создание Аллаха! ты не думаешь о мстителе,
жаждущем расплаты и лишенном сна от гнева.

Ты пробудил его, а сам заснул. Он же не спит
от ярости против тебя, да и какой сон у пылающего мстят?

Если дни дадут власть над тобой, то ведь может
когда-нибудь случиться, что и тебе отмерят полной мерой.

Этот самый Серхенк был одним из наиболее прославленных предводителей курдских всадников, но только он был юноша, а Джам'а зрелый муж. У него было благоразумие его возраста и преимущество в доблести.

Поступок Серхенка напоминает то, что сделал Малик-аль-Харис-Аштар¹⁾ с Абу-Мусайкой Ийядитом. А именно, когда во дни Абу-Бекра „правдивого"²⁾, да будет над ним милость Аллаха, арабы отпали от истинной веры, и Аллах, да будет он превознесен, внушил Абу-Бекру войну с ними, он снарядил войска против отпавших бедуйских племен. А Абу-Мусайка Ийядит был вместе с Бену Ханифа. Это были истые львы среди прочих арабов по своей силе. Малик-аль-Аштар был в войске Абу-Бекра, да помилует его Аллах. Когда войска стали друг против друга, Малик выступил вперед между рядами и закричал: „Эй, Абу-Мусайка!" Тот вышел к нему, и Малик сказал: „Горе тебе, о Абу-Мусайка, после Ислама и чтения Корана ты вернулся к неверию!" „Отстань от меня, о Малик", ответил ему Абу-Мусайка, „они запрещают вино, а я не могу утерпеть без него". „Согласен ли ты на единоборство?"—спросил Малик. „Да", сказал Мусайка. Они столкнулись копьями и сшиблись мечами. Абу-Мусайка ударил

¹⁾ Известный военный деятель первых времен ислама, убитый около 660 г.
²⁾ Первый Халиф, преемник Мухаммеда (632—634 г.).

Малика, рассек ему голову и выворотил веко. Вследствие этой-то раны он и стал называться аль-Аштар¹⁾. Он вернулся к своему лагерю, обхватив руками шею лошади. Около него с плачем собрались родственники и друзья. Малик сказал одному из них: „Вложи мне в рот твою руку". Тот положил палец ему в рот и Малик укусил его так, что этот человек скорчился от боли. „Нет опасности для вашего товарища", сказал Малик, „ведь говорится: „Когда целы зубы, цела и голова". „Наполните ее (он разумел рану)—мелкой мукой и перевяжите тюрбаном". Когда ее наполнили и перевязали, Малик воскликнул: „Подайте сюда мою лошадь!" — „Куда ты?" спросили его. — „К Абу-Мусайке", ответил он. Он выступил между рядами и закричал: „Эй, Абу-Мусайка!" Тот выехал к нему с быстротой стрелы, и Малик нанес ему рану в плечо, разрубив его до самого седла, и тот умер. Затем Малик вернулся в свой лагерь и провел сорок дней, не будучи в состоянии двигаться. Потом он выздоровел и оправился от этой раны.

11. Редкие раны

Я был свидетелем спасения одного раненого, хотя думали, что он уже погиб. Мы сражались с передовыми конными отрядами Шихаб-ад-дина Махмуда ибн-Караджи²⁾. Он пришел в нашу землю и устраивал нам засады.

Когда мы стояли друг против друга, наша конница рассеялась по сторонам. Ко мне подъехал один из всадников нашего войска по имени Али ибн Селям нумейрит, и сказал: „Наши товарищи раз'ехали; если враги нападут на них, они их погубят". „Задержи моих братьев и родственников, пока я не верну наших товарищей", ответил я. „О, эмиры", закричал Али, „дайте ему вернуть людей и не следуйте за ним; иначе враги нападут на них и опрокинут". Эмиры ответили: „Пусть едет". Я выехал, погоняя коня, с намерением вернуть наших всадников. Противники держались в отдалении, чтобы их завлечь и тогда справиться. Когда же они увидели, что я вернул своих, они бросились на нас, и их засады вышли. Я был на некотором расстоянии от товарищей и возвратился, чтобы отразить врагов и прикрывать тыл нашего отряда. Я увидел, что мой двоюродный брат Лейс-ад-даула Яхья, да помилует его Аллах, обнажил меч позади моих товарищей на южной стороне дороги, тогда как я был на северной. Мы с

¹⁾ Аль-Аштар значит, собственно, имеющий вывернутые веки.

²⁾ Упомянутый выше властитель Хама.

ним под'ехали к войску. Мимо нас быстро проехал один из вражеских всадников по имени Фарис ибн Зимам. Это был бедуинский герой, пользовавшийся большой славой. Он желал сразиться с нашими товарищами. Мой двоюродный брат опередил меня и ударил его копьем. Фарис упал вместе с лошастью, а копье треснуло, так что было слышно и мне и всем остальным.

Мой отец, да помилует его Аллах, послал к Шихаб-ад-дину гонца, которого тот задержал у себя, когда выступил войной против нас. Когда Фарис ибн Зимам был ранен и Шихаб-ад-дин не добился от нас того, чего хотел, он отправил гонца из своего лагеря обратно с ответом относительно того, ради чего тот прибыл, а сам вернулся в Хама.

„Что же, умер Фарис ибн Зимам?“—спросил я гонца. „Нет, клянусь Аллахом“, ответил тот, „он даже не ранен. Сам я видел, как Лейс-ад-даула ударил его и свалил вместе с лошастью“, продолжал он, „я слышал треск копья, когда оно сломалось. Когда Лейс-ад-даула занес над ним удар слева, Фарис наклонился в правую сторону, держа в руке копье. Его лошадь упала на это копье, оно попало в яму и сломалось. Лейс-ад-даула зацепился за всадника своим копьем и оно выпало у него из рук. То, что я слышал, был треск копья Фариса ибн Зимам. Копье же Лейс-ад-даулы принесли Шихаб-ад-дину в моем присутствии. Оно было цело без единой трещины, а Фарис не был ранен“. Я очень удивился его спасению. Этот удар был вроде ударов острого меча, о которых Антара¹⁾ сказал:

— „Кони и всадники знают, что я рассеиваю ряды ударами острого меча“.

Войска Шихаб-ад-дина вернулись вместе с засадой, не добившись при помощи ее того, чего хотели. Предыдущий стих взят из стихотворения Антары ибн Шеддада, в котором он говорит:

„Я — герой, и половина моего существа принадлежит к совершеннейшему роду племени Абс, а другую половину я защищаю острым мечом²⁾“.

Когда отряды стоят неподвижно и украдкой наблюдают друг за другом, я оказываюсь лучше тех, кто хвалится своими дядями со стороны отца и матери.

¹⁾ Антара ибн Шеддад из племени Абс — знаменитый доисламский поэт, автор одной из семи муаллаков. Впоследствии он явился героем популярной и до наших дней бедуинской эпопеи.

²⁾ Намек на то, что мать Антары была не арабка, а негритьянта.

Поистине, если бы можно было с чем-нибудь сравнивать судьбу, так лишь с подобными мне, когда они сходят с коня в тесном месте.

Кони и всадники знают, что я рассеиваю их ряды ударами острого меча.

Они крикнули: „Спешивайтесь!“ и я первый спешил. Да и зачем же мне ездить верхом, если я не буду сходить с коня?“

Нечто подобное случилось со мной под Апамеей¹⁾. Наджм-ад-дин Ильгази ибн Ортук²⁾, да помилует его Аллах, разбил франков у аль-Балыта³⁾. Это произошло в пятницу пятого числа первой Джумады пятьсот тринадцатого года⁴⁾. Он совершенно уничтожил их, и Рожер, владыка Антиохии⁵⁾, был убит вместе с множеством своих рыцарей. К Наджм-ад-дину отправился мой дядя Изз-ад-дин Абу-ль-Асакир Султан⁶⁾, да помилует его Аллах. Мой отец, да помилует его Аллах, остался в крепости Шейзар. Дядя посоветовал ему отправить меня в Апамею с теми людьми, которые были со мной в Шейзаре. Я должен был собрать местное население и бедуинов для грабежа посевов Апамеи. Множество бедуинов присоединилось тогда к нам. Через несколько дней после отъезда моего дяди, герольд кликнул клич, и я отправился в путь с небольшим отрядом, не достигавшим и двадцати всадников. Они были уверены, что в Апамее нет конницы, со мной было очень много всяких грабителей и бедуинов. Когда мы достигли долины Абу-ль-Маймуна⁷⁾ и грабители с бедуинами раз'ехали по полям, на нас выскочило множество франков, к которым в эту ночь прибыло шестьдесят всадников и шестьдесят пехотинцев. Они вытеснили нас из долины, и мы бежали перед ними, пока не догнали людей, грабивших поля. Франки подняли громкий крик, и смерть показалась мне ничтожной по сравнению с гибелью людей, бывших со мной. Я повернулся

¹⁾ Городок к северу от Шейзара, родины Усамы. В эту эпоху он был во власти крестоносцев.

²⁾ Основатель династии ортукидов в месопотамском Мардине, один из яростных борцов против крестоносцев (1108—1122).

³⁾ Город на рубеже Малой Азии между Марашем и Антиохией.

⁴⁾ 1 августа 1119 г. По европейским источникам, сражение произошло 28 июня.

⁵⁾ Рожер, племянник Танкреда Антиохийского, правил Антиохией за малолетством сына последнего, Боэмунда.

⁶⁾ Правитель Шейзара, при дворе которого вырос Усама.

⁷⁾ Абу-ль-Маймун — искажение имени Боэмунда. Долина получила свое название, вероятно, от Боэмунда I, участника 1-го крестового похода, князя Антиохийского.

к одному франкскому рыцарю в первых рядах. Он сбросил с себя кольчугу и тяжелые доспехи, чтобы обогнать нас. Я ударил его копьем в грудь, и он вылетел из седла мертвым. Затем я двинулся против всадников, следовавших за ним, и они отступили. А я был неопытен в сражениях и не участвовал в боях до этого дня¹⁾. Подо мной была лошадь, точно птица, и я хотел настичь франков с тыла, чтобы сразиться с ними, а после ускользнуть от них.

В последних рядах войска был рыцарь на караковой лошади, похожей на верблюда. Он был в кольчуге и военных доспехах. Я боялся, как бы он не обнажил меч, повернув против меня, пока не увидел, что он пришпорил своего коня, и тот взмахнул хвостом. Я понял, что конь устал, и, бросившись на рыцаря, ударил его копьем. Оно пронзило его тело и высунулось почти на локоть спереди. Я же вылетел из седла от легкости своего тела, силы удара и быстроты лошади. Я сел снова на коня и вытащил копье, думая, что убил своего противника. Потом я собрал своих товарищей, которые все были невредимы.

Со мной был маленький невольник, ведущий на поводу мою караковую лошадь. Под ним был хорошенький верховой мул, седло которого было обито серебряной бахромой. Он слез с мула, расседлал его и сел верхом на мою кобылу, которая полетела с ним в Шейзар. Когда я вернулся к товарищам, которые тем временем поймали мула, я спросил о слуге. Мне сказали: „Он уехал“. Я понял, что он приедет в Шейзар и встревожит сердце моего отца, да помилует его Аллах. Я позвал одного из солдат и сказал ему: „Поезжай скорее в Шейзар и дай знать отцу, что случилось“. Когда мой слуга прибыл в Шейзар, отец призвал его к себе и спросил: „Что вы испытали?“ „О, господин мой“, отвечал слуга, „на нас напали франки в числе тысячи, и я не думаю, чтобы кто-нибудь спасся, кроме моего господина“. „Как же спасся твой господин без людей?“ — воскликнул отец. Слуга сказал: „Я видел, как он надел доспехи и сел на свою светлосерую кобылу“. Во время разговора прибыл посланный мною всадник и рассказал отцу, как было дело в действительности. Я приехал после него, и отец, да помилует его Аллах, расспросил меня. „О, господин мой“, сказал я, „это было первое сражение в котором я участвовал, и когда я увидел, что

¹⁾ Усама, вероятно, понимает, что он впервые руководил самостоятельной операцией, так как из его воспоминаний видно, что в боях он участвовал уже в 1110 году.

франки напали на моих людей, смерть показалась мне ничтожной, и я вернулся к франкам, чтобы защитить этих людей или быть убитым“. Тогда мой отец, да помилует его Аллах, сказал словами поэта:

„Трус бежит, бросив даже свою собственную голову, а храбрец защищает даже тех, кто не принадлежит к его близким“.

Мой дядя, да помилует его Аллах, вернулся через некоторое время от Наджм-ад-дина Ильгази, да помилует его Аллах. Ко мне пришел от него гонец с приглашением в обычное время. Я пришел к нему, и вдруг оказалось, что у него находился какой-то франк. Дядя сказал: „Этот рыцарь приехал из Апамен и хочет посмотреть на всадника, который ударил копьем рыцаря Филиппа. Франки очень удивляются этому удару, так как он в двух местах разорвал края кольчуги, а рыцарь все-таки остался жив. „Как же он спасся?“ — спросил я. Франкский рыцарь ответил: „Удар пришелся в кожу его бедра“. „Да, судьба надежная крепость!“ — воскликнул я. Я уже не думал, что он уцелеет от такого удара. Я считаю, что всякий, кому придется биться копьями, должен прижимать руку с копьем и локоть к своему боку, предоставив коню делать то, что он захочет, во время удара. Потому что, если он пошевелит рукой с копьем или вытянет ее, удар не оставит следа и даже царапины.

Мне пришлось видеть одного нашего всадника, которого звали Бади ибн Талиль аль-Кушайри. Это был один из наших героев. Мы сошлись с франками, и он снял с себя все, что на нем было, кроме легкого платья. Один франкский рыцарь ударил его копьем в грудь и разорвал перепонку, которая находится в груди; копье вышло из его бока, Бади возвратился, и мы думали, что он не доберется до своего места живым. Но Аллах, да будет Ему слава, предопределил его спасение. Его рана зажила, но в течение целого года он не мог сесть после того, как лежал на спине, если его кто-нибудь не посадит, взяв за плечи. Потом все то, на что он жаловался, прошло, и он вернулся к своей прежней свободе движений и стал ездить верхом, как и раньше.

Слава Тому, чья воля проявляется на его тварях, кто дает жизнь и посылает смерть, а сам живет и не умирает, тому, в чьей деснице благо и кто властен над всякой вещью!

Среди нас был один ремесленник по имени Аттаб, самый полнотелый и высокий из людей. Раз он вернулся к себе домой и оперся рукой на платье, лежавшее перед ним, намереваясь сесть. В материи была иголка, которая вошла в

ладонь и он умер от этого. Клянусь Аллахом, он стонал в городе, а его стоны были слышны в крепости от его громадности и звучного голоса. Он умирал от иголки, а Кушайри оправился, хотя копье вошло ему в грудь и вышло из бока: с ним ничего не случилось.

12. Ловкие конокрады

Владыка Антиохии, да проклянет его Аллах, ополчился на нас в каком-то году со своими всадниками, пехотой и палатками¹⁾.

Мы сели на коней и встретили их, полагая, что они станут с нами сражаться. Они пришли, расположились в местности, где обыкновенно устраивали свой лагерь, и засели в палатках.

Мы вернулись обратно к концу дня, а потом опять выехали, считая, что теперь они сразятся с нами, но они не выходили из своего лагеря.

У моего двоюродного брата Лейс-ад-даули Яхьи был собран обильный урожай, сложенный по близости от франков. Он взял своих вьючных животных, желая поехать к месту, где был сложен урожай, чтобы перевезти его. Мы поехали с ним с отрядом в двадцать вооруженных всадников и встали между ним и франками, пока он сложил весь урожай и уехал.

Я отъехал в сторону вместе с одним из наших вольноотпущенников по имени Хусам-ад-даула Мусафир, да помилует его Аллах. Мы направились к одному винограднику, где увидели каких-то людей на берегу реки. Когда мы подехали на заходе солнца к замеченным нами фигурам, оказалось, что это старик в женской ермолке и с ним другой. Хусам-ад-даула, да помилует его Аллах, отличный человек и большой шутник, сказал первому старику: „Что ты здесь делаешь, о шейх?“ „Ожидаю темноты, ответил он, и прошу великого Аллаха послать мне лошадей этих неверных“. „О шейх, сказал Хусам, не зубами ли ты разорвешь их всадников?“ „Нет, вот этим ножом“, ответил старик. Он вытащил из-за пояса нож на перевязи, сверкавший, как искра огня. А старик сам был даже без шаровар. Мы оставили его и уехали. Утром я на заре выехал, выжидая, что будет с франками, и

¹⁾ Если рассказ относится к той же эпохе, как и предшествующие, то речь идет, вероятно, о Балдуине II, впоследствии короле Иерусалимском, предпринявшем из Антиохии весной 1122 года поход против Шейзара.

вдруг увидел этого старика. Он сидел на камне на моей дороге, и на его бедре и ноге была запекшаяся кровь. „Здравствуй, шейх“, сказал я ему, „что ты сделал?“ Старик сказал: „Я захватил у них коня, щит и копье, но меня настиг их пехотинец, когда я уже удалился от войска, и вонзил мне копье в бедро, но я убежал от него с лошастью, щитом и копьем“. Он так презрительно говорил о своей ране, будто она была у кого-то другого. Этот человек, которого звали Замарракаль, был один из дьяволов-разбойников. Эмир Муин-ад-дин¹⁾, да помилует его Аллах, рассказывал мне про него следующее: „Как-то давно, находясь в Хомсе²⁾, я сделал набег на Шейзар. Под конец дня я вернулся и расположился в одной деревушке в области Хама. А я тогда враждовал с правителем этого города. Ко мне пришло несколько человек, с которыми был какой-то старик. Они заподозрили его, схватили и привели ко мне. Я спросил его: „кто ты такой, о шейх?“ „О господин мой, ответил он, я нищий больной старик“. Он показал свою руку которая была расслаблена. „Войско взяло у меня двух коз“, продолжал он, „я шел за солдатами, надеясь, что они окажут мне милость и отдадут коз“. Я сказал отряду солдат: „Постерегите его до утра“. Они посадили его между собой, а сами сели на рукава его шубы. Но ночью он воспользовался их рассеянностью, вышел из шубы, оставив ее под ними, и умчался. На утро солдаты бросились по следам, но он опередил их и убежал“. Муин-ад-дин продолжал: „Я послал несколько товарищей по какому-то делу. Когда они вернулись, с ними был один солдат по имени Сауман, который жил в Шейзаре. Я рассказал ему случай со стариком. „Какая досада!“, воскликнул Сауман, „если бы я его настиг, я бы напился его крови. Это Замарракаль“. „А что у тебя с ним было?“ спросил я. Сауман ответил: „Франки обложили однажды Шейзар. Я вышел побродить вокруг них, чтобы попытаться украсть у них лошадь. Когда мрак стусился, я пошел к стойбищу лошадей, бывшему передо мной. Вдруг вижу сидит этот старик. „Куда ты?“—спросил он. „Возьму коня из этого стойла“, ответил я. „Что же, я смотрю за ними с вечера, чтобы ты взял коня?“ воскликнул он, „Не болтай“, сказал я. Но старик вскричал: „Ты не пройдешь! Клянусь Аллахом, я не дам тебе ничего взять“. Я не обратил внимания на его слова и направились к стойлу. Тогда старик

¹⁾ Министр дамасских буридов, покровитель Усамы, о котором он много говорил при рассказе о первом своем пребывании в Дамаске.

²⁾ Хомс (греч. Эмесса)—город на Оронте, к югу от Хама.

вскочил на ноги, закричал во весь голос и пошел за мной. Я ему как следует ответил, но он вопил до тех пор, пока на меня не выскочили франки. Сам он умчался, а меня франки гнали перед собой, пока я не бросился в реку. Я уже думал, что не спасусь от них. Если бы я его догнал, я бы выпил его кровь. Это великий грабитель и он шел за войском только для того, чтобы украсть что-нибудь". Сауман говорил: "Кто увидит этого старика, подумает, что он не украдет из его дому и хлебной лепешки!"

Что касается до удивительных краж, то у меня служил человек по имени Али ибн Дудавейх из какой-то деревни. Однажды франки, да проклянет их Аллах, осадили Кафартаб¹⁾. Этот город принадлежал в то время Салах-ад-дину Мухаммеду ибн Эйюбу аль-Ягисьяну²⁾, да помилует его Аллах. И вот этот Али ибн Дудавейх вышел побродить вечером вокруг лагеря франков. Он забрал у них коня, сел на него и галопом выехал на нем из лагеря. Вдруг он услышал за собой шум. Предположив, что кто-нибудь погнался за ним верхом, он поскакал еще быстрее, но шум сзади него не прекращался. Он проскакал целых два фарсаха³⁾, а шум все слышался позади. Тогда он обернулся посмотреть, что такое сзади него во мраке. Оказалось, что это мул, друживший с его лошастью, оборвал свою узду и последовал за нею. Али остановился, чтобы обвязать поводьями голову мула, и захватил его. На утро он был у меня в Хама с конем и мулом. А этот конь оказался одним из самых породистых, красивых и быстроногих. Однажды я был у Атабека⁴⁾, который осаждал Рафанийю⁵⁾. Он позвал меня и сказал: "О Усама, что с твоей лошастью, которую ты спрятал?" До него уже дошли слухи об этой лошади. "Нет, клянусь Аллахом, господин мой", ответил я, "у меня нет никакой спрятанной лошади. Все мои лошади в войске". "А франкская лошадь?" спросил он. Я послал привести ее и сказал слуге: "Пойди с ней в конюшню". "Оставь ее пока у себя", сказал атабек. На следующее утро он участвовал на ней в гонках и опередил

¹⁾ Кафартаб — крепость к северу от Шейзара, часто переходившая из рук в руки.

²⁾ Наместник Атабека Зенги в Хама с 1135 г. Приблизительно к этому времени и относится описываемое событие.

³⁾ Фарсах—три арабских мили, около—5½ километров.

⁴⁾ Имад-ад-дин Зенги, атабек Мосула.

⁵⁾ Рафанийя, лежавшая к западу от Хомса и Хама, в эту эпоху принадлежала графству Триполи. Осада ее атабеком Зенги происходила, по другим источникам, в 1137 г.

всех. Потом он вернул лошадь в мою конюшню и вновь требовал ее из города, гонялся на ней и опережал. Потом я перевел ее к нему в конюшню.

13. Смерть героя

Я участвовал в боях, возникших по истечении перемирия¹⁾. У нас был один солдат по имени Рафи аль-Киляби, знаменитый всадник. Мы сражались тогда с сыновьями Караджи²⁾. Они собрали и снарядили против нас туркменов и других солдат. Мы дали им развернуться на расстоянии от города, но их оказалось очень много против нас, и мы повернули назад, при чем одна часть войска прикрывала другую. Этот Рафи был среди тех, кто защищал тыл. Он был одет в казакин, и на голове его был шлем без забрала. Он обернулся, ища случая напасть на противников, стрела попала ему в глотку, проткнула и разорвала ее. Рафи упал на месте мертвым.

14. Конец правителя гор. Хама

Я видал при таких же обстоятельствах Шихаб-ад-дина Махмуда ибн Караджу. То, что было у нас с ним—уже уладилось, и он прислал передать моему дяде³⁾: "Прикажи Усаме ехать мне навстречу поскорее с одним всадником, чтобы мы могли отправиться высмотреть место для засады против Апаimei⁴⁾ и дать бой ее войскам". Дядя велел мне это сделать. Я поехал встретить его, и мы высмотрели удобное место. Затем, наше войско соединилось с его войском. Я находился во главе отряда из Шейзара, а он командовал своими войсками, мы двинулись к Апаimei и встретили франкскую конницу и пехоту в развалинах этого города. Лошади не могли там свободно двигаться из-за камней колонны и фундамента разрушенных стен. Нам не удалось их выбить оттуда, и один солдат сказал мне: "Тебе хотелось бы разбить их?" "О да!" воскликнул я. "Поезжай тогда с нами к воротам крепости". "Отправляйтесь", сказал я. Говоривший раскаялся в своих словах. Он понял, что франки нас затопчут и раньше нас бу-

¹⁾ Речь идет о войне с правителем Хама Шихаб-ад-дином, упоминавшимся раньше.

²⁾ Правителем Хама и его братом, правителем Хомса.

³⁾ Дядя Усамы, Изз-ад-дин Султан, правитель Шейзара.

⁴⁾ Упоминавшийся выше город к северу от Шейзара.

дут у крепости. Он хотел отклонить меня от этого, но я не соглашался и двинулся к воротам. Как только франки увидели, что мы направляемся к воротам, их конница и пехота повернулись к нам. Они затоптали нас и опередили. Всадники сошли с коней перед воротами крепости и ввели их в самую крепость. Франкские всадники выставили концы своих копий в воротах. Я был вместе с моим товарищем из вольноотпущенников моего отца, да помилует его Аллах, которого звали Рафи ибн Сутекин. Мы стояли у подножия стены напротив ворот. В нас бросали множество камней и деревянных стрел. Шихаб-ад-дин со своей свитой стоял в отдалении, так как боялся курдов¹⁾. Один из наших товарищей, по имени Хариса нумейрит, случайно получил рану копьем, так как поджал ноги на груди своей лошади. Копье с силой вошло в тело лошади и выскочило. Вся кожа с груди лошади была сорвана и повисла на передних ногах.

Шихаб-ад-дин держался в стороне от боя. В него попала стрела, пущенная из крепости, и ранила его около кости запястья, но не вошла в кость даже на ячменное зернышко. Ко мне пришел от него гонец и передал: „Не уходи со своего места, чтобы собрать людей, раз'ехавшихся по области. Я ранен и ощущаю рану как будто в сердце. Я еду обратно, а ты береги людей“. Он уехал, а я вернулся со своими людьми и сделал привал у башни Хурайба. Франки поставили на ней сторожа, чтобы обнаружить нас, когда мы захотим сделать набег на Апамею. Вечером я прибыл в Шейзар. Шихаб-ад-дин был в доме моего отца и хотел развязать свою рану и лечить ее. Мой дядя удержал его и сказал: „Ради Аллаха не развязывай своей раны нигде, кроме своего дома“. „Я в доме своего отца“, сказал Шихаб-ад-дин, разумея моего отца, да помилует его Аллах. „Когда ты приедешь к себе домой“, сказал дядя, „и твоя рана поправится, дом твоего отца будет к твоим услугам“. Шихаб-ад-дин выехал при заходе солнца и отправился в Хама. Он остался там на другой и на следующий день, а потом его рука почернела, он лишился сознания и умер. Случилось это с ним только от окончания жизненного срока.

15. Знаменитые удары копьем

Из замечательных ударов копьем мне пришлось видеть один, который нанес как-то рыцарь из франков, да покинет

¹⁾ Курды в эту эпоху разбойничали на военных дорогах Сирии и Месопотамии.

их Аллах, нашему всаднику по имени Сайя ибн Кунайб киябит. У него было рассечено три ребра с левой стороны и три ребра с правой стороны. Острие копья ударило ему в локоть и отделило его, как мясник отделяет суставы. Он тотчас же умер.

Один из наших солдат, курд по имени Майях, ударил копьем франкского рыцаря. Кусок кольчуги вонзился ему в живот. И он был убит. Через некоторое время франки произвели на нас набег. Майях тем временем женился и вышел в бой в доспехах, поверх которых было красное платье—часть свадебного наряда, делавшее его очень заметным. Один франкский рыцарь ударил его копьем и убил, да помилует его Аллах. „О как близка была его тризна к свадьбе!“

Благодаря этому мне вспомнился рассказ о пророке, да благословит его Аллах и да приветствует. При нем произнесли слова Кайса ибн-аль-Хатима¹⁾:

„Я сражаюсь с ними в день ярости без кольчуги, и рука моя с мечом точно жгут игрока“.

Пророк, да благословит его Аллах, спросил присутствовавших ансаров²⁾, да будет доволен ими Аллах: „Был ли кто-нибудь из вас в сражении в день рожи?“³⁾ Один из ансаров ответил: „Я участвовал, о посланник Аллаха, да благословит тебя Аллах и да приветствует. Кайс ибн-аль-Хатим был тут же, хотя он недавно женился. На нем был красный плащ, и клянусь Тем, кто послал тебя с истиной, он так действовал в сражении, как сам сказал о себе“.

Вот еще один удивительный удар копьем. Один курд, по имени Хамадат, наш давнишний друг, ехал с моим отцом, да помилует его Аллах, в Исфахан ко двору султана Мелик-Шаха⁴⁾. Хамадат был уже стар, и его зрение ослабло. Сыновья у него были взрослые. Мой дядя Изз-ад-дин, да помилует его Аллах, сказал ему: „Ты уже состарился, о Хамадат, и ослаб. На нас по отношению к тебе лежит долг и обязанность. Что если бы ты оставался в твоей мечети? (А у него была мечеть у дверей его дома). Мы назначили бы твоих сыновей в свет, а ты бы получал каждый месяц два динара и

¹⁾ Кайс ибн-аль-Хатим—поэт родом из Медины, умерший незадолго до переселения туда Мухаммеда (622 г.).

²⁾ Ансары—сподвижники Мухаммеда из мединцев.

³⁾ Рожа (Аль-Хадика) находилась около Медины на пути в Мекку. Там произошло сражение между двумя мединскими племенами, в котором участвовал Кайс.

⁴⁾ Мелик-Шах—„великий сельджук“ исфаханский (1072—1092 г.). Путешествие относится к 1085 году.

куль муки, сидя в своей мечети. „Сделай так, о эмир!“ сказал Хамадат. Все это выплачивалось ему в течении короткого времени, а потом он пришел к моему дяде и сказал: „О эмир, клянусь Аллахом, не желает душа моя сидеть дома, и мне приятней быть убитым на лошади, чем умереть в постели“. „Дело твое“, ответил ему дядя и приказал вернуть ему прежнюю должность. Прошло немного дней, и на нас сделал набег ас-Сардани, властитель Триполи¹⁾. Наши люди пошли против франков, и Хамадат был в числе тех, кто наводил страх. Он остановился на пригорке, обратившись лицом к Кыбле²⁾. Тут на него напал с запада один франкский рыцарь. Товарищи закричали Хамадату: „Эй, Хамадат“. Он обернулся, увидел всадника, направлявшегося к нему. Тогда он повернул голову своей лошади влево, схватил в руки копье и устремил его на франка. Он ударил его и пронзил, так что копье прошло насквозь. Франк вернулся при последнем издыхании, повиснув на шее своей лошади. Когда бой кончился, Хамадат сказал моему дяде: „О эмир, если бы Хамадат был в своей мечети, кто-бы нанес такой удар?“

Это напоминает мне слова аль-Финда аз-Зиммани³⁾:

О, что за удар престарелого дряхлого изможденного старца?

Я помолодел от него, тогда как подобные мне питают отвращение к оружию“.

А этот аль-Финд состарился, но участвовал в сражении. Он ударил копьем двух всадников, бывших рядом, и сбросил их обоих вместе.

Нечто подобное произошло уже с нами. Один феллах из верхней деревни прискакал к моему отцу и дяде, да помилует их обоих Аллах, и сказал: „Я видел отряд заблудившихся франков, которые пришли из равнины. Если бы вышли им навстречу, вы бы их захватили“. Мой отец и оба дяди сели на коней и выехали с войском навстречу сбившемуся с дороги отряду. Вдруг появился ас-Сардани во главе трехсот всадников и двухсот туркополей (а это франкские лучники). Увидев наших товарищей, франки сели на коней и ринулись на них. Они обратили их в бегство и продолжали преследовать. Один из рабов моего отца, по имени Якут

¹⁾ Имеется в виду Вильгельм, граф серданьский, племянник Раймунда. Событие относится к 1108 году.

²⁾ Аль-Кыбла—направление в сторону Мекки, обязательное для мусульман при молитве.

³⁾ Аль-Финд аз-Зиммани—до-исламский поэт-герой.

длинный, упорно сражался с франками, и дядя с отцом, да помилует их обоих Аллах, смотрели на него. Он ударил одного из рыцарей, рядом с которым был другой. Оба они преследовали наших товарищей. Якут свалил и всадников и лошадей. Этот слуга был большой путанник и проказник и постоянно совершал проступки, достойные наказания. Но каждый раз, когда мой отец думал наказать его, дядя говорил: „Брат! Заклинаю тебя жизнью, отпусти ради меня вину и не забывай о том ударе“. И отец прощал его из-за слов своего брата.

Хамадат, о котором я упоминал раньше, был очень остроумен в разговоре. Мой отец, да помилует его Аллах, рассказал мне следующее: „Однажды я спросил Хамадату¹⁾, когда мы ехали рано утром по дороге в Исфахан: „Ел ты что-нибудь сегодня, эмир Хамадат?“ „Да, эмир, отвечал он, я ел тюрю“. „Мы выехали вечером, не останавливались и не разводили огня, сказал я, откуда же у тебя тюря?“ Хамадат ответил мне: „О эмир, я сделал ее во рту. Я жевал во рту хлеб и запивал его водой, так что получилась тюря“.

16. Отец Усамы

Мой отец, да помилует его Аллах, участвовал во многих войнах. На его теле были ужасные раны, но он все-таки умер на своей постели. Однажды он участвовал в сражении, надев доспехи. На голове у него был мусульманский шлем с забралом. Какой-то воин ударил его концом дротика (франки чаще всего сражались так с арабами в это время). Конец дротика попал в забрало шлема, оно согнулось и окровавило нос. Удар не причинил ему вреда, но если бы Аллах, да будет ему слава, не предопределил дротику отклониться от забрала, удар бы его погубил. Другой раз его ударила в ногу деревянная стрела и попала в сапог с железной пластинкой. Стрела сломалась, ударившись о железо, и не ранила моего отца. Это случилось благодаря благому попечению великого Аллаха.

Мой отец, да помилует его Аллах, участвовал в сражении с Сейф-ад-даулой Халяфом ибн Муля'ибом аль-Ашбахи, владыкой Апамеи²⁾. Оно произошло в воскресенье, двадцать де-

¹⁾ Вероятно, во время упоминавшегося путешествия к сельджукскому султану Мелик-Шаху в 1085 г.

²⁾ Апамея была дана Халяфу в лен сельджукским султаном Мелик-Шахом и оставалась за ним с перерывами до смерти в 1106 году.

вятого Шавваля четыреста девяносто седьмого года ¹⁾ в области Кафартаба ²⁾. Отец надел панцырь, но слуга забыл второпях застегнуть боковые застежки. В отца попала пика и ударила в то самое место, над левым грудным соском, которое слуга забыл прикрыть. Пика вышла из его тела над правым соском. Причина его спасения в том, что божественная воля допустила совершиться удивительному, так же, как и рана его случилась оттого, что Аллах, да будет ему слава, предопределил нечто удивительное.

В этот же день мой отец, да помилует его Аллах, ударил копьем одного рыцаря. Он потянул в сторону лошадь и, согнув руку с копьем, вытянул его из тела раненого. „Я почувствовал, рассказывал он мне, как что-то укололо меня в кисть. Я думал, что это происходит от раскаленных пластинок моего панцыря, но копье выпало у меня из руки. Я поднял его, и оказалось, что я ранен в руку и она парализована, так как некоторые мускулы рассечены“. Я был при нем, да помилует его Аллах, когда Зейд, хирург, лечил его рану, а над его головой стоял слуга. Мой отец сказал: „О, Зейд, вытащи этот камешек из раны“. Хирург ничего ему не ответил и отец повторил: „О, Зейд, разве ты не видишь этого камешка, что не вынимаешь его из раны?“

Когда это надоело Зейду, он сказал: „Где же камешек? Это кончик сухожилия, которое разорвано“. А сухожилие было действительно бело и похоже на камешек из камней Евфрата. В этот день отец получил еще одну рану, но Аллах сохранил его, пока он не умер на своей постели в понедельник восьмого Рамадана пятьсот тридцать первого года ³⁾, да помилует его Аллах.

Он писал красивым почерком, и рана в руку не изменила его. Он ничего не переписывал, кроме Корана. Однажды я спросил его: „О, господин мой, сколько ты списал списков?“ „Придет время, узнаете“, ответил он. Когда перед ним предстала смерть, он сказал: „В этом сундуке лежат списки, и для каждого из них я написал разные заключения. Положите их—эти списки—мне под голову в могилу“. Мы их сосчитали, и оказалось сорок три списка. Отец написал столько же заключений, сколько было списков. Одно из них, самое объемистое, он разукрасил золотом. В нем излагались коранические науки: разночтения, редкие слова, арабские обороты, отменяющие и

¹⁾ 25 июля 1104 года.

²⁾ Часто упоминаемая Усамой крепость к северу от Шейзара.

³⁾ 30 мая 1137 года. Родился отец Усамы в 1068 году.

отмененные стихи ¹⁾, толкования, причины его ниспослания и его законы. Все это было написано чернилами, голубой и красной краской. Это заключение было озаглавлено: „Большой комментарий“. Отец написал золотом еще другое заключение, без толкования. Остальные заключения были написаны простыми чернилами, но десятые и пятые части, стихи, начала сур и всех тридцати двух частей отмечались золотом.

Упоминание об этих подробностях в моей книге не вызывалось необходимостью, и я вспомнил про них только для того, чтобы тот, кто прочитает какой-нибудь из этих списков, призвал на моего отца милость Аллаха.

Возвращаясь к предшествующему рассказу. В этот же день слуга моего дяди Изз-ад-даули Абу-ль-Мурхафа Насра ²⁾, да помилует его Аллах, по имени Муваффах-ад-даула Шим'ун получил опасную рану. Он принял ее на себя, защищая другого моего дядю Изз-ад-дина Абу-ль-Асакира Султана, да помилует его Аллах. Случилось, что мой дядя впоследствии послал его гонцом в Алеппо к царю Рудвану сыну Тадж-ад-даули Тутуша ³⁾. Когда Шим'ун предстал перед ним, Рудван сказал своим слугам: „Таковы бывают слуги и все честные люди по отношению к своим господам“. Затем он обратился к Шим'уну: „Расскажи им о том, что произошло с тобой в дни моего отца и что ты сделал с твоим господином“. „О, господин наш“, сказал Шим'ун, „я участвовал вчера в бою вместе со своим господином. На него бросился один всадник, чтобы ударить его копьем. Я встал тогда между ними, чтобы выкупить моего господина своей душой. Рыцарь ударил меня копьем и сломал у меня два ребра. Клянусь твоей милостью, они у меня в корзине“. „Клянусь Аллахом!, воскликнул царь Рудван, я не дам тебе ответа, пока ты не пошлешь принести эту корзину с ребрами“. Шим'ун остался у него и послал принести корзину, в которой действительно лежали две кости из его ребер. Рудван очень удивился этому и сказал своим приближенным: „Поступайте так же, служа мне“. Происшествие, случившееся во дни отца Рудвана Тадж-ад-даули, о котором

¹⁾ По учению мусульманских богословов, некоторые разногласия в Коране объясняются тем, что отдельные предписания и постановления с течением времени отменялись или изменялись. Окончательным считается последнее по времени, и те стихи корана, в которых оно заключено, отменяют более ранние.

²⁾ Предшественник и старший брат Изз-ад-дина Султана, правителя Шейзара, умерший в 1098 году.

³⁾ Рудван ибн Тутуш, племянник „великого сельджука“ Мелик-шаха, правил в Алеппо с 1095 года по 1113 год, после своего отца.

Рудван спрашивал Шим'уна, было такого рода: Мой дед Садид-аль-мульк Абу-ль-Хасан Али ибн Мукаллад ибн Наср ибн Мункыз¹⁾, да помилует его Аллах, послал своего сына Изз-ад-даулу Насра, да помилует его Аллах, на службу к Тадж-ад-дауле, который расположился лагерем в окрестностях Алеппо²⁾. Однако Тадж-ад-даула схватил моего дядю, заточил и поставил людей сторожить его³⁾. К нему никто не входил, кроме его слуги, этого самого Шим'уна, а сторожа оставались вокруг палатки. Мой дядя написал своему отцу, да помилует их обоих Аллах, чтобы он прислал ему в такую-то ночь (он точно указал ее) нескольких его товарищей, которых назвал по именам, и лошадей, которых надо было привести в определенное место. Когда настала указанная ночь, Шим'ун вошел к своему господину и снял свою одежду, тот надел ее и вышел ночью на глазах сторожей, и они его даже не заподозрили. Мой дядя пошел к своим товарищам, сел на коня и уехал, а Шим'ун проспал на его ложе. Шим'ун обыкновенно приходил к дяде на заре, ко времени омовения (мой дядя был один из тех аскетов, что простаивают ночи, читая книгу великого Аллаха).

Когда настало утро и сторожа увидели, что Шим'ун не проходил, как обычно, в палатку, они сами вошли туда и увидели там Шим'уна, а Изз-ад-даула уже скрылся. Они донесли об этом Тадж-ад-дауле. Он велел привести Шим'уна и, когда тот явился к нему, спросил: „Как ты это сделал?“ Он ответил: „Я дал господину свою одежду, которую тот надел и ушел, а сам я проспал на его ложе“. „И ты не боялся, что я велю отрубить тебе голову?“—воскликнул царь.

„О, господин мой, отвечал Шим'ун, если ты отрубишь мне голову, а мой господин спасется и возвратится домой, я буду счастлив. Не для того ли он купил и воспитал меня, чтобы я пожертвовал за него жизнью?“

Тогда Тадж-ад-даула, да помилует его Аллах, сказал своему хаджибу⁴⁾: „Отдай этому слуге лошадь его господина, его вьючных животных, палатки и все его вещи“. Он отправил его вслед за господином и не питал против него злобы и гнева за то, что он сделал, служа своему господину. Это и есть тот случай, о котором Рудван сказал: „Расскажи моим приближенным о том, что ты сделал со своим господином в дни моего отца“.

¹⁾ Правитель Шейзара в 1059—1082 г.

²⁾ Рассказ относится, вероятно, к осаде Алеппо Тутушем в 1079 году.

³⁾ Тутуш хотел отомстить за приют, оказанный в Шейзаре одному из его врагов.

⁴⁾ Хаджиб, как упоминалось выше,—первоначально привратник, впоследствии видный придворный титул, вроде камергера.

Возвращаюсь к предшествовавшему рассказу о войне с ибн Муля'ибом, о которой я уже упоминал. Мой дядя Изз-ад-даула, да помилует его Аллах, получил в этот день несколько ран. Один из ударов копья попал ему в нижнее веко со стороны внутреннего уголка глаза. Копье проникло от уголка до края глаза. Веко было совсем сорвано и висело на кончике кожи у края глаза. Глаз качался без всякой опоры, потому что только веки поддерживают глаз. Хирург зашил и залечил глаз, и он стал таким же, как и прежде, так что раненый глаз нельзя было отличить от здорового.

Мой дядя и отец, да помилует их обоих Аллах, были самыми храбрыми из своего народа. Я видел, как они однажды выехали на охоту с соколами около Телль-Мильха¹⁾, где было много водяных птиц. Внезапно войско Триполи сделало набег на наш город. Франки остановились против него, а мы повернули назад. Мой отец еще не оправился после болезни, дядя же, во главе незначительного отряда, двинулся вперед навстречу франкам. Он переправился через реку вброд, и франки его видели. Мой отец поехал вперед, пустив коня рысью. Я, тогда еще почти мальчик²⁾, следовал за ним. Отец держал в руке айву, которую посасывал. Когда мы приблизились к франкам, он сказал мне: „Ступай и войди в город со стороны плотины“. Сам же он перешел реку напротив франков.

Я видел его в другой раз, когда на нас сделала набег конница Махмуда ибн Караджи³⁾. Мы были на некотором расстоянии от города, а всадники Махмуда оказались ближе к нему. Я присутствовал при сражении и сам участвовал в бою. Я надел казакин, сел на лошадь и взял копье. Отец же, да помилует его Аллах, ехал на муле. Я спросил его: „О, господин мой, разве ты не сядешь на коня?“ „Конечно“,—отвечал он, но двигался вперед, как был, не волнуясь и не торопясь. Я боялся за него и приставал к нему, чтобы он сел на коня. Наконец мы достигли города, а он все ехал на своем муле. Когда враги ушли и мы оказались в безопасности, я сказал отцу: „О, господин мой, ты видел, что враг находился между нами и городом, и не сажился на какую-нибудь запасную лошадь. Я говорил тебе, а ты не слушал“. „Дитя мое, отвечал он мне, в моем гороскопе сказано, что мне не суждено испугаться“. Мой отец, да помилует его Аллах, был весьма сведущ в звездах, несмотря на свою богобоязненность, благо-

¹⁾ „Телль-Мильх“ (буквально, „Холм соли“) — вероятно, какая-нибудь местность около Шейзара.

²⁾ Усаме в это время было около 15 лет.

³⁾ Неоднократно упоминаемый Усамой Шихаб-ад-дин, правитель Хама.

чество, вечный пост и чтение Корана. Он усиленно побуждал меня изучить науку о звездах, но я не соглашался и противился этому. Он говорил мне: „Изучи хоть названия звезд, какие из них восходят, какие заходят“. Он показывал мне звезды и называл их имена.

17. Военная хитрость франков

Мне пришлось видеть следующий пример храбрости наших людей и их самолюбия в войне. Однажды утром, во время утренней молитвы, мы увидели конный отряд франков, человек в десять. Они подехали к воротам нашего города, прежде чем их открыли, и спросили привратника: „Как имя этого города“. (А ворота были деревянные с перекладинами, и привратник стоял за ними). Он отвечал им: „Шейзар“. Тогда они пустили в него через щель в воротах несколько стрел и повернули обратно, погнав коней рысью. Мы сели на коней, и дядя, да помилует его Аллах, первый вскочил в седло, я был с ним, а франки, не смущаясь, подвигались вперед. Нас догнало несколько всадников из нашего войска, и я сказал дяде: „Если ты прикажешь, я возьму нескольких товарищей, погоню за франками и опрокину их, пока они еще не далеко“. Мой дядя был опытнее меня в военном деле и сказал мне: „Нет, едва ли в Сирии найдется франк, который не знал бы Шейзара! Это хитрость“. Он позвал двух всадников из нашего войска и сказал им: „Поезжайте, общитесь Телль-Мильх!“ А это было обычное место засад франков.

Когда всадники приблизились к нему, на них выскочило все войско Антиохии. Мы поспешно двинулись к франкам, желая воспользоваться случаем, прежде чем затихнет бой. С нами были Джам'а нумейрит и его сын Махмуд. Джам'а же был нашим героем и шейхом. Его сын Махмуд попал в середину франкского войска, и Джам'а закричал: „О, доблестные всадники, сын мой!“ Мы вернулись к ним с отрядом в шестнадцать всадников и поразили копьями шестнадцать франкских рыцарей. Мы выхватили нашего товарища из их среды, но смешались с франками, продолжая бой до тех пор, пока кто-то из наших не схватил голову сына Джам'ы под мышку. Он был освобожден благодаря одному из хороших ударов копьем.

18. Насмешка судьбы

Несмотря на это, пусть никто не полагается на свою храбрость и не восторгается своей смелостью. Клянусь Аллахом,

я как-то совершил вместе с дядей, да помилует его Аллах, набег на Апамею¹⁾. Случилось так, что ее солдаты вышли из города, чтобы проводить караван. Они отправили его и вернулись, а мы встретили их и убили около двадцати человек. Я увидел Джам'у нумейрита, да помилует его Аллах, в теле которого засела половина копья. Оно сначала ударило в подседельник, прошло через его край, вонзилось в бедро Джам'ы в его задней части и там сломалось. Я испугался, но Джам'а сказал: „Не беда! Я цел“. Он схватил копье за зубцы и вытащил его из тела. И он, и его лошадь были невредимы. „О Абу-Махмуд“, сказал я, „мне хочется подехать поближе к крепости и осмотреть ее“. „Поезжай“, сказал он, и мы с ним поехали, пустив коней рысью. Когда мы подехали к крепости, то вдруг увидели восемь франкских рыцарей на дороге, проходящей над площадью; с возвышения нельзя было спуститься иначе, как по этой дороге. „Постой, воскликнул Джам'а, я покажу тебе, как с ними разделаюсь“. „Это несправедливо, возразил я, мы поедем на них вместе“. „Поезжай“, крикнул он. Мы бросились на них и обратили их в бегство. Потом мы вернулись, воображая, что совершили нечто такое, чего никто кроме нас не в состоянии сделать. Нас было двое, а мы обратили в бегство восемь франкских рыцарей! Мы остановились опять на этом пригорке и смотрели на крепость, как вдруг какой-то человек неожиданно взобрался наверх по этому крутому подему, у него в руках был лук и стрелы. Он стал пускать их в нас, а у нас не было к нему дороги. Мы бросились бежать и, клянусь Аллахом, не верили, что ускользнем от него благополучно. Наши лошади остались невредимы. Возвращаясь, мы вехали на луга около Апамеи и угнали оттуда большую добычу: буйволов, быков и овец. Мы вернулись, и сердце мое болело из-за этого человека, который обратил нас в бегство, так как у нас не было к нему дороги. И как это один человек обратил нас в бегство, когда мы сами заставили бежать восемь франкских рыцарей!

19. Исцеление благодаря ране

Однажды я присутствовал при том, как на нас напал небольшой отряд конницы Кафартаба²⁾. Мы ринулись на них,

¹⁾ Событие относится, вероятно, ко времени после поражения франков при аль-Балате в 1119 году.

²⁾ Крепость к северу от Шейзара, бывшая в это время в руках франков.

жаждая сразиться с ними, так как их было мало. Но они спрятали против нас засаду, где были их главные силы. Те, кто напал на нас, бросились в бегство, и мы их преследовали, незаметно отдалившись от города. Тут засада выскочила на нас, а те, кого мы гнали, повернули обратно. Мы увидели, что если мы побежим, они опрокинут нас всех. Мы встретили их лицом к лицу, и Аллах даровал нам победу над ними. Мы опрокинули восемнадцать всадников. Некоторые из них были ранены и умерли, а некоторые, получив удар копьем, падали с коня невредимыми. У других были ранены лошади, и они спешили. Стоявшие на земле и бывшие невредимыми обнажили мечи и держались на месте, ударяя мечом всякого, кто проезжал мимо. Джам'а нумейрит, да помилует его Аллах, проезжал мимо одного из них. Тот побежал к нему и ударил его по голове, на которой была надета одна шапочка. Удар прорвал шапочку и рассек ему лоб; оттуда полилась кровь. Когда она остановилась, рана осталась открытой, точно рыбий рот. Я встретил его, когда сражение с франками еще продолжалось, и спросил: „О Абу-Махмуд, отчего ты не забинтуешь рану?“ „Не время теперь бинтовать и перевязывать раны“, отвечал Джам'а. На его лице всегда была черная тряпка: он страдал глазами, и жилки в них были красны. Когда же он получил эту рану, из нее вышло так много крови, что глаза перестали его беспокоить. Он больше не страдал ни воспалением, ни другой болезнью. Бывает, что тело, становится здоровее от болезни.

А что касается франков, то они собрали свои войска, после того, как мы убили тех из них, кого убили, и остановились напротив нас. Ко мне подошел мой двоюродный брат Захират-ад-даула Абу-ль-Кана Хитам, да помилует его Аллах, и сказал: „Брат, у тебя два запасных коня, а я сижу на этой разбитой кляче“. „Подведи ему гнедую лошадь“, крикнул я слуге. Слуга подвел ее, и мой брат, как только вскочил в седло, сейчас же бросился один на франков. Они заманили его, так что он оказался в середине войска. Его ранили копьем и сбросили с лошади, которую тоже ранили. Затем они перевернули копья и стали колотить его ими. На нем была прочная кольчуга, и копья не могли ничего с ней поделать. Мы все принялись кричать: „Ваш товарищ, товарищ!“ и, бросившись на франков, прогнали их от него. Мы освободили его невредимым, а лошадь умерла в тот же день.

Да будет слава сохраняющему и всемогущему. Это сражение принесло Джам'е счастье и исцелило его глаза. Да

будет прославлен сказавший: „Может быть, вы почувствуете отвращение к чему-нибудь, а оно оказывается для вас благом“¹⁾.

Нечто подобное еще раньше случилось со мной. Я был в Месопотамии в войске Атабека²⁾. Один приятель пригласил меня к себе в дом. Со мной был стремянный по имени Гунайм, больной водянкой. Его шея стала совсем тонкой, а живот раздулся. Он приехал вместе со мной в чужую страну, и я был признателен ему за это. Он вошел с мулом в конюшню моего приятеля вместе со слугами приехавших гостей. С ними был молодой турок, который много пил. Хмель разобрал его, и он вошел в конюшню, вытащил нож и стал бросаться на слуг. Те разбежались, а Гунайм, от слабости и болезни, положил под голову седло и еще до этого заснул. Он не встал даже, когда все бывшие в конюшне выбежали. Пьяный турок ударил его ножом пониже пупка и рассек живот на четыре пальца. Гунайм упал на месте. Тот, кто пригласил нас (это был властитель крепости Басахра), велел отнести его ко мне домой; и турок, ранивший его, был доставлен туда же вместе с ним со скрученными руками. Я его отпустил, а к Гунайму ходил врач, и он поправился, начал ходить и двигаться, но рана его не закрывалась, и из нее продолжали выделяться в течение двух месяцев какие-то корочки и желтая жидкость. Потом рана закрылась, живот похудел, и он опять стал здоров. И причиной его выздоровления была эта самая рана.

Однажды я увидел, как сокольничий моего отца, да помилует его Аллах, пришел к нему и сказал: „О, господин мой, у этого сокола выпали перья и он умирает; один его глаз уже погиб. Отправься с ним на охоту, это ведь ловкий сокол, а теперь все равно пропадет“. Мы поехали на охоту. С отцом, да помилует его Аллах, было несколько соколов. Он пустил этого сокола вслед за рябчиком. Сокол бросился в заросли, где рябчик подавал голос в чаще кустарника. Сокол полез туда же за ним. На глазу у него образовалась как бы большая точка; шип одного куста уколол его в эту точку и проткнул ее. Сокольничий принес его; у него глаз слезился и был закрыт. „О, господин мой, сказал отцу сокольничий, глаз сокола погиб“. „И весь он пропадет“, отвечал отец. На другой день сокол с утра открыл глаз. Он был цел, и сам сокол выздоровел и даже дважды сменил у нас

¹⁾ Коран 2, 212.

²⁾ Вероятно, в 1132 году, когда Усама участвовал в битве при Текрите (на Тигре между Мосулом и Багдадом).

перья. Это был один из самых ловких соколов. Я упомянул о нем из-за того, что произошло с Джамо'й и Гунаймом, хотя здесь не место говорить о соколах. Я видел одного страдавшего водянкой, которому вскрывали живот, и он умер. А Гунайму этот пьяница проткнул живот, но он остался жив и выздоровел. Да будет слава Всемогущему.

20. Сражение с франками

Однажды войско из Антиохии напало на нас. Товарищи уже вступили в бой с их отрядами, шедшими впереди. Я стоял у них на дороге, поджидая, пока они подойдут ко мне, может быть, и мне удастся померяться с ними. Но мои товарищи стали мчаться мимо меня, убегая от врага. Среди них проехал с одним отрядом и Махмуд, сын Джам'ы. „Эй, Махмуд, остановись!“ — крикнул я ему. Он остановился на мгновение, потом погнал свою лошадь и уехал от меня. Передовые отряды франков достигли меня, и я попятился перед ними, повернув свое копьё против франков и следя за ними, чтобы какой-нибудь всадник не поторопился ранить меня копьем. Передо мной было несколько товарищей. Мы находились между садами, которые были обнесены стеной в человеческий рост. Моя лошадь толкнула грудью одного моего товарища, я повернул ее голову налево, пришпорил, под'ехал к стене и перескочил через нее, так что франки оказались против меня, а между нами была стена. Один из всадников быстро ехал. На нем был плащ из зеленого и желтого шелка. Я думал, что под ним нет панцыря и, не дав ему поравняться, повернулся, пришпорил коня и, приблизившись к стене, нанес удар копьем.

Он согнулся, так что его голова коснулась стремени, щит и копьё выпали у него из рук, а шлем слетел с головы. Мы соединились тем временем с нашей пехотой. Потом всадник снова выпрямился на седле: на нем была надета под плащом кольчуга и мой удар не ранил его. Его товарищи под'ехали к нему, но затем вернулись, а пехотинцы подобрали щит, копьё и шлем. Когда сражение кончилось, и франки отошли назад, ко мне подошел Джам'а, да помилует его Аллах, извиняясь за своего сына Махмуда. „Эта собака убежала от тебя!“ — воскликнул он. „Что же из этого?“ — сказал я. „Он бежал от тебя, и это ничего не значит?“ — воскликнул Джам'а. „Клянусь твоей жизнью, о Абу-Махмуд, — ответил я, — ты сам тоже убежишь от меня“. „О эмир“, сказал Джам'а, „мне приятнее умереть, чем бежать от тебя“.

21. Стычки с конницей из Хама

Прошло лишь немного дней, и на нас напала конница Хама¹⁾. Враги захватили у нас стадо быков и загнали его на остров пониже мельницы аль-Джаляли. Их лучники поднялись на мельницу, чтобы охранять стадо. Я под'ехал к ним вместе с Джам'ой и Шуджа-ад-даулой Мади. Это был наш вольноотпущенник, очень храбрый человек. Я сказал им: „Переправимся через реку и заберем животных“. Мы переправились, но в лошадь Мади попала стрела и убила ее; я с трудом отвел его к товарищам. Моя же лошадь была ранена стрелой в шею, и стрела вонзилась в нее на пядь, но клянусь Аллахом, она не ударила копытом и не забеспокоилась, словно не почувствовав раны. Что касается Джам'ы, то он вернулся назад, боясь за лошадь. Когда мы возвратились, я сказал ему: „О, Абу Махмуд, не говорил ли я тебе, что ты убежишь от меня! А ты бранишь своего сына Махмуда“. „Клянусь Аллахом, ответил Джам'а, я боялся только за лошадь, так как она дорога мне“. После этих слов он извинился.

Мы столкнулись в тот же день с конницей из Хама и часть всадников ушла вперед к острову вместе со стадом быков. Мы сражались с ними, а в числе их были герои из войска Хама: Серхенк, Гази-ат-Тули, Махмуд ибн Бальдаджи, Хадр-ат-Тут и начальник отряда Хутлук²⁾. Их было больше, чем нас, но мы бросились на них и обратили в бегство. Я устремился на одного из их всадников, намереваясь ударить его копьем, и вдруг оказалось, что это Хадр-ат-Тут. „Твой слуга, о Усама!“ — вскричал он. Я повернул от него к другому всаднику и ударил того. Копьё попало ему под мышку, и если бы он оставил его, то сам бы не упал, но он прижал к туловищу локоть, чтобы захватить копьё, а меня лошадь умчала обратно. Всадник слетел с седла на шею лошади и упал. Потом он вскочил на берегу потока, протекавшего к аль-Джаляли, ударил свою лошадь и, погнав ее перед собой, спустился в долину. Я прославил Аллаха, да будет он превознесен, за то, что с ним не случилось беды из-за этого удара. Это был Гази-ат-Тули, да помилует его Аллах, а он был человек выдающийся.

¹⁾ Так как Шихаб-ад-дин, правитель Хама, в этом рассказе не упоминается, то, вероятно, событие произошло после его смерти в 1124 году.

²⁾ Из перечисленных лиц два первых встречаются еще в других отделах воспоминаний Усамы.

22. Подвиг Ибн Джам'ы

Войска из Антиохии однажды¹⁾ двинулись на нас и расположились лагерем в том месте, где они разбивали его каждый раз, как шли против нас. Мы выстроились, сев на коней; между нами была река. Никто из франков не двинулся к нам; они разбили свои палатки и расположились в них. Мы вернулись и отправились по домам, наблюдая франков из крепости. Человек двадцать из наших солдат отправились к Бандар Канину, деревне поблизости от Шейзара, пасти своих лошадей, оставив дома копыя. Два франкских всадника выехали из лагеря и под'ехали к солдатам, пасшим лошадей. Они встретили на дороге человека, который гнал перед собой корову, и захватили его вместе с коровой. Мы видели их из крепости. Наши солдаты сели на коней, но оставались на месте, так как у них не было копий.

Мой дядя²⁾ сказал: „Эти двадцать не могут освободить пленника, захваченного двумя всадниками. Если бы Джам'а был с ними, вы бы увидели, что он сделает“. Он еще говорил это, а Джам'а уже облачился в доспехи и поскакал к ним. „Сейчас увидите, что он сделает“, крикнул дядя. Когда Джам'а подскочил к рыцарям, он натянул поводья лошади и поехал за ними шагом, стараясь не быть замеченным. Когда мой дядя, смотревший на это со своего балкона в крепости, увидел, что Джам'а не под'езжает к франкам, он в гневе сошел с балкона и сказал: „Это измена!“ Джам'а же задержался, опасаясь пещеры, бывшей перед франками, нет ли там их засады. Когда же он под'ехал к пещере и в ней никого не оказалось, он бросился на рыцарей, освободил человека с коровой и погнал обоих франков к их палаткам. Ибн Маймун, властитель Антиохии³⁾, видел все, что произошло. Когда рыцари вернулись, он велел взять у них щиты и сделать из них кормушки для животных. Он сорвал их палатки и выгнал их, говоря: „Один мусульманский всадник гонит двух франкских рыцарей! Вы не мужчины, вы женщины!“ Что касается Джам'ы, то мой дядя выбрал его и рассердился за то, что он сначала держался вдали от франков, когда поехал за ними. „О, господин мой“, ответил Джам'а, „я боялся, нет ли у них засады в пещере Карматов⁴⁾, чтобы напасть на меня, но когда

¹⁾ Вероятно, в 1129 году, если упоминаемый в этом отделе Ибн-Маймун есть Боэмунд II.

²⁾ Правитель Шейзара Абу-ль-Асакир Изз-ад-дин Султан.

³⁾ Боэмунд II, сын Боэмунда I, был князем Антиохии с 1126 г. и окончил жизнь в 1131 г. во время похода против атабека Зенги.

⁴⁾ Карматы — одно из разветвлений мусульманской секты исмаилитов, иногда игравших крупную политическую роль.

я осмотрел ее и не увидел там никого, я освободил человека и корову и гнал обоих франков, пока они не вернулись в свой лагерь“. Но клянусь Аллахом, мой дядя не принял его извинений и остался им недоволен.

23. Рыцари у франков

У франков, да покинет их Аллах, нет ни одного из достоинств, присущих людям, кроме храбрости. Одни только рыцари пользуются у них преимуществом и высоким положением. У них как бы нет людей, кроме рыцарей. Они дают советы и выносят приговоры и решения. Раз я просил у них суда относительно стада овец, которое захватил в лесу властитель Баниаса¹⁾. Между нами и франками был тогда мир, а я находился в Дамаске²⁾. Я сказал царю Фулько, сыну Фулько³⁾: „Он поступил с нами несправедливо и захватил наших животных. А это как раз время, когда овцы приносят ягнят; ягнята умерли при рождении, а он вернул нам овец, погубив ягнят“. Царь сказал тогда шести-семи рыцарям: „Ступайте, рассудите его дело“. Они вышли из его залы и совещались до тех пор, пока все не сошлись на одном решении. Тогда они вернулись в залу, где принимал король, и сказали: „Мы постановили, что властитель Баниаса должен возместить стоимость их овец, которых он погубил“. Король приказал ему возместить их цену, но он обратился ко мне, надоедал и просил меня, пока я не принял от него сто динаров. Такое постановление, после того как рыцари окончательно утверждают его, не может быть изменено или отменено ни царем, ни кем-нибудь из предводителей франков, и рыцарь у них — великое дело.

„О, Усама“, сказал мне франкский король, „клянусь истинной моей религией, я вчера испытал великую радость“. „Аллах да обрадует короля“, отвечал я, „чему же ты радовался?“ „Мне говорили“, сказал король, „что ты великий всадник, а я и не подозревал, что ты герой“. Я ответил: „О, господин мой, я один из всадников своего народа и племени“. Если всадник строен и высок ростом, он больше всего им нравится.

¹⁾ Баннас — город в северной Палестине на южных отрогах Антиливана, около истоков Иордана.

²⁾ Первое пребывание Усамы в Дамаске относится, как видно из предшествовавшего, к 1138—1144 году.

³⁾ Фулько V, сын Фулько IV, графа анжуйского, был после Балдуина II королем Иерусалимским (1131—1142).

24. Жестокость Танкреда

Однажды Танкред¹⁾, первый властитель Антиохии после Маймуна²⁾, пошел против нас³⁾. Мы сражались, а потом заключили перемирие. Танкред прислал гонца, желая получить лошадь одного слуги моего дяди Изз-ад-дина, да помилует его Аллах. А это была отличная лошадь. Мой дядя послал ее Танкреду с одним из наших товарищей, курдом, которого звали Хасанун, чтобы он принял участие в скачке перед Танкредом на этой лошади. Это был один из наших доблестных всадников, юноша приятной внешности, стройный станом; он скакал и опередил всех пущенных лошадей. Он явился к Танкреду, и франкские рыцари стали осматривать его руки и восхищаться его юностью и стройностью. Они знали, что он доблестный всадник. Танкред одарил его богатыми подарками, и Хасанун сказал ему: „О, господин мой, я прошу у тебя обещания оказать мне милость — отпустить меня на свободу; если ты когда-нибудь захватишь меня в сражении“. Танкред дал ему это обещание. Так, по крайней мере, полагал Хасанун, потому что франки говорят только по-франкски, и мы не понимаем, что они говорят. После этого прошел год или больше и время перемирия истекло. Танкред пошел на нас во главе Антиохийского войска⁴⁾, и мы сражались у стен города. Наша конница вступила в бой с передовыми отрядами франков. Некий Камиль-аль-Маштуб, наш сотоварищ курд, бился особенно яростно. Он и Хасанун соперничали в доблести. Хасанун был с моим отцом, да помилует его Аллах, и сидел на какой-то кляче, ожидая, пока слуга приведет ему лошадь от коновала и принесет казакин. Слуга запоздал, и его стали волновать удары копьем Камиля-аль-Маштуба. Наконец он сказал моему отцу: „О, господин мой, прикажи дать мне хотя бы легкие доспехи“. „Вот стоят мулы, нагруженные оружием, отвечал отец. Что тебе годится, то и надень“. Я стоял в это время сзади отца. Я был еще мальчиком⁵⁾ и впервые в этот день видел сражение. Хасанун

¹⁾ Танкред, племянник Боэмунда I, правил Антиохией в 1104—1112 году во время поездки дяди в Европу.

²⁾ Боэмунд I, норманский князь, участник первого крестового похода и первый антиохийский князь, умерший во время своей поездки в Европу в 1111 году.

³⁾ Событие относится к 1108 году.

⁴⁾ Весной 1110 года.

⁵⁾ Усаме в 1110 году было 15 лет.

осмотрел казакины, уложенные в кожаные футляры и нагруженные на мулов, но ни один не подходил ему. Он кипел желанием выйти в бой и действовать так же, как Камиль-аль-Маштуб. На своей кляче он двинулся вперед, не надев доспехов. Один франкский рыцарь преградил ему дорогу и ударил лошадь Хасануна по крупу. Она, закусив узду, умчала его в самую середину франкского лагеря. Франки захватили Хасануна в плен и подвергли его разнообразным мучениям. Они хотели выколоть ему левый глаз, но Танкред, да проклянет его Аллах, сказал им: „Выколите ему правый глаз, чтобы он не мог ничего видеть, когда будет нести щит и закроет им левый глаз“. Они выкололи ему правый глаз, как приказал Танкред, и потребовали с него тысячу динаров и караковую лошадь, принадлежавшую моему отцу. Это была лошадь хафаджи¹⁾, одна из породистых, прекрасных лошадей, и мой отец, да помилует его Аллах, выкупил его ценой этой лошади. Из Шейзара в этот день выступило много пехоты. Франки бросились на них, но не могли сбить с места. Тогда Танкред разгневался и сказал: „Вы—мои рыцари и каждый из вас получает содержание, равное содержанию ста мусульман. Это „сержанты“²⁾ (он разумел пехотинцев), и вы не можете выбить их с этого места!“ „Мы боимся только за лошадей, ответили ему, если бы не это, мы бы их затоптали и перекололи копьями“. „Лошади мои, сказал Танкред: всякому, у кого будет убита лошадь, я заменю ее новою“. Тогда франки несколько раз атаковали наших пехотинцев и семьдесят лошадей у них было убито, но они не могли сдвинуть наших со своего места.

25. Рыцарь Бадрхава

В Апаmee³⁾ был рыцарь, один из славнейших среди франков, которого звали Бадрхава⁴⁾. Он постоянно говорил: „Увидите, что будет, когда я встречу с Джам'ой в бою“. А Джам'а говорил: „Увидите, что будет, когда я встречу с Бадрхавой в бою“. Войска Антиохии пошли на нас⁵⁾ и раз-

¹⁾ Бедуинское племя Хафаджа ибн Амр славилось своими породистыми лошадьми.

²⁾ В арабском тексте слово „серженд“, представляющее, вероятно, простую передачу европейского термина.

³⁾ Апамея—город к северу от Шейзара; с 1106 года был во власти франков.

⁴⁾ Какое европейское имя кроется в этой арабской форме, установить едва ли возможно.

⁵⁾ Вероятно, вскоре после занятия Апамеи франками.

били палатки там, где они обыкновенно располагались. Между нами и франками была вода. Один наш отряд стоял против них на пригорке. Один франкский рыцарь выехал верхом из лагеря и, приблизившись, остановился под нашим отрядом, но между ним и отрядом была вода. Всадник крикнул им: „С вами Джам'а?“ „Нет, клянемся Аллахом“, отвечали ему. Джам'ы среди них не было. Этот всадник был Бадрхава; он обернулся и увидел четырех наших всадников на своем берегу. Это были: Яхья ибн Сафи „левша“, курд Сахль ибн Абу Ганим, Хариса нумейрит и еще другой всадник. Он бросился на них, обратил их в бегство и, догоняя одного из них, нанес ему удар копьем, но без вреда, так как его лошадь не могла настичь противника для настоящего удара. Франкский рыцарь вернулся в лагерь, а эти люди в город. Они покрыли себя позором, их упрекали, бранили и презирали. „Вас было четверо всадников, говорили им, а один рыцарь обратил вас в бегство, и вы рассеялись перед ним. Он ударил одного из вас, а три остальных могли бы его убить. Вы же покрыли себя позором“. Сильнее всех на них нападал Джам'а нумейрит. Это бегство как бы сделало их сердца другими, чем прежде, и придало им такую доблесть, на которую они сами даже не рассчитывали. Они пришли в ярость, отправились в бой, сражались и прославились в войне и стали после этого бегства знаменитыми героями.

Что касается Бадрхавы, то он уехал после этого из Апамене по какому-то делу, направляясь в Антиохию. По дороге на него напал лев в долине ар-Рудж¹⁾, он сбросил Бадрхава с седла, унес в чашу и там с'ел его, да не помилует его Аллах.

26. Один стоит многих

Среди случаев, когда один человек нападал на многих противников, был такой. Главнокомандующий Маудуд²⁾, да помилует его Аллах, расположился лагерем в окрестностях Шейзара, в четверг девятого числа первого Раби пятьсот пятого года³⁾. Танкред, властитель Антиохии, двинулся на него с большими силами. К Маудуду вышли мой дядя⁴⁾ и

¹⁾ Ар-Рудж—местность по дороге между Алеппо и аль-Мааррой.

²⁾ Маудуд—сын Алтун-Тегина, с 1108 года был в Мосуле наместником сельджукского султана Мухаммед-Шаха и получил главное командование над войсками, отправленными по настоянию халифа аль-Мустазхира против Танкреда. Он был убит в 1113 г.

³⁾ 15 сентября 1111 года.

⁴⁾ Правитель Шейзара Изз-ад-дин Султан.

отец и сказали ему: „Лучше всего тебе сняться с лагеря (а он стоял к востоку от города, у реки) и расположиться в самом городе, а солдаты пусть разобьют палатки на крышах домов. Мы встретим франков после того, как наши палатки и обоз будут надежно спрятаны“.

Маудуд снялся с лагеря и расположился там, где ему сказали. На утро отец и дядя вышли к нему, а из Шейзара выступили пять тысяч воинов в снаряжении. Главнокомандующий обрадовался им и стал бодрее душой. С ним, да помилует его Аллах, были превосходные солдаты. Они построились к югу от реки, а франки были к северу от нее. Наши мешали франкам пить из реки и спускаться к водопою весь день, а когда наступала ночь, они ехали обратно в город, и народ собирался вокруг них.

На другой день франки расположились у Телль-ат-Тирмасы, но им мешали спуститься к водопою, как и накануне. Ночью они снялись с лагеря и расположились у Телль-ат-тулуля. Наши войска теснили франков и мешали им двигаться вперед. Они окружили реку и не давали им подойти к водопою. Ночью франки снова двинулись в путь, направляясь в Апамею. Наши войска преследовали их и окружали, а они двигались дальше. Из их рядов выехал всадник и напал на наших людей, так что оказался между ними. Они убили его лошадь и усеяли его самого ранами, но он продолжал сражаться, пока не пробился к своим. Франки между тем вступили в свою землю, и мусульмане вернулись, а главнокомандующий Маудуд, да помилует его Аллах, отправился в Дамаск¹⁾.

Через несколько месяцев к нам пришло письмо от Танкреда, властителя Антиохии. Его привез рыцарь, с которым были слуги и товарищи. Письмо гласило: „Этот рыцарь пользуется у франков почетом; он совершил паломничество и собирается вернуться в свою страну. Он просил меня отправить его к вам, чтобы посмотреть на ваших всадников. Я послал его и прошу вас хорошо его принять“.

Это был юноша красивой наружности и хорошо одетый; на нем виднелись следы многих ран, а один удар меча рассек лицо от корней волос до подбородка. Я расспросил о нем, и мне сказали: „Это—тот, который напал на войско главнокомандующего Маудуда. Его лошадь убили, и он бился, пока не вернулся к своим“. Да будет прославлен Аллах, властный над тем, чего хочет и как хочет. Сдержанность не отодвинет конечного предела и смелость не приблизит его.

¹⁾ Дамасский атабек Тугтегин был в союзе с Маудудом.

Такой же случай рассказал мне поэт аль-Укаб, один из наших солдат из Магриба. Он говорил: „Мой отец отправился как-то из Пальмиры¹⁾ в Дамаск на базар. С ним было четыре всадника и четверо пеших, которые гнали туда восемь верблюдов на продажу. „Мы шли вперед“, рассказывал мне отец, „как вдруг увидели всадника, приближавшегося к нам из глубины пустыни. Он подвигался вперед, пока не под’ехал к нам близко и крикнул: „Отойдите от верблюдов!“ Мы все закричали на него и стали его ругать, но он пустил на нас свою лошадь и ударил копьем кого-то из наших всадников, сбросил его на землю и ранил. Мы погнались за ним, но он умчался. Потом он опять вернулся к нам и крикнул: „Отойдите от верблюдов“. Мы закричали и обругали его, но он напал на нас, ударил копьем еще одного из наших и сильно его ранил. Мы бросились его преследовать, но он ушел от нас, а потом вернулся, когда двое из нас уже не могли сражаться. Он опять пустился на нас и к нему бросился один наш товарищ и ударил его копьем. Удар пришелся в луку седла и копые сломалось, а противник ударил его и ранил. Затем он бросился на нас и ударил копьем еще одного из наших, сбросив его на землю. „Отойдите от верблюдов“, крикнул он, „а не то я уничтожу вас всех“. „Под’езжай, возьми половину их“, закричали мы в ответ. Всадник сказал: „Нет, отделите четыре из них и оставьте их стоять, а четырех берите и отправляйтесь“. Мы так и сделали и не верили своему спасению, с тем, что у нас уцелело. Он погнал этих четырех верблюдов на наших глазах, а у нас не было ни возможности, ни желания помешать ему. Он скрылся с добычей в одиночестве, а нас было восемь человек“.

Нечто подобное произошло, когда Танкред, властитель Антиохии, сделал набег на Шейзар²⁾. Он угнал много вьючных животных и многих убил или взял в плен. Он расположился в деревне Залин, где была недоступная пещера, как бы подвешенная в самой середине горы. К ней не было ни спуска сверху, ни под’ема снизу. Те, кто скрывался в этой пещере, спускались туда по веревке. Это было в четверг двадцатого числа второго Раби пятьсот второго года³⁾. Один из их дьяволов-рыцарей пришел к Танкреду и сказал: „Сделай мне деревянный сундук. Я в него сяду, а вы спустите

¹⁾ Пальмира (арабск. Тадмор) лежала на торговом пути из Дамаска к Евфрату.

²⁾ Из дальнейшего видно, что событие произошло в 1108 году.

³⁾ 27 ноября 1108 года.

меня к врагам на цепях. Только прикрепите их основательно к сундуку, чтобы их не разрубили мечом; иначе я упаду“. Ему сделали сундук и спустили на цепях в подвешенную пещеру. Он захватил ее и привел всех, кто там был, к Танкреду. Это произошло потому, что пещера была открыта, в ней не было местечка, где бы люди могли спрятаться. Этот франк пускал в них стрелы и неизменно в кого-нибудь попадал, так как место было тесное, а народа собралось очень много.

Среди пленных, взятых в этот день, была женщина, принадлежавшая к старинному арабскому роду. Ее расхваливали моему дяде Абу-ль-Асакиру Султану, да помилует его Аллах, еще раньше, когда она была в доме своего отца. Мой дядя послал тогда старуху из своих близких посмотреть на нее. Старуха вернулась и принялась описывать ее красоту и ум. Ей, может быть, сделали подарок, а может быть, показали кого-нибудь. Мой дядя посватался за нее и женился, но, когда она вошла к нему, он увидел совсем не то, что ему описывали. К тому же она была немая. Мой дядя заплатил ей сполна приданое и вернул ее обратно к своим. В этот день она была уведена в плен из родной семьи. Мой дядя сказал: „Я не оставляю в плену у франков женщины, которую я взял в жены и которая сняла передо мной покрывало“. Он выкупил ее за пятьсот динаров и вернул к ее родным, да помилует его Аллах.

Нечто похожее рассказал мне аль-Му’айяд¹⁾, поэт из Багдада. „Когда я был в Мосуле в пятьсот шестьдесят пятом году²⁾, Халиф³⁾ наделил моего отца деревней“, говорил он, „и отец часто наезжал туда. Вокруг было много бродяг, грабивших на дорогах, но отец ладил с ними, так как боялся их и пользовался иногда чем-нибудь, что они захватят. Однажды мы сидели в этой деревне, к нам под’ехал на лошади молодой турок. С ним был верховой мул, несший дорожный мешок, на котором сидела девушка. Он сошел с лошади, спустил на землю девушку и сказал: „Эй молодцы, помогите мне снять мешок“. Мы подошли и сняли его с ним на землю. Оказалось, что там все золотые динары и драгоценности. Он и девушка посидели у нас и поели, а потом он сказал: „По-

¹⁾ В арабском тексте или в воспоминаниях Усамы вкралась какая-то неточность: поэт аль-Муайяд умер в Мосуле уже в 1162 году, а его сын Мухаммед, тоже поэт, по пути в Дамаск в 1169 году.

²⁾ 1170 году по Р. Х. Усама приезжал в Мосул во время своего пребывания в Диярбекре (1164—1174 г.).

³⁾ Багдадский халиф из династии аббасидов аль-Мустанджид (1160—1170 г.).

можете мне поднять мешок". Мы с ним подняли его, и он спросил: „Как идет дорога в Анбар?"¹⁾ „Дорога-то здесь", сказал отец и показал ему дорогу. „Да только на дороге шестьдесят бродяг, и, добавил он, я боюсь за тебя из-за них". Но юноша стал смеяться над ним и сказал: „Стану я бояться бродяг!" Мой отец оставил его и пошел к бродягам. Он рассказал им про юношу и про то, что он везет с собой.

Они вышли и встретили юношу на дороге. Когда он увидел их, то вытащил лук, приложил к нему стрелу и натянул его, собираясь выстрелить в них, но тетива лука оборвалась и бродяги бросились на него. Он пустился бежать, а бродяги забрали мула, девушку и мешок. Девушка сказала им: „О молодцы, ради Аллаха не позорьте меня, а дайте мне выкупить себя вместе с мулом ценой ожерелья из драгоценных камней, которое у турка. Оно стоит пятьсот динаров. Возьмите себе мешок и все, что в нем". „Мы согласны", ответили ей бродяги. „Пошлите со мной кого-нибудь", сказала девушка, „чтобы я могла поговорить с турком и взять ожерелье". Они послали с ней одного из своих для охраны; она подскакала к турку и сказала ему: „Я выкупила себя и мула ценой ожерелья, которое в голенище твоего левого сапога. Дай его мне". „Хорошо", сказал турок. Он отошел от них и снял сапог, в котором оказалась тетива. Он натянул ее на лук и вернулся к бродягам. Они стали сражаться с ним, а он убивал их одного за другим, пока не перебил сорока трех человек. Вдруг он увидел среди оставшихся моего отца". „И ты с ними!" воскликнул он. „Хочешь я дам тебе твою долю стрел?" „Нет", отвечал отец. Юноша сказал тогда: „Возьми семнадцать оставшихся и пойдй впереди них к правителю города". Бродяги обрадовались и побросали оружие. Турок погнал своего мула вместе со всем, что на нем было, и уехал. Аллах, да будет он превознесен, послал на бродяг в его образе беду и проявил великий гнев".

Я присутствовал при таком же происшествии в пятьсот шестьдесят девятом году²⁾. Мой отец, да помилует его Аллах, вышел с войсками к главнокомандующему Бурсуку ибн Бурсуку³⁾, да помилует его Аллах. Этот последний по приказанию султана отправился в поход. С ним было много войск и множество эмиров сопровождало его. В числе их

¹⁾ Город на среднем течении Евфрата.

²⁾ 1115—1116 г. по Р. Х.

³⁾ Бурсук эмир Хамадана (в Персии) был назначен султаном Мухаммед-Шахом, сыном сельджукида Мелик-Шаха, в 1115 году главнокомандующим войсками.

были: ¹⁾ „эмир войск" Узбек, правитель Мосула, Сункар Дираз, властитель Рахбы, эмир Кундугади, главный хаджиб Бектимур, Зенги ибн Бурсук²⁾, истый герой, Темирбек и Исмаил аль Бальхи и другие эмиры. Они обложили Кафартаб³⁾, где был брат Феофила и франки. Наши войска штурмовали город. Хорасанцы⁴⁾ вошли в ров и стали подкапываться. Франки, убедившись в близости гибели, подожгли крепость. Они сожгли крыши домов. Огонь перешел на лошадей, на вьючных животных, на мелкий скот, на свиней и на пленных, и все это сгорело. Франки остались как бы висеть в вышине на стенах крепости. Мне пришлось на ум войти в подкоп, взглянуть на него. Я спустился в ров, а стрелы и камни дождем сыпались на нас, и вошел в подкоп⁵⁾. Я увидел, что он замечательно устроен; от рва до бастиона прорыли галерею, а по бокам ее поставили два столба, на которых лежала перекидина, мешавшая обрушиться верхней части галереи. Стены ее выложили деревянными балками вплоть до основания бастиона.

Затем они пробili его стену и, подперев ее, добрались до фундамента башни. Галерея была узка, но это был единственный путь к башне. Когда они подошли к ней, они сделали широкий пролом в стене башни и стали выносить на балках постепенно выломанные глыбы камней. Земля в галерее из сухой становилась тинистой; я осмотрел подкоп и вышел. Хорасанцы не узнали меня, а если бы узнали, то не дали бы мне выйти иначе, как за большой выкуп. Они принялись рубить сухой валежник и набили им подземный ход. Утром они подложили туда огня. Мы уже надели доспехи и направились ко рву, чтобы ворваться в крепость, когда башня обрушится. А стрелы и камни наносили нам большой урон. Под действием огня сначала стала выпадать прослойка из известки между камнями. Затем стены треснули, трещина стала расширяться, и башня обвалилась. Мы полагали, что когда она обрушится, мы сможем войти к ним, но башня обвалилась только с наружной стороны, а внутренняя сторона осталась, как была. Мы стояли, пока солнце не начало при-

¹⁾ Большинство перечисляемых дальше лиц мало известно в истории.

²⁾ Брат главнокомандующего.

³⁾ Кафартаб, неоднократно упоминавшийся в предшествующих рассказах, укрепленный город между Аль-Маарой и Шейзаром; в этот период принадлежал крестоносцам.

⁴⁾ Хорасан — область в центральной Персии, откуда часто вербовались войска.

⁵⁾ Дальнейшие саперные подробности в тексте не совсем ясны.

пекать, а потом вернулись в свои палатки. Камни франков причинили нам большие потери. Мы провели так, время до полудня. Вдруг из лагеря вышел пехотинец с мечом и щитом и направился к обвалившейся стене башни. Ее выступы были теперь похожи на ступеньки лестницы, и он взбирался по ним, пока не взлез на верхушку стены. Когда наши солдаты это увидели, человек десять поспешили за ним, надев оружие. Они взлезли на башню один за другим, а франки и не заметили их. Мы все тогда облачились и бросились из палаток. Наши люди столпились на башне, прежде чем франки успели собрать против них войска. Потом они двинулись на них и забросали их стрелами, ранив того солдата, который взлез первым. Он спустился, а наши люди продолжали подыматься по стене. Они оказались с франками на одной из площадок стены башни. Против них была башня, в воротах которой стоял рыцарь, одетый в доспехи, со щитом и копьем. Он охранял вход в башню, на которой было множество франков, поражавших наших людей стрелами и камнями. Один турок взлез на стену на наших глазах и пошел по ней под угрозой гибели. Он приблизился к башне и бросил в того, кто стоял у входа, сосуд с нефтью. Я видел рыцаря на этом камне, он скатился к франкам как искра, а они бросились на землю, боясь сгореть. Турок возвратился к нам. Затем взлез на стену другой турок и пошел по площадке. У него был меч и щит. Из башни, у дверей которой стоял рыцарь, вышел навстречу турку один франк, одетый в двойную кольчугу и с копьем в руках, но без щита. Турок встретил франка с мечом в руках, а тот ударил его копьем. Но он отразил копье щитом и приблизился к франку на расстояние копья. Франк увернулся от него и стал к нему спиной, согнувшись так, как тот, кто кланяется при молитве, боясь за свою голову. Турок нанес ему несколько ударов, не причинивших никакого вреда, и он вошел в башню. Наши войска все усиливались и умножались против франков, так что они сдали крепость. Пленные были отведены в палатки Бурсука ибн Бурсука. Я увидел того рыцаря, который пошел на турка с копьем. Пленных собрали в шатре Бурсука ибн Бурсука, чтобы они определили размер своего выкупа. Этот рыцарь стоял тут же, он был сержант. „Сколько вы возьмете за меня?“—спросил он. Ему ответили: „Мы хотим шестьсот динаров“. Он рассмеялся им в лицо и сказал: „Я сержант, мое жалование ежемесячно два динара, откуда у меня шестьсот динаров?“ Сказав это, он повернулся и сел среди своих товарищей. Пленных было очень много, и эмир ас-Сейид-аш-Шериф, один из знатных

эмиров, сказал моему отцу, да помилует их обоих Аллах: „О брат мой, посмотри на этих людей, да сохрани нас от них Аллах!“ Аллах, да будет ему слава, предопределил, чтобы наше войско ушло из-под Кафартаба к Данису¹⁾. Войска Антиохии встретили их утром во вторник двадцать третьего числа второго Раби²⁾. А сдача Кафартаба произошла в пятницу 13 числа второго Раби. Эмир ас-Сейид-аш-Шериф, да помилует его Аллах, был убит с множеством мусульман. Мой отец, да помилует его Аллах, вернулся в Кафартаб. Я расстался с ним, когда он уехал, оставшись в Кафартабе. Наше войско было разбито, а мы были в Кафартабе, охраняли его и хотели отстроить, так как главнокомандующий отдал его нам³⁾. Мы освобождали пленных из жителей Шейзара, которые были скованы по двое. У одного обгорела половина тела, и было проткнуто бедро, другой умер в огне. Я видел в этом великое назидание. Мы оставили Кафартаб и вернулись в Шейзар вместе с отцом, да помилует его Аллах. Все, что было с отцом из палаток, верблюдов, мулов и обоза, удалось забрать, войско рассеялось.

Все, что с нами случилось, произошло из-за козней евнуха Лулу, бывшего в то время правителем Алеппо⁴⁾. Он заключил условие с властителем Антиохии⁵⁾, что хитростью разединит наши войска. Тогда властитель Антиохии выступит оттуда со своими войсками и разобьет нас. Лулу послал передать главнокомандующему Бурсуку, да помилует его Аллах: „Отправь мне кого-нибудь из эмиров с отрядом войска; я передам ему Алеппо, так как боюсь, что жители города не подчинятся мне при передаче, и хотел бы, чтобы с эмиром был большой отряд, который мог бы поддержать меня против жителей Алеппо“. Бурсук послал к нему эмира войска Узбека с тремя тысячами всадников. Роджер, да проклянет его Аллах, напал на них на заре и разбил их во исполнение божественной воли. Франки, да проклянет их Аллах, вернулись в Кафартаб, отстроили его и стали там жить. Аллах великий предопределил, чтобы все франкские пленные, взятые в Кафартабе, получили свободу, так как эмиры поделили их между собою и оставили в живых, чтобы они могли себя выкупить.

¹⁾ Город между Кафартабом и Алеппо.

²⁾ 13 и 23 Раби второго в этом году приходилось 5 и 15 сентября 1115 г.

³⁾ Кафартаб и раньше одно время принадлежал мункызитам—роду Усамы.

⁴⁾ Бедр-ад-дин Лулу был правителем Алеппо после смерти Рудвана сына Тутуша с 1113 по 1117 г.

⁵⁾ Князем Рожером (1112—1119 г.).

Освободились все пленные, кроме бывших у эмира войск, так как он приказал отрубить головы тем, кто выпал ему на долю, когда собирался в Алеппо. Наше войско рассеялось, и те, кто уцелел под Данисом, вернулись в свои земли. Таким образом, тот человек, который один взлез на башню Кафартаба, был причиной взятия этого города.

Еще один похожий случай произошел так: у меня на службе был некий человек по имени Нумейр-аль-Алярузи, человек храбрый, отважный и энергичный. Он с несколькими жителями Шейзара напал на франков у ар-Руджа¹⁾. Они наткнулись под городом на караван франков, скрывшийся в пещере. Люди спрашивали друг друга: „Кто же войдет к ним?“ „Я!“ воскликнул Нумейр. Он устремил на франков свой меч, закрылся щитом, вытащил нож и вошел к ним. Ему навстречу двинулся один из них, но Нумейр свалил его ударом ножа и наступил ему коленом на грудь, чтобы убить; другой франк, стоявший за первым с мечом в руках, ударил им Нумейра. У Нумейра на спине был мешок с хлебом, который и защитил его от удара. Когда был убит человек, лежавший под Нумейром, тот повернулся к бывшему с мечом, желая приняться за него. Но тот успел ударить его мечом по лицу и рассек ему бровь, веко, щеку, нос и верхнюю губу, так что одна сторона лица свисла на грудь. Он вышел из пещеры, и товарищи перевязали его рану. Они вернулись с ним в холодную и дождливую ночь в Шейзар в таком виде. Его лицо зашили и принялись лечить его рану. Она зажила, и он стал таким же, как прежде, только глаз его погиб. Это был один из тех трех, которых исмаилиты сбросили с крепости Шейзар²⁾, о чем рассказано выше³⁾.

Предводитель Сахри, который был на службе у эмира Шамс-аль-Хаувасса Алтунташа⁴⁾, властителя Рафании⁵⁾, рассказал мне следующее (его господин враждовал и соперничал с властителем Хама Алам-ад-дином Алием курдом): „Шамс-аль-Хаувасс приказал мне поехать оцепить область Рафании и посмотреть ее посевы. Я выехал с отрядом солдат и оцепил область. Однажды вечером, перед наступлением ночи, я расположился в одной из деревень области Рафании. В этой

¹⁾ Упомянутая уже местность между Алеппо и аль-Маарой.

²⁾ Исмаилиты — религиозно-политическая мусульманская секта. Нападение их на Шейзар другие историки относят к 1109-му или 1114 году.

³⁾ В сохранившейся части воспоминаний Усамы указываемого рассказа нет.

⁴⁾ Алтунташ после смерти правителя Алеппо Лулу в 1117 году ненадолго захватил в свои руки власть и над этим городом.

⁵⁾ Рафания — к западу от Хомса и Хама в области графства Триполи.

деревне была башня; мы взобрались на ее крышу, поужинали и сидели там, а наши лошади были у ворот башни. Вдруг, совершенно неожиданно, пред нами показался среди башенных зубцов какой-то человек; он с криком ринулся на нас, держа в руке нож. Мы бросились бежать и спустились по первой лестнице, а он был сзади нас. Тогда мы спустились по второй, а он не отставал, пока мы не достигли второй и вышли, но тут оказалось, что он расставил для нас у ворот людей. Нас схватили, связали веревками и отвели в Хама к Алию Курду. Наши головы уцелели, только благодаря передышке судьбы. Мы были заключены в тюрьму и откупились; все это сделал с нами один человек.

Нечто подобное произошло в крепости аль-Харба, принадлежавшей Салах-ад-дину Мухаммеду ибн Айюбу аль-Ягисьяни¹⁾, да помилует его Аллах. Комендантом ее был хаджиб Иса. Это была крепость неприступная, на скале, возвышавшейся со всех сторон. К ней поднимались по деревянной лестнице, а потом лестница убиралась, и к крепости не оставалось никакого доступа. С правителем в крепости не было никого, кроме его сына, слуги и привратника крепости. У привратника был приятель по имени Ибн аль-Марджи, который время от времени приходил к нему по делам. Он сговорился с исмаилитами, и те заключили с ним условие, обещая ему денег и поместья, если он отдаст им крепость аль-Харба. Он пошел к крепости, попросил разрешения войти и поднялся. Он начал с привратника и убил его. Слуга вышел к нему навстречу, он тоже убил его. Потом он вошел к правителю, убил его, а затем вернулся к сыну правителя и убил также и его. Он передал крепость исмаилитам, и те выдали ему условленное. Когда люди твердо решат что-нибудь, они могут это сделать.

Отсюда и происходит различие людей друг от друга по достоинству своих мыслей и стремлений. Мой отец, да помилует его Аллах, говорил мне: „Всякая хорошая вещь, какого бы то ни было рода, может быть оценена известным количеством дурных того же рода. Одна хорошая лошадь стоит сто динаров по цене пяти скверных лошадей, стоящих вместе сто динаров. Это относится и к верблюдам и к разным одежам, но не к детям Адама, так как тысяча негодных людей не стоит и одного хорошего человека“. И он был прав, да помилует его Аллах.

Как-то я послал своего слугу в Дамаск по важному делу. Случилось, что Атабек Зенги, да помилует его Аллах, взял

¹⁾ Наместник атабека Зенги в городе Хама.

Хама и обложил Хомс ¹⁾. Дорога, по которой должен был возвращаться мой слуга, оказалась занятой, и он направился в Баальбек, а потом в Триполи ²⁾. Там он нанял мула у одного христианина по имени Юнан. Он довез его до условленного места, а потом простился с ним и вернулся. Мой человек вышел с караваном, желая добраться до Шейзара через горные крепости. Им повстречался человек, который сказал владельцам животных: „Не двигайтесь дальше! На вашем пути в таком-то месте шайка разбойников в шестьдесят—семьдесят человек, они захватят вас“. „Мы стояли, не зная, что делать“, рассказывал мой слуга. „Душа не мирилась с возвращением, но и двигаться вперед мы не решались из страха. Мы находились в затруднении, как вдруг хозяин Юнан поспешно вернулся к нам. „Что с тобой, хозяин?“—спросили мы его. „Я услышал, что на вашей дороге разбойники“,—отвечал он, „и пришел проводить вас. Отправляйтесь!“ Мы доехали с ним до указанного места, и вдруг с горы спустились несколько разбойников, предполагавших нас задержать. Юнан встретил их и сказал: „Эй молодцы, на место! Я, Юнан, и они под моей защитой. Клянусь Аллахом, никто из вас не приблизится к ним!“. И он, клянусь Аллахом, прогнал их всех, и они не с'ели у нас ни одной лепешки. Юнан шел с нами, пока опасность не миновала, а потом простился с нами и уехал“.

27. Верность бедуина

Этот слуга рассказывал мне со слов сына правителя ат-Тура ³⁾ следующее (мой слуга приехал со мной в Египет в пятьсот тридцать восьмом году ⁴⁾: „Вот что мне рассказал сын наместника ат-Тура (ат-Тур—отдаленная область Египта вблизи владений франков, и когда аль-Хафиз-ли-дин-Аллах ⁵⁾ хотел удалить кого-нибудь из эмиров, он назначал его правителем в ат-Тур). Мой отец был назначен правителем в ат-Тур, и я выехал туда вместе с ним. Я очень любил охоту и однажды выехал поохотиться. На меня напал отряд франков ⁶⁾, которые

¹⁾ По другим источникам это событие произошло около 1130 года.

²⁾ Круглым путем вместо прямой обычной дороги через Хомс и Хама.

³⁾ Ат-Тур—город на юго-западном побережье Синайского полуострова, у Суэцкого залива.

⁴⁾ В 1144 г. по Р. Хр.

⁵⁾ Фатимидский халиф (1130—1149 г.).

⁶⁾ Владения крестоносцев в эту эпоху простирались до монастыря Св. Екатерины на Синае.

захватили меня и отвели в Бейт Джибриль ¹⁾, где заперли одного в подземелье. Властитель Бейт Джибриля назначил за меня выкуп в две тысячи динаров. Я оставался в подземелье целый год, и никто обо мне не спрашивал. Однажды я сидел в подземелье, как вдруг вход открыли и ко мне спустился бедуина. „Где они тебя захватили?“—спросил я. „На дороге“, отвечал он. Он провел со мной несколько дней, и за него назначили пятьдесят динаров. Однажды он сказал мне: „Если хочешь знать, никто кроме меня не спасет тебя из этого подземелья. Освободи же меня, чтобы я мог освободить тебя“. Я подумал в душе: „Человек попал в тяжелое положение и ищет для себя освобождения“—и ничего ему не ответил. Через несколько дней он опять стал говорить то же самое, и я сказал себе: „Клянусь Аллахом, надо постараться освободить его. Может быть, Аллах освободит меня в награду за это“. Я крикнул тюремщика и сказал ему: „Передай господину, что я хочу поговорить с ним“. Он пошел, возвратился, вывел меня из подземелья и привел к господину. „Я сижу у тебя в тюрьме целый год“, сказал я, „и никто не спрашивал обо мне и не знает, жив я или умер. Ты посадил вместе со мной бедуина и назначил за него пятьдесят динаров. Прибавь их к моему выкупу и позволь мне послать его к моему отцу, чтобы он меня выручил“. „Сделай так“, ответил он мне. Я вернулся и рассказал об этом бедуину, он вышел из подземелья, простился со мной и ушел. Я в течении двух месяцев ожидал, что из этого выйдет, но не видел никаких последствий и не слышал никаких вестей. Я уже потерял на него надежду, но как-то ночью он вдруг проник ко мне через подкоп в стене подземелья и сказал: „Вставай! Клянусь Аллахом, я уже пять месяцев рою этот ход из деревни Харба, чтобы добраться до тебя“. Я встал, и мы вышли через этот ход. Он сломал мои цепи и доставил меня домой. Не знаю, чему мне больше удивляться—замечательной ли верности обещания, или точности, с которой он прорыл ход сбоку подземелья. Когда Аллах, да будет ему слава, судит свершиться облегчению, как легки тогда пути к нему!“

28. Выкуп пленных у франков

Я часто ездил к королю франков ²⁾ во время перемирия между ним и Джемаль-ад-дином Мухаммедом ибн Тадж-

¹⁾ Бейт Джибриль—укрепленный город на полпути между Газзой и Иерусалимом.

²⁾ Имеется в виду Фулько V, король иерусалимский (1131—1142).

аль-Мулуком¹⁾, да помилует его Аллах, из-за долга моему отцу, да помилует его Аллах, лежавшего на короле Балдуине²⁾, отце королевы, супруги короля Фулько сына Фулько³⁾. Франки сгоняли ко мне пленных, чтобы я их выкупил. Я выкупил тех из них, кому Аллах облегчал освобождение. Один из франков, дьявол по имени Кильям Джиба⁴⁾, выехал на своем корабле повоевать и захватил судно с Магрибинскими паломниками, которых было около четырехсот душ мужчин и женщин. Ко мне приходили все новые пленники с их владельцами, и я выкупил тех, кого был в состоянии выкупить. Среди них был один молодой человек, который приветствовал меня и сел, не говоря ни слова. Я расспросил о нем, и мне сказали, что это аскет и что хозяин его дубильщик. Я спросил последнего: „За сколько ты продашь мне вот этого?“ „Клянусь истиной моей веры“, воскликнул он, „я продам его не иначе как вместе с этим стариком, как я и купил их, за сорок три динара“. Я выкупил их и выкупил еще нескольких для себя, а нескольких для эмира Му'ин-ад-дина⁵⁾, да помилует его Аллах, всего на сто двадцать динаров. Я отвесил сколько было со мной денег, а остальное обещался заплатить. Приехав в Дамаск, я сказал эмиру Му'ин-ад-дину, да помилует его Аллах: „Я выкупил для тебя пленных и предназначил их тебе. Со мной не было всей их стоимости, но теперь я у себя дома, и если ты хочешь их взять, заплати эту цену, а если нет, я заплачу сам“. „Нет“, ответил эмир, „клянусь Аллахом, я сам заплачу их цену: ведь я больше всех людей хочу получить за них небесную награду“. Му'ин-ад-дин, да помилует его Аллах, быстрее всех людей устремлялся к совершению добра и приобретению за него воздаяния. Он отвесил их стоимость, а я через несколько дней вернулся в Акку. У Кильяма Джиба осталось тридцать восемь пленников и среди них жена одного из тех, кого великий Аллах освободил моими руками. Я купил ее у Кильяма, но не мог тогда заплатить за нее. Теперь я поехал к нему, да проклянет его Аллах, и сказал ему: „Продай мне еще десять из них“. „Клянусь истиной моей веры“,

¹⁾ Правитель Дамаска (1139—1140), брат и преемник Шихаб-ад-дина Махмуда.

²⁾ Балдуин II, король иерусалимский (1118—1131).

³⁾ За Фулько была замужем старшая дочь Балдуина Мелисанда; на второй был женат Боэмунд II антиохийский.

⁴⁾ Европейскую форму имени установить по этой искаженной передаче затруднительно. (В Кильям, вероятно, кроется Гильом или Вильгельм).

⁵⁾ Му'ин-ад-дин Анар, министр дамасских буридов и покровитель Усамы, жившего в это время в Дамаске (1138—1144 г.).

ответил он, „я продам только всех вместе“. „У меня нет с собой денег, чтобы заплатить за всех“, возразил я. „Я куплю часть их, а в следующий раз куплю остальных“. Но он ответил: „Я продам тебе только всех сразу“. Я уехал, а Аллах, да будет ему слава, предопределил всем убежать в ту же ночь. А жители деревень вокруг Акки все были из мусульман, а когда к ним приходил пленный, они прятали его и препровождали в области ислама. Этот проклятый преследовал их, но ни один из них не попался ему в руки, и Аллах, да будет ему слава, облагодетельствовал их своим освобождением. На следующее утро Кильям потребовал у меня платы за ту женщину, которую я купил и не заплатил денег. А она убежала вместе с остальными беглецами. Я сказал ему: „Выдай ее мне и возьми ее цену“. „Ее цена принадлежала мне со вчерашнего дня, прежде чем она убежала“, сказал он в ответ. Он заставил меня заплатить стоимость, и я заплатил. Это показалось мне нестоящим: так я был рад освобождению этих несчастных.

29. Чудесное спасение

Вот удивительный случай спасения, когда так решит судьба и предопределил божественная воля. Эмир Фахр-ад-дин Кара Арслан ибн Сукман ибн Ортук¹⁾, да помилует его Аллах, несколько раз открывал действия против города Амида²⁾, но не добивался своей цели, когда я был у него на службе. Последнее предприятие его было таково: с ним завязал сношения один эмир из курдов, вербовавший войска в Амиде. С ним за-одно было много его приближенных. Дело было решено так, что войско Фахр-ад-дина подступит к городу в назначенную ночь и что эмир подымет солдат на веревках и он овладеет Амидом. Фахр-ад-дин поручил это предприятие служившему у него франку, которого звали Ярук. Все войско ненавидело этого слугу и питало к нему отвращение за его скверный характер. Ярук поехал вперед с частью войска, а за ним последовали остальные эмиры. Ярук замедлил в своем движении, и эмиры опередили его у Амида. Курдский эмир со своими сообщниками увидел войска с башни. Им спустили веревки и сказали: „Поднимайтесь“, но ни один из них не

¹⁾ Эмир области Хысн Кайфа в Диярбекре, у северной границы Сирии, где жил Усама в 1164—1174 г.

²⁾ Амид—главный город области Диярбекра, на верхнем течении Тигра, находился в руках другой линии ортукидов,

поднялся. Тогда они сошли с башни, сломали запоры у ворот города и сказали солдатам: „Входите“, но никто не вошел. Все это произошло потому, что Фахр-ад-дин доверился в таком важном деле глупому юноше, а не старейшим эмирам. Обо всем этом узнал эмир Кемаль-ад-дин Али ибн Нисан¹⁾, жители города и его войско. Они устремились на солдат Фахр-ад-дина, часть их перебили, другие сами бросились в пропасть, а остальных забрали в плен. Один из тех, кто бросились в пропасть, протянул вперед руки, летя в воздухе, точно желаяч то-то схватить, и в его руку попала одна из веревок, спущенных при наступлении ночи, по которым никто не поднялся. Он повис на ней и спасся, единственный из всех товарищей; только с его рук была содрана веревкой кожа. Я присутствовал при этом. Утром правитель Амида бросился преследовать тех, кто действовал против него, и перебил их. Этот воин был единственным, кто спасся. Слава Тому, кто, предопределив спасение, вырвет человека из пасти льва. И это истина, а не иносказание.

30. В пасти льва

В крепости аль-Джиср²⁾ был один наш товарищ из племени Бену-Кинана³⁾, по имени Ибн аль-Ахмар. Он выехал верхом из крепости аль-Джиср, направляясь в Кафартаб⁴⁾ по своему делу. Он проехал мимо Кафарнабуза, когда оттуда проходил по дороге караван. Ехавшие с караваном увидели льва и закричали Ибн аль-Ахмару, в руке которого было блестящее копье: „Эй, обладатель молниеносного дерева! Возмись за льва!“ Устыдившись этих криков, он бросился на льва. Лошадь споткнулась, и он упал. Лев подошел и присел над ним. Но, так как Аллах пожелал спасти Ибн аль-Ахмара, лев был сыт. Он только укусил Ибн аль-Ахмара в лицо и лоб; сделал на лице рану и стал лизать кровь, присев над ним, но не причинил ему вреда. „Я открыл глаза“, рассказывал Ибн аль-Ахмар, „и увидел над собой пасть льва. Я выполз из под-него и снял с себя его лапу. Потом я ухватился за

¹⁾ Кемаль-ад-дин был везирем амидского князя и фактическим правителем города.

²⁾ Крепость аль-Джиср (мост) охраняла мост через реку аль-Аси (Оронт) у Шейзара.

³⁾ Древнее арабское племя, от которого ведут свое происхождение и мункызиты.

⁴⁾ Кафартаб — часто упоминаемая крепость между Шейзаром и аль-Мааррой.

дерево, стоявшее поблизости, и полез на него. Лев увидел это и пошел следом, но я опередил его и взобрался на дерево, а лев разлегся под ним. На меня напало от этих ран множество муравьев, так как муравьи ищут укушенных львами, как мыши ищут укушенных леопардами. Я увидел“, продолжал он, „что лев сел и вытянул уши, как бы прислушиваясь, а затем поднялся одним прыжком. Оказалось, что по дороге приближался караван, и лев как будто слышал шум от него“. Ехавшие узнали Ибн аль-Ахмара и отвезли его домой. Следы зубов льва остались у него на лбу и щеках, точно ожоги, да будет слава Хранителю!

31. Храбрость и неосмотрительность

Продолжаю рассказ: однажды мы разговаривали, вспоминая про сражения. Мой наставник, ученый шейх Абу Абдаллах Мухаммед ибн Юсуф, по прозвищу Ибн аль-Мунира¹⁾, да помилует его Аллах, внимательно слушал. „О учитель“, сказал я ему, „если бы ты сел на коня, надел казакин и шлем и опоясался бы мечом и взял бы копье и щит и если бы ты встал у площадки аль-Аси в теснине, где проходят франки, да проклянет их Аллах, ни один из них не миновал бы тебя“. „Нет“, ответил он, „клянусь Аллахом, все!“ „Но ведь они боялись бы тебя, не зная, кто ты“, возразил я. „Слава Аллаху“, сказал он в ответ, „а я-то сам себя не знаю? О Усама“, добавил он, „разумный не станет сражаться“. „Но, учитель“, воскликнул я, „ты, значит, считаешь сумасшедшими такого-то и такого-то?“ И я пересчитал ему имена доблестных героев из наших товарищей. „Я не то хотел сказать“, возразил он, „я утверждаю только, что разум отсутствует во время сражения. Если бы ум не покидал человека, он бы не стал встречать лицом удары меча, а грудью стрелы и копья. Этого ведь не может требовать разум“.

Мой наставник, да помилует его Аллах, был, однако, больше сведущ в науке, чем в военном деле. Именно разум побуждает человека устремляться против мечей, копий и стрел из отвращения к действиям труса и бесславию. Доказательством этому служит то, что героем овладевает дрожь и трепет и он меняется в лице перед тем, как выйти в сражение, потому что он раздумывает о нем и рассуждает сам с собой, что ему

¹⁾ Этот ученый, известный главным образом грамматическими трудами, был родом из Кафартаба и умер в 1109 году.

делать и какие опасности ожидают его. Душа пугается всего этого и чувствует отвращение, но лишь только он выйдет на бой и погрузится в его пучины, его дрожь, трепет и изменение в лице проходят. Во всяком деле, где не участвует разум, обнаруживаются промахи и ошибки.

Вот случай такого рода: Франки один раз обложили Хама ¹⁾, расположившись на ее полях, где были плодородные пашни. Они разбили свои палатки среди этих пашен. Из Шейзара вышла шайка разбойников и бродила вокруг войска франков с намерением украсть у них что-нибудь. Они увидели в полях палатки, и на следующее утро один из них пошел к правителю Хама ²⁾ и сказал ему: „Сегодня ночью я сожгу франкское войско“. „Если ты это сделаешь“, ответил ему правитель, „я щедро одарю тебя“. Когда наступил вечер, разбойник вышел с несколькими сообщниками. Они подожгли посевы к западу от палаток, чтобы ветер гнал пламя на них. Ночь осветилась огнем, как день. Франки увидели разбойников, устремились на них и большую часть перебили. Спаслись только те, кто бросился в воду и переплыл на другую сторону. Вот результаты глупости и ее последствия.

Я видел нечто подобное, хотя это было и не на войне. Франки обложили Банияс ³⁾ большими силами, и с войском был патриарх. Он разбил большую палатку и устроил там церковь, где франки молились. Он назначил присматривать за церковью одного старого дьякона; тот выстлал землю хальфой и тростником; развелось много блох, и дьякону пришлось в голову сжечь хальфу и тростник, чтобы сгорели блохи. Он поджег траву, которая уже высохла, языки пламени поднялись, захватили палатку и превратили ее в пепел. У этого тоже не нашлось разума.

В противоположность этому, нам случилось однажды выехать в Шейзаре на охоту. С нами был мой дядя ⁴⁾, да помилует его Аллах, и много солдат. На нас напал лев, выскочивший из тростниковых зарослей, куда мы вошли, гоняясь за рябчиками. Один солдат курд, которого звали Захр-ад-даула Бахтиар аль-Карси (он получил свое прозвище за свое неж-

¹⁾ По другим источникам это произошло в 1117 году.

²⁾ Правителем Хама в это время был неоднократно встречавшийся в воспоминаниях Усамы Шихаб-ад-дин Махмуд сын Караджи (1115—1124).

³⁾ Город в северной Палестине у истока Иордана. Около 1139 года он принадлежал атабеку Зенги, а в начале 1140 г. был осажден крестоносцами во главе с королем иерусалимским Фулько.

⁴⁾ Правитель Шейзара Изз-ад-дин Абу-ль-Асакир Султан.

ное сложение ¹⁾—бросился на льва. Он был один из мусульманских героев, да помилует его Аллах. Лев приблизился к Захр-ад-дауле, его лошадь шарахнулась и сбросила его. Лев подошел к нему, а он поднял ногу, лежа на земле. Лев схватил ногу в пасть, но мы поспешили к нашему товарищу, убили льва и освободили его невредимым. „О Захр-ад-даула“, сказали мы ему, „почему ты протянул свою ногу к пасти льва?“ Он ответил: „Мое тело, как вы знаете, слабо и худощаво, на мне надето только платье и плащ и лучше всего прикрыта моя нога—на ней надеты гетры, сандалии и высокие голенища. Я сказал себе: „Я отвлеку его этим от ребер, рук или головы, пока Аллах великий не пошлет облегчения“. Разум не покинул этого человека даже в таком положении, когда он обыкновенно исчезает, а у тех других разума не оказалось. Человек нуждается в разуме больше, чем во всем другом, и разум одинаково похвальное качество и в умном и в глупом.

32. Благоразумное правление

Примером этого является такой случай. Рожер, властитель Антиохии ²⁾, написал моему дяде следующее: „Я послал одного из своих рыцарей в Иерусалим по важному делу, прошу тебя, пошли своих всадников встретить его у Апаimei и проводить до Рафании“ ³⁾. Мой дядя выехал сам и послал привести его к себе. Рыцарь, встретившись с ним, сказал ему: „Мой господин послал меня по делу, которое должно остаться в тайне, но я заметил, что ты человек умный, и расскажу тебе о нем“. „Откуда ты узнал, что я умный человек, когда ты не видел меня до этой минуты?“—спросил его дядя. „Я оттого узнал это“, ответил рыцарь, „что во всех областях, где я проходил, я видел разорение, а в твоей области процветание. Я понял, что только твой ум и надзор содействовали ее процветанию“. После этого он рассказал ему, по какому делу ехал. Эмир Фадл ибн Абу-ль-Хайджа, правитель Ирбиля ⁴⁾, рассказал мне следующее: „Мой отец Абу-ль-Хайджа рассказывал мне, что султан Мелик Шах ⁵⁾, как только прибыл

¹⁾ Захр-ад-даула значит „цветок династии“.

²⁾ Рожер был князем Антиохии в 1112—1119 г.

³⁾ Дорога от Апаimei до Рафании проходила мусульманскими владениями.

⁴⁾ Ирбиль—укрепленный город в Месопотамии, в двух днях пути к югу от Мосула. Усама был там, вероятно, во время походов с войском атабека Зенги около 1132 г.

⁵⁾ „Великий сельджук“, правивший в Исфагани (1071—1092).

в Сирию ¹⁾, послал его к эмиру Ибн Мервану, правителю Диярбекра, передать ему: „Я требую тридцать тысяч динаров“. „Я встретился с ним“, рассказывал Абу-ль-Хайджа, и изложил ему послание“. „Сначала отдохни“, сказал он мне, „а потом поговорим“. На утро он приказал свести меня в баню и прислал принадлежности для бани, все из серебра. Он прислал мне также перемену платья и принесшие сказали моему баньщику: „Все эти принадлежности—ваши“. Когда я вышел из бани, я надел свое платье и вернул Ибн Мервану одежду и все остальные вещи. Он оставил меня на несколько дней, а потом велел приготовить для меня баню, не рассердившись за возвращение вещей. Со мной принесли в баню все приборы для бани, еще лучше первых, и перемену платья, которая была лучше предыдущей. И баньщик Ибн Мервана сказал моему баньщику то же самое, что говорил прежде. Я вышел из бани, надел свою одежду и возвратил ему принадлежности и платье. Он оставил меня дня на три, на четыре, а затем снова велел свести меня в баню и со мной отнесли туда серебряные принадлежности лучше предыдущих и перемену платья лучше прежней. Но я вышел из бани, надел свое платье и вернул все Ибн Мервану. Когда я явился к эмиру, он сказал мне: „О, сын мой, я послал тебе одежду, которой ты не надел, принадлежности для бани, которые ты не принял и возвратил, что за причина этому?“ „О, господин мой“, ответил я, „я пришел с поручением султана по делу, которое еще не закончено. Что же, я возьму, что ты мне пожаловал, и вернусь, а дело султана останется незаконченным? Выйдет, как будто я пришел только по своей нужде!“ „О, сын мой“, отвечал эмир, „разве ты не заметил в каком цветущем состоянии моя область, как многочисленны ее богатства и сады и как благоустроены ее селения? Разве ты можешь думать, что я погублю все это из-за тридцати тысяч динаров? Клянусь Аллахом, я уложил золото в мешки в самый день твоего прибытия. Я ожидал только, чтобы султан проехал мимо моей области, и ты мог догнать его с деньгами, так как я боялся, что если я представлю ему то, что он требовал, он потребует от меня вдвое больше, когда приблизится к моей области. Не тревожь же своего сердца, так как твое дело уже исполнено“. После этого эмир прислал мне три перемены платья, которые я трижды возвращал ему, когда он присылал мне их вместе со всей утварью для бани, которую он прислал мне в первые три раза. Я принял все это и, когда султан проехал через

¹⁾ В 1086 г.

Диярбекр, эмир дал мне деньги, а я увез их и догнал с ними султана“.

В хорошем управлении большая польза для благосостояния страны. Это видно из следующего случая. Атабек Зенги, да помилует его Аллах, сватался к дочери правителя Хилята ¹⁾; ее отец умер, и мать управляла областью ²⁾. Хусам-ад-даула ибн Дильмадж тоже послал к ней сватов для своего сына, правителя Бадлиса ³⁾. Атабек, с отличными войсками, направился к Хиляту, избегая проезжих дорог, чтобы обойти Бадлис. Во время пути, он проходил через горы, и мы делали привал, не разбивая палаток, а каждый выбирал себе место на дороге. Наконец, мы достигли Хилята, и атабек расположился лагерем вокруг города. Мы вошли в крепость Хилята и подписали договор о приданом невесты. Как только дело было решено, атабек приказал Салах-ад-дину ⁴⁾ взять большую часть войска и идти осаждать Бадлис. Мы вышли с наступлением ночи, а утром были у Бадлиса. Хусам-ад-даула, правитель Бадлиса, вышел и встретил нас на расстоянии от города. Он поместил Салах-ад-дина на площади и оказал ему отличный прием. Он выразил готовность служить ему и пил с ним на площади. „О, господин мой“, сказал он, „что ты мне прикажешь? Ты ведь недаром удалился от своих и затруднил себя походом“. Салах-ад-дин ответил: „Атабек гневается за то, что ты посватался к девушке, которую он хотел взять в жены. Ты обещал ее родным десять тысяч динаров, и мы хотим получить их от тебя“. „Слушаю и повинуюсь“, ответил Хусам-ад-даула. Он тотчас же доставил ему часть денег и попросил отсрочку уплаты остальных до назначенного им дня, и после этого мы возвратились обратно. Его область была в цветущем состоянии от хорошего управления, и он не испытывал никакого вреда.

Это похоже на то, что случилось с Наджм-ад-Даулой Маликом ибн Салимом ⁵⁾, да помилует его Аллах. Жоселен ⁶⁾ напал на ар-Ракку и на „Крепость“ ⁷⁾ и занял местности, расположенные вокруг. Он захватил пленных и угнал большие

¹⁾ Город Хилят, расположенный на северо-западном берегу озера Ван, был в эту эпоху столицей Армении.

²⁾ Событие относится к 1134 году.

³⁾ Бадлис (Битлис)—город в Армении около Хилята.

⁴⁾ Имеется в виду Салах-ад-дин аль-Ягисьяни, наместник атабека Зенги в Хама.

⁵⁾ Владелец крепости Джа'бар на верхнем течении Евфрата, между Бадлисом и ар-Раккой, наследовавший своему отцу в 1125 году.

⁶⁾ Вероятно, Жоселен I, граф Эдесский (1118—1131).

⁷⁾ Сокращение обычного названия „крепость Джа'бара“.

стада, и расположился напротив крепости, от которой его отделял Евфрат. Наджм-ад-даула сел в лодку вместе с тремя-четырьмя слугами и переехал к Жоселену через Евфрат. Между ними была давнишняя дружба, и Жоселен был многим обязан Малику. Жоселен подумал, что в лодке едет гонец от Малика, но один из франков подошел к нему и сказал: „Это сам Малик сидит в лодке“. „Это неверно!“ — воскликнул Жоселен, но к нему подошел другой солдат и сказал: „Малик вышел из лодки. Он прошел мимо меня и идет сюда“. Тогда Жоселен встал и вышел Малику навстречу. Он оказал ему почет и возвратил все захваченные стада и пленных. И если бы не попечение Наджм-ад-даулы, его область была бы опустошена.

33. От судьбы не уйдешь

Когда пройдет назначенное время, не будет пользы ни от доблести, ни от силы. Однажды я был свидетелем того, как войско франков пришло к нам, чтобы сразиться. Часть из нас вместе с атабеком Тугтегином¹⁾ направилась к крепости аль-Джиср²⁾, чтобы осадить ее. Атабек и Ильгази ибн Ортук³⁾ соединились с франками из Апаimei, чтобы воевать с войсками Султана⁴⁾. Главнокомандующий Бурсук ибн Бурсук⁵⁾ пришел с этими войсками в Сирию и остановился в Хама в воскресенье девятнадцатого Мухаррема пятьсот девятого года⁶⁾. Мы же сражались близ стен города с франками и, одержав над ними победу, отогнали их. С уходом франков мы успокоились. Я видел во время боя одного из наших товарищей, которого звали Мухаммед ибн Серайя. Это был юноша, отличавшийся большой силой. На него напал франкский всадник, да проклянет его Аллах, и ударил копьем в бедро, так что копье проникло насквозь. Мухаммед схватил его рукой, когда оно оказалось в бедре, но франк начал тянуть, чтобы захватить обратно. Мухаммед тоже тащил, не выпуская его из рук. Копье вертелось в бедре Мухаммеда, пока не пробуравило его. Копье вытащили только тогда, как бедро погибло, и Му-

¹⁾ Тугтегин, дамаский атабек (1104—1128) из династии буридов.

²⁾ Крепость охраняла мост через аль-Аси (Оронт).

³⁾ Ортукид Наджм-ад-дин Ильгази, правитель Мардина в верхней Месопотамии (1108—1122).

⁴⁾ Сельджукид Мухаммед Шах, султан Исфаханский (1105—1118).

⁵⁾ Эмир Хамадана Бурсук был назначен главнокомандующим войсками Султана в 1115 году.

⁶⁾ 14 июня 1115 года.

хаммед через два дня умер, да помилует его Аллах. Я видел в этот день, находясь на одном из флангов нашего войска во время боя, как один рыцарь напал на нашего всадника. Он ударил копьем его лошадь и убил ее, так что наш товарищ оказался на земле пешим. Я не знал, кто это такой, из-за дальности расстояния между нами. Я направил к нему свою лошадь, боясь за него из-за франка, который его ударил. Копье пронзило лошадь нашего товарища, и она лежала мертвой с вывалившимися кишками. Франк же отъехал от него на некоторое расстояние, обнажил меч и стоял против него. Когда я приблизился к нашему всаднику, то увидел, что это сын моего дяди Насир-ад-даула Камиль ибн Мукаллад, да помилует его Аллах. Я остановился около него, вынул ногу из стремени и сказал ему: „Садись!“ Когда он сел, я повернул голову своей лошади на запад, хотя город находился от нас к востоку. „Куда ты едешь?“ спросил мой брат. „К тому, кто ударил копьем твою лошадь и ранил ее между ребрами“, ответил я. Насир протянул руку, схватил поводья лошади и воскликнул: „Тебе нельзя сражаться, когда на твоей лошади сидит еще один человек! Когда отвезешь меня в город, ты вернешься и сразишься с ним.“ Я повернул назад, доставил Насира к своим и вернулся к этой собаке, но он уже вошел в ряды войска.

34. Помощь Аллаха

Я был свидетелем такого проявления милости Аллаха и его благого попечения. Однажды франки, да проклянет их Аллах, расположились против нас с конницей и пехотой¹⁾, так что их отделяла от нас река аль-Аси. Вода в ней поднялась на большую высоту—франки не могли переправиться к нам, и мы не были в состоянии переправиться к ним. Франки разбили свои палатки на горах, а часть их отправилась к садам, расположенным в стороне. Там они пустили своих лошадей на скошенное поле, а сами легли спать. Молодые пехотинцы из Шейзара сняли доспехи и, сбросив одежду, взяли мечи, переплыли к спящим франкам и перебили часть их. Остальные франки в большем числе бросились на наших товарищей, но те кинулись в воду и переплыли обратно, а франкское войско спустилось с горы, точно поток. Около них была мечеть, которую называли мечетью Абу-ль Меджда ибн Сумайи. В ней был человек по имени Хасан Аскет. Он стоял на крыше

¹⁾ Имеются в виду события, вероятно, того же 1115 года.

и усердно молился в мечети; на нем была черная шерстяная одежда. Мы его видели, но у нас не было к нему пути. Франки подехали к мечети, сошли с коней у ее ворот и поднялись к нему. Мы все говорили: „Нет мощи и нет силы, кроме как у Аллаха! Они сейчас убьют его!“ Но, клянусь Аллахом, он не прервал своей молитвы и не двинулся с места. Франки спустились на землю, сели на коней и уехали, а он все стоял на месте и молился. Мы не сомневались, что Аллах, да будет ему слава, ослепил их и скрыл его от их взоров. Слава всемогущему милосердному!

Вот еще пример милости великого Аллаха: Когда царь румов¹⁾ осадил Шейзар в пятьсот тридцать втором году²⁾, из Шейзара вышло несколько пехотинцев, чтобы сразиться с ними. Румы разбили их и часть перебили, а часть взяли в плен. В числе пленников был один аскет из Бену-Кардус, очень добродетельный человек из вольноотпущенников Махмуда ибн Салаха, правителя Алеппо³⁾. Когда румы вернулись, они увели его с собой в плен, и он прибыл таким образом в Константинополь. Однажды его встретил там один человек и спросил: „Ты Ибн Кардус?“ „Да“, ответил он. „Иди со мной“, сказал человек, „приведи меня к твоему господину“. Он пошел с ним и представил его хозяину. Незнакомец стал его спрашивать о цене Ибн Кардуса, и они сошлись на сумме, удовлетворившей рума. Незнакомец заплатил деньги и дал Ибн Кардусу еще некоторую сумму на расходы и сказал: „С этим ты доберешься до своих. Отправляйся и положишься на великого Аллаха“. Ибн Кардус вышел из Константинополя и отправился в путь, пока не вернулся обратно в Шейзар. Этот пример освобождения, ниспосланного великим Аллахом и его скрытой милости. Ибн Кардус так и не знал, кто купил и освободил его.

Нечто подобное случилось уже со мной, когда франки напали на нас по дороге из Мисра⁴⁾ и убили Аббаса ибн Абу-ль-Футуха и его старшего сына Насра⁵⁾. Мы спаслись бегством на гору, находившуюся по близости, и наши люди влезли на нее, спешившись и таща лошадей за собой. Я сидел на кляче и не мог итти. Я стал взбираться на гору, сидя на лошади; склоны горы были покрыты впадинами и острыми камешками, и каждый раз, когда лошадь на них наступала, они осыпались у нее под копытами. Я ударил клячу, чтобы

¹⁾ Иоанн Комнен (1118—1143).

²⁾ 1138 г. по Р. Хр.

³⁾ Махмуд из династии Мирдасидов, умер в 1076 г.

⁴⁾ Сражение, о котором Усама рассказывал в начале воспоминаний, произошло во время его переезда из Египта 7 Июня 1154 г.

⁵⁾ Наср был не убит, а взят в плен, как это указано в соответствующем месте.

заставить ее подниматься, но она не могла и сползла вниз, увлекая за собой камни. Я сошел с нее и дал ей отдохнуть, а сам стоял на месте, так как не мог итти. Один из солдат спустился ко мне с горы, и, схватив меня за руку, втащил наверх, а я тянул свою клячу другой рукой. Клянусь Аллахом, я не знал, кто это такой, и никогда больше его не видел.

В это тяжелое время искали награды за малейшее благодеяние и требовали за все возмещения. Я как-то выпил у одного турка глоток воды и дал ему за это два динара. После нашего прибытия в Дамаск, турок не переставал заявлять мне о своих нуждах и добивался своих целей, благодаря глотку воды, тогда как тот, кто помог мне, был точно ангел, которого великий Аллах, смилостившись надо мной, послал мне на помощь.

Вот еще пример милости великого Аллаха, о котором рассказал мне Абдуллах „надсмотрщик“: „Однажды я был заключен в тюрьму в Хейзане¹⁾. Меня заковали в цепи и всячески притесняли, а у дверей тюрьмы были поставлены сторожа. Я увидел во сне пророка, да благословит его Аллах и да приветствует, который сказал мне: „Разорви цепь и выходи“. Я проснулся, дернул за цепь, и она упала с моей ноги. Я встал и пошел к двери, желая открыть ее, но увидел, что она уже открыта. Я прошел мимо сторожей к расщелине в стене и думал, что не смогу просунуть через нее свою руку, однако, пролез через нее и упал на кучу навоза, на которой остались следы моего падения и моих ног. Я спустился в долину, окружавшую стены, и вошел в пещеру на склоне горы с той же стороны. Я говорил себе: „Сейчас они выйдут, увидят следы и схватят меня“. Но Аллах, да будет ему слава, послал снег, который покрыл эти следы. Сторожа вышли и ходили вокруг меня целый день, и я их видел. Когда наступил вечер и я перестал опасаться погони, я вышел из пещеры и отправился в безопасное место“. Этот человек был надсмотрщик на кухне Салах-ад-дина Мухаммеда ибн Айюба аль Ягисьяни²⁾, да помилует его Аллах.

35. Борцы за веру и верность

Есть люди, которые сражаются как сподвижники пророка, да будет доволен ими Аллах, ради рая, а не ради прибыли

¹⁾ Город в Армении около Ширвана.

²⁾ Наместник атабека Зенги в Хама (с 1135 года).

или славы. Примером этого может служить следующее: Когда франкский король аламанов¹⁾, да проклянет его Аллах, прибыл в Сирию, к нему присоединились все франки, которые были в Сирии, и он двинулся на Дамаск²⁾. Войска и жители Дамаска выступили сразиться с ним. В числе их был законовед Аль-Финдаляви и старец аскет Абдуррахман Аль-Хильхули, да помилует их обоих Аллах. Оба они были из лучших мусульман. Когда они приблизились к франкам, законовед сказал Абдуррахману: „Не румы ли это?“ „Конечно³⁾“, ответил он. „До каких же пор мы будем стоять на месте?“ спросил законовед. Абдуррахман воскликнул: „Иди во имя великого Аллаха!“ Они выступили вперед и сражались, пока их обоих не убили в одном и том же месте, да помилует их обоих Аллах.

Некоторые же люди сражаются из верности. Вот один такой пример: среди наших солдат был один курд, по прозвищу Фарис⁴⁾, а он был не только по имени всадник, да еще какой всадник! Мой отец и дядя, да помилует их обоих Аллах, участвовали однажды в стычке с Сайф-ад-даулой Халяфом ибн Муля'ибом⁵⁾, который тогда дурно поступил с ними и предал их. Он собрал и снарядил войско, а они совсем не были подготовлены к тому, что произошло. Причиной этого было то, что он прислал гонца передать им: „Пойдем в Асфуна⁶⁾! Там есть франки, и мы заберем их в плен“. Наши товарищи прибыли туда раньше него, сошли с коней, направились к крепости и сделали под нее подкоп. Пока они сражались, прибыл Ибн Муля'иб и забрал лошадей тех из наших товарищей, которые спешили. Между ними и Ибн Муля'ибом началось сражение, после того как кончился бой с франками. Оно становилось все ожесточеннее, и Фарис курд бился с особенной храбростью. Он был ранен несколько раз, но не переставал сражаться и получал все новые раны, пока не был ими усеян. По окончании боя, мой отец и дядя, да помилует их обоих Аллах, проходили мимо Фариса, которого несли солдаты. Они остановились над ним и пожелали ему здоровья. „Клянусь Аллахом“, сказал Фарис, „я сражался не

¹⁾ Германский король Конрад III, участник неудавшегося 2-го Крестового похода (1147—1149).

²⁾ В июле 1148 г.

³⁾ Настоящих „румов“, т. е. византийцев, в этой коалиции не было; ученый, вероятно, не отличал их от „франков“, т. е. европейцев.

⁴⁾ Арабское „фарис“ значит всадник, рыцарь.

⁵⁾ Временный правитель Апаimei, убитый в 1106 году.

⁶⁾ Асфуна—укрепленный город около аль-Маарры, к западу от Кафартаба.

ради здоровья! Вы сделали мне много добра и благодеяний, и я никогда не видел вас в такой опасности, как сегодня. Я¹⁾ сказал себе: „Буду сражаться впереди вас, чтобы отблагодарить вас за ваши благодеяния, и буду убит перед вами“. Аллах, да будет ему слава, предопределил ему выздороветь от этих ран. Он отправился в Джабаля¹⁾, где находился Фахр-аль-мульк ибн Аммар²⁾, а франки были в Ладикии³⁾. Несколько всадников из конницы Фахр-аль-мулька выступили из Джабаля в Ладикию, а всадники Ладикии выступили оттуда, желая сделать набег на Джабаля. Оба отряда расположились на дороге, и между ними был пригорок. Один франкский всадник поднялся на пригорок со стороны их расположения, чтобы осмотреть местность. Фарис курд взлез с другой стороны, чтобы сделать разведку для своих товарищей. Оба всадника встретились на гребне холма и бросились друг на друга. Они одновременно ударили один другого копьями и оба упали мертвые. Лошади продолжали бросаться друг на друга на холме, хотя оба всадника были убиты.

В нашем войске был сын этого Фариса по имени Алян. У него была прекрасная лошадь и отличные доспехи, но он не был похож на своего отца. Однажды на нас напал Танкред, властитель Антиохии, и вступил с нами в бой еще прежде, чем разбил палатки⁴⁾. Этот Алян сидел на хорошей сивой лошади, на одной из лучших лошадей. Он стоял на пригорке, когда один франкский рыцарь напал на него, а он как бы не обратил на это внимания. Франк ударил его лошадь копьем в шею и проткнул ее. Лошадь поднялась на дыбы и сбросила Аляна. Рыцарь возвратился, а рядом с ним шла лошадь, у которой в шее торчало копье, и казалось, будто она идет сбоку, гордясь своей прекрасной добычей.

36. Случаи с лошадьми

Если уже упоминать о лошадях, то между ними есть терпеливые, как среди людей, а есть и слабые. В нашем войске, например, был один курд по имени Камиль-аль-Маштуб, человек доблестный, благочестивый и достойный, да поми-

¹⁾ Приморский город к югу от Ладикии.

²⁾ Бывший эмир Триполи; после взятия этого города крестоносцами (в 1109 г.) одно время вел борьбу с ними из Джабаля.

³⁾ Ладикия одно время принадлежала мункызитам, но с 1108 года окончательно перешла к Антиохийскому княжеству.

⁴⁾ Речь идет, повидимому, о событиях весной 1110 года.

лует его Аллах. У него была черная, стойкая, как верблюд, лошадь. Как-то он столкнулся в бою с франкским рыцарем, и тот ударил его лошадь в шейные связки. Шея лошади свернулась на сторону от силы удара, и копье, пройдя через основание шеи, пронзило бедро Камиля-аль-Маштуба и вышло с другой стороны. Но ни лошадь, ни ее всадник не пошатнулись от этого удара. Я видел рану на бедре Камиля после того, как она затянулась и зажила. Эта рана казалась больше всех, какие только бывают. Лошадь Камиля выздоровела, и он снова участвовал на ней в боях. Он встретился однажды в сражении с франкским рыцарем, и тот ударил его лошадь в лоб и пронзил его. Но лошадь не покачнулась и уцелела и от второй раны. Когда рана затянулась и кто-нибудь накладывал ладонь руки на лоб лошади, где была рана, ладонь оказывалась одинаковой ширины с этой раной. Вот удивительный случай, происшедший с этой лошадью. Мой брат Изз-ад-даула Абу-ль-Хасан Али ¹⁾, да помилует его Аллах, купил ее у Камиля-аль-Маштуба. Она стала тяжелой на бегу, и он отдал ее, как залог дружбы, которая была у нас с одним франкским рыцарем из Кафартаба ²⁾. Лошадь пробыла у него год и умерла. Тогда он прислал к нам требовать ее стоимости. „Ты купил эту лошадь, ездил на ней, и она умерла у тебя“, сказали мы, „как же ты требуешь за нее плату?“ „Вы напоили ее чем-то, и она умерла от этого через год“, ответил нам франк. Мы удивились его глупости и ограниченности его ума.

Однажды подо мной была ранена лошадь у Хомса ³⁾. Удар пронзил ей сердце, и в нее попало множество стрел. Она вынесла меня с поля сражения, хотя кровь шла у нее из ноздрей, как из сита, а я ничего не подозревал. Лошадь довезла меня до моих товарищей и пала.

Другая лошадь получила подо мной три раны у Шейзара во время войны с Махмудом ибн Караджей. Я продолжал сражаться на ней и, клянусь Аллахом, не знал, что она ранена, так как ничего особенного в ней не заметил.

Что касается слабости лошадей и чувствительности их к ранам, то вот пример этому. Войско Дамаска однажды обложило Хама. Этот город принадлежал тогда Салах-ад-дину ибн Айюбу аль-Ягисьяни, а Дамаск Шихаб-ад-дину Махмуду ибн Бури ибн Туттегину. Я был в Хама, когда враги подошли к

нему с большими силами. Правителем Хама был Шихаб-ад-дин Ахмед, сын Салах-ад-дина; он находился тогда на Телль Муджахид. Хаджиб Гази ат-Тули приехал к нему и сказал: „Пехота врагов уже развернулась, а шлемы блестят среди палаток. Они сейчас двинутся на наших людей и погубят их“. „Отправляйся, отбей их“, сказал Шихаб-ад-дин. „Клянусь Аллахом“, ответил хаджиб, „никто не сможет их отбить, кроме тебя или такого-то“. Он указывал на меня. Шихаб-ад-дин сказал мне. „Ты выйдешь и прогонишь их“. Я снял с одного из моих слуг кольчугу, которая была на нем, и надел ее. Затем я вышел и воротил сперва наших людей палицей. Подо мной была светло-гнедая лошадь, одна из самых породистых и рослых. Когда я воротил людей, враги уже двинулись на нас, и ни один всадник, кроме меня, не оставался вне стен Хама. Некоторые из них вошли в город, уверенные, что иначе их захватят в плен; другие в моем отряде сошли с лошадей. Когда враги напали на нас, я осаживал лошадь назад, повернувшись лицом к ним. Когда они отступили, я следовал за ними медленно от тесноты пространства и скопления людей. В ногу моей лошади попала стрела и пронзила ее. Лошадь упала вместе со мной, поднялась и снова упала. Я стал так сильно бить ее, что солдаты моего отряда сказали мне: „Войди в бастيون, сядь на другую лошадь“. „Клянусь Аллахом“, воскликнул я, „я не сойду с нее“. Я видел у этой лошади такую слабость, какой еще не видел ни у одной.

Вот пример выносливости лошадей: Тирад-ибн-Вухейб нумейрит участвовал в сражении племени Бену-Нумейр. Они убили Шамс-ад-даулу Салима ибн Малика, правителя ар-Ракки, и овладели городом ¹⁾. Бой шел между ними и его братом Шихаб-ад-дином Маликом ибн Шамс-ад-даулой ²⁾. Под Тирадом ибн Вухейбом была породистая лошадь большой ценности. Она получила рану в бок, и кишки у нее вывалились. Тирад завязал их ремнем, чтобы лошадь не наступила на них и не разорвала и продолжал сражаться до конца боя. Лошадь вернулась с ним в ар-Ракку и там пала.

37. Готовность к бою

Продолжаю. Упоминание о лошадях напомнило мне то, что случилось у меня с Салах-ад-дином Мухаммедом ибн Айюбом

¹⁾ Старший брат Усамы, покинувший вместе с ним Шейзар и умерший в Газзе в 1152 году.

²⁾ Укрепленный город между Шейзаром и аль-Мааррой.

³⁾ Вероятно, во время войны между мункызитами и сыновьями Караджи, правителями Хомса и Хама (ок. 1115—1124 г.).

¹⁾ Событие относится к 1125-1128 г.

²⁾ Правитель крепости Джа'бар на верхнем течении Евфрата.

аль-Ягисьяни, да помилует его Аллах. А именно, царь эмиров атабек Зенги, да помилует его Аллах, расположился напротив Дамаска в пятьсот тридцатом году¹⁾ в области Дарайя²⁾. Властитель Баальбека Джемаль-ад-дин Мухаммед ибн Бури ибн Тугтегин³⁾, да помилует его Аллах, прислал к нему гонца с извещением, что он идет к нему. Он выступил из Баальбека, чтобы идти в распоряжение атабека Зенги. До того дошли сведения, что войска Дамаска выступили из города, желая захватить Джемаль-ад-дина. Атабек приказал Салах-ад-дину, чтобы мы поехали навстречу Джемаль-ад-дину и отразили от него дамаскинцев. Посланный Салах-ад-дина пришел ко мне ночью и передал от него: „Садись на коня.“ Моя палатка была рядом с палаткой Салах-ад-дина. Он уже сел на коня и стоял у своей палатки. Я сейчас же вскочил на лошадь. „Ты знал о том, что я сел на лошадь?“ спросил Салах-ад-дин. „Нет, клянусь Аллахом“, отвечал я. „Как только я послал к тебе“, продолжал он, „ты сейчас же сел на лошадь“. „О, господин мой“, сказал я, „мой конь ест свой ячмень, а стремянный взнуздывает его и садится у входа в палатку, держа за поводья, а я надеваю доспехи, опоясываюсь мечом и так ложусь спать. Когда ко мне пришел твой посланный, ничто меня уже не задерживало“. Салах-ад-дин стоял на месте, пока к нему не присоединилась часть войска. „Наденьте оружие“, сказал он. Большинство присутствующих были уже одеты, а я стоял рядом с ним. „Сколько раз буду я говорить: наденьте оружие!“ закричал Салах-ад-дин. „О, господин мой“, сказал я, „не меня ли ты имеешь в виду?“ „Тебя“, ответил Салах-ад-дин. „Клянусь Аллахом, я не могу надеть доспехов“, отвечал я, „теперь только начало ночи, а в моем казакине две кольчуги, положенные одна на другую. Когда я увижу врага, я надену казакин“. Салах-ад-дин умолк, и мы двинулись в путь. Утром мы были у Думаира⁴⁾. „Что же ты не сойдешь с коня и не поешь немного“, спросил Салах-ад-дин, „ты ведь проголодался от того, что не спал ночь“. „Прикажи только“, ответил я. Мы спешили, но еще не расположились на земле, как Салах-ад-дин спросил: „Где твой казакин?“ Я приказал слуге принести его и вытащил его из мешка. Я вынул нож, раскрыл казакин на груди и показал край кольчуги. В его нижней части была франкская кольчуга, а над ней, до сере-

¹⁾ Осада Дамаска атабеком Зенги относится к 532 г. (1137-1138 по Р. Хр.).

²⁾ Дарайя — селение в четырех милях от Дамаска.

³⁾ Брат дамасского атабека Шихаб-ад-дина Махмуда, враждовавший с ним.

⁴⁾ Местность около самого Дамаска.

дины его, другая, у каждой из них была подкладка, шерсть и заячий мех. Салах-ад-дин обернулся к своему слуге и сказал ему что-то по-турецки, и я не понял, что он говорит. Слуга привел к нему гнедого коня, похожего на массивную скалу, высеченную из вершины горы, которого подарил ему атабек в это время. Салах-ад-дин сказал: „эта лошадь подходит к этому казакину, дай ее слуге такого-то“, и слуга Салах-ад-дина передал ее моему слуге.

38. Присутствие духа и храбрость Усамы

Я продолжаю. Мой дядя Изз-ад-дин, да помилует его Аллах, требовал от меня присутствия духа в бою и испытывал меня вопросами. Однажды мы участвовали в одной из войн с правителем Хама¹⁾. Он снарядил и собрал войско, расположился в одной из деревень в области Шейзара и стал поджигать и грабить. Мой дядя выбрал из войска около шестидесяти-семидесяти всадников и сказал мне: „Возьми их и иди к врагам“. Мы поскакали к ним и встретились с их конными разведчиками. Мы обратили их в бегство, и разбили их, и выбили из того места, которое они заняли. Я послал одного из наших всадников к дяде и отцу, да помилует их обоих Аллах. Они стояли на месте с остальным войском и множеством пехоты. Я велел гонцу сказать им: „Идите с пехотой, я уже разбил их“. Они двинулись ко мне и когда приблизились, мы бросились на врагов и разбили их. Они бросились со своими лошадьми в Шаруф²⁾ и переправились через него вплавь, хотя вода была высока. Они ушли, а мы вернулись с победой. Мой дядя сказал мне: „Что ты прислал мне передать?“ „Я велел сказать тебе“, ответил я, „чтобы ты двинулся с пехотой, так как мы их разбили“. „С кем ты прислал ко мне это известие?“ продолжал дядя. Я ответил: „С рабом Реджебом“. „Верно“, сказал дядя, „я вижу, что ты сохранил присутствие духа и что сражение тебя не испугало“.

В другой раз мы сражались с войсками Хама, и Махмуд ибн Караджа призвал на помощь, чтобы сразиться с нами, войска своего брата Хирхана ибн Караджи, властителя Хомса. В это время у них появился обычай носить составные копьа, прикрепляя одно к другому, так что длина их доходила до двадцати или восемнадцати локтей. Передо мной остановился

¹⁾ Шихаб-ад-дин Махмуд сын Караджи (1115-1124).

²⁾ Один из притоков аль-Аси (Оронта).

один их отряд, а я был во главе отряда из пятнадцати всадников. На нас бросился из их рядов Ульван Иракский, один из их доблестных героев. Когда он приблизился к нам, мы не тронулись с места, он возвратился, таща копьё за собой. Я увидел, что копьё волочилось по земле, точно канат, и он не мог его приподнять. Я пустил на Ульвана свою лошадь и ударил его копьём, а он уже доехал к своим товарищам, и их знамена развевались над моей головой. Тут подоспели мои товарищи, среди которых был мой брат Беха-ад-даула Мункыз, да помилует его Аллах, и обратили их в бегство. Половина моего копья сломалась в казакине Ульвана. Мы были вблизи от моего дяди, который меня видел, и когда бой кончился, он спросил: „Куда ты ударил Ульвана Иракского?“ „Я метил ему в спину“,—ответил я, „но ветер отклонил мое копьё, и оно попало ему в бок“. „Верно“, сказал дядя, „ты не потерял присутствия духа в это время“.

Мой отец, да помилует его Аллах, никогда не удерживал меня от сражения и опасных предприятий, несмотря на то, что он ценил меня, и я видел его, когда у нас в Шейзаре были франкские и армянские рыцари заложниками за франкского короля Балдуина¹⁾, который должен был заплатить выкуп Хусам-ад-дину Тимурташу сыну Ильгази²⁾, да помилует его Аллах. Когда они уплатили все сполна и собирались вернуться в свою страну, Хирхан правитель Хомса³⁾ выслал против них своих всадников, устроивших засаду около Шейзара. Когда заложники направились в путь, эти всадники бросились на них и захватили. Поднялся крик, и мой отец и дядя, да помилует их обоих Аллах, сели на коней и стали на месте. Всякого, кто под'езжал к ним, они посылали за этими всадниками. Под'ехал и я, и отец сказал мне: „Поезжай за ними со своими людьми, бросьтесь на них и освободите наших заложников“. Я поехал вслед за всадниками и нагнал их после того, как проскакал большую часть дня. Я освободил тех кого они захватили в плен, и сам забрал нескольких всадников из Хомса. Я восторгался словами моего отца: „Бросьтесь на этих всадников“. Раз я был с ним, да помилует его Аллах, когда он стоял в одной из комнат своего дома. Вдруг громадная змея спустила голову со сводчатого потолка галереи, бывшей в доме. Отец стоял и смотрел на нее. Я же принес лестницу, бывшую рядом с домом, поставил ее под змеей и

¹⁾ Балдуин II, король Иерусалимский (1118-1131).

²⁾ Тимурташ, сын и преемник Ильгази, мардинский ортукид (1122-1152).

³⁾ Хирхан сын Караджи, брат правителя Хама.

стал взбираться к ней. Мой отец видел это, но не удерживал меня. Я вытащил из-за пояса маленький нож и опустил его на шею змеи, которая спала. Между моим лицом и головой змеи было меньше локтя. Я стал пилить ей голову, а она высунулась вся и обвилась вокруг моей руки. Наконец, я отрезал ей голову и бросил ее в комнату мертвой.

Но я видел его, да помилует его Аллах, также тогда, когда мы вышли на охоту на льва, который появился около крепости аль-Джиср. Когда мы приехали туда, он бросился на нас из чащи, где прятался. Сначала лев устремился на лошадь, а потом остановился; я и мой брат Беха-ад-даула Мункыз, да помилует его Аллах, стояли между львом и отрядом, где были мой отец и дядя, да помилует их обоих Аллах. С нами было много солдат. Лев лежал на краю реки, бил грудью о землю и рычал. Я бросился на него, но отец закричал мне: „Не приближайся к нему, сумасшедший, он схватит тебя!“ Но я ударил его копьём, и, клянусь Аллахом, он не двинулся с места и тут же умер. Я не видел, чтобы отец удерживал меня от боя когда-нибудь, кроме этого раза. Аллах великий и славный создал своих тварей разнообразными по характеру и по природе: он создал белых и черных, красивых и безобразных, высоких и низких, сильных и слабых, храбрых и трусливых, согласно со своей мудростью и всеобъемлющей мощью.

39. Судьба

Я видел одного юного туркмена из детей эмиров, бывших на службе у царя эмиров атабека Зенги, да помилует его Аллах. Этого юношу поразила стрела, но не вошла в кожу и на глубину ячменного зернышка. Он сделался вялым, его члены расслабили, он лишился речи, и рассудок словно покинул его. А это был человек, подобный льву, самый крупный среди людей. К нему привели врача и хирурга. Врач сказал: „Для него нет никакой опасности, но когда он будет ранен вторично, он умрет“. Этот туркмен оправился и стал двигаться и ездить верхом, как прежде, но через некоторое время его поразила другая стрела, нанесла ему еще более легкую и безвредную рану, но он умер.

Я видел нечто похожее на это: у нас в Шейзаре были два брата, которых звали Бану-Маджаджу. Имя одного было Абу-ль-Маджд, а другого звали Мухасин. Они арендовали мельницу на мосту за восемьсот динаров. Около мельницы была бойня для баранов, которых били городские мясники, а

следы крови убитых животных привлекали ос. Однажды Мухасин проходил на мельницу и был ужален осой; у него сделался паралич одной половины тела, он лишился речи и был близок к смерти. Он оставался в таком положении некоторое время, затем оправился и долго не ходил на мельницу. Его брат Абу-ль-Маджд бранил его и сказал: „О, брат мой, мы оба наняли эту мельницу за восемьсот динаров, а ты не заходишь на нее и не желаешь взглянуть. Завтра мы не сможем заплатить аренду и умрем в тюрьме“. Мухасин ответил ему: „Ты хочешь, чтобы меня ужалила другая оса и убила“. На другой день он пошел на мельницу, его ужалила оса, и он умер. Самое легкое становится тяжелым, когда кончается земной предел, и предзнаменования иногда связаны со словами.

Нечто подобное произошло, когда у нас в области Шейзара появился лев. Мы выехали на него и увидели, что слуга эмира Сабика ибн Вассаба ибн Махмуда ибн Салиха, которого звали Шаммас, пасет в этом месте свою лошадь. „Где лев?“ спросил его мой дядя. „Вон в этой заросли“, ответил Шаммас. „Иди туда впереди меня“, сказал мой дядя. „Ты хочешь“, возразил тот, „чтобы лев напал на меня и растерзал“. Он пошел впереди дяди, а лев вышел к нему навстречу, как будто его кто-нибудь послал к Шаммасу, схватил и убил. Из всех присутствующих погиб один только Шаммас, и лев был вскоре убит.

40. Случай со львами

Однажды я видел со стороны льва нечто такое, чего никогда не мог предполагать: я не воображал, что львы, как и люди, бывают храбрые и бывают трусливые. Как-то раз Джубан-аль-Хаиль прискакал к нам и сказал: „В чаще в Телль-ат-тулуль три льва.“ Мы сели на коней и выехали к ним. Оказалось, что там львица, и кроме нее еще два льва. Мы рыскали в чаще, львица выскочила на нас и бросилась на наших людей. Я остановился, а мой брат Беха-ад-даула Абу-ль-Мугис Мункыз, да помилует его Аллах, бросился на нее, ударил копьем и убил; копьё сломалось в ее теле. Мы возвратились в чашу, и на нас выскочил один из львов, который погнался за нашими людьми. Я и мой брат Беха-ад-даула встали ему поперек дороги, ожидая, когда он вернется, отогнав лошадей. Ведь, если лев уйдет со своего места, он непременно должен вернуться туда без всякого сомнения. Мы повернули наших лошадей к нему задом и обратили на него свои копья. Мы думали, что он ринется на нас, что мы

проткнем его копьями и убьем, но не успели мы опомниться, как он помчался на нас точно ветер. Он схватил лошадь одного из наших всадников, которого звали Садаллах Алиаш-Шейбани, и свалил ее. Тогда я ударил льва копьем и вонзил его в середину его тела. Лев умер на месте, и мы возвратились к другому льву. С нами было около двадцати человек армянских лучников. Лев, самый громадный из всех трех, вышел из логовища; он пошел на нас, и армяне встретили его стрелами. Я стоял с армянами рядом, выжидая, пока он бросится на них и схватит кого-нибудь, чтобы потом ударить его копьем. Лев ходил, и каждый раз, когда в него попадала стрела, он ревел и взмахивал хвостом. Я говорил себе: „Сейчас он кинется на них“, но он все ходил, и это продолжалось до тех пор, пока он не пал мертвым. Я увидел со стороны этого льва нечто такое, чего никогда не предполагал.

Позже я видел¹⁾ со стороны одного льва нечто еще более удивительное. В Дамаске был львенок, которого воспитал у себя укротитель. Он вырос и стал гонять лошадей и обижать народ. Как-то раз, когда я был у эмира Муин-ад-дина²⁾, да помилует его Аллах, ему сказали: „Этот лев обижает народ, и лошади бегут от него. Он постоянно торчит на дороге“. И действительно, этот лев день и ночь был на каменной скамейке вблизи дома Муин-ад-дина. Эмир сказал пришедшим: „Передайте укротителю, чтобы он привел льва сюда“. Затем он обратился к дворецкому и сказал ему: „Выведи из бойни при кухне ягненка и оставь его во дворе, чтобы мы могли посмотреть, как лев растерзает его“. Дворецкий привел ягненка во двор, а укротитель вошел туда вместе со львом и спустил его с цепи, которая была у льва на шее. Как только ягненок увидел льва, он бросился на него и ударил рогами. Лев пустился бежать и стал кружить вокруг бассейна, а ягненок бежал сзади, гнал его вперед и бил рогами. Мы не могли удержаться от смеха, и эмир Муин-ад-дин, да помилует его Аллах, сказал: „Это злосчастный лев, выведите его отсюда и зарежьте, снимите шкуру и принесите ее сюда“. Его зарезали и сняли шкуру; он спас ягненка от смерти.

Еще один удивительный случай со львом. Один лев появился в области Шейзара. Мы выехали к нему вместе с

¹⁾ Рассказ относится ко времени первого пребывания Усамы в Дамаске (1138—1144).

²⁾ Покровитель Усамы, первый министр дамасских буридов.

пехотинцами из городского войска; среди них был один слуга того господина, которому жители гор оказывали повиновение и почти поклонялись¹⁾. С этим слугой была его собака. Лев выскочил на лошадей, и они разбежались перед ним от испуга. Лев ринулся на пехотинцев и, схватив этого самого слугу, присел над ним. Собака вскочила льву на спину; он бросил человека и вернулся в чащу. Этот слуга, смеясь, явился к моему отцу, да помилует его Аллах. „О, господин мой“, сказал он, „клянусь твоей жизнью, он не ранил меня и не принес мне вреда“. Льва убили, а этот человек вернулся к себе и умер в ту же ночь. Он не получил никакой раны, но у него разорвалось сердце. Я пришел в восторг от храбрости этой собаки перед львом, тогда как все животные бегут от льва и сторонятся его. Однажды я смотрел, как голову льва несли к одному из наших домов и было видно, как кошки бегут из этого дома и бросаются с крыш, хотя они никогда раньше не видели льва. Мы же снимали со льва шкуру и бросали мясо из крепости к подножию бастиона. Ни собаки, ни какая-либо птица не приближались к нему, а когда орлы, завидев мясо, спускались к нему, то потом, подлетев ближе, начинали кричать и улетали. Как похож страх животных перед львом на страх птиц перед орлом! Когда цыпленок, который никогда не видел орла, заметит его, он начинает кричать и пускается бежать от страха, ибо Аллах великий вложил в сердца остальных животных страх перед орлом и львом.

Если же говорить еще о львах, то у нас было два брата, которых звали Бену-р-Руам; это были гонцы, ходившие туда и обратно из Шейзара в Ладикию, которая принадлежала моему дяде Изз-ад-дауле Абу-ль-Мурхафу Насру²⁾. В Ладикии был его брат Изз-ад-дин Абу-ль-Асакир Султан³⁾, да помилует их обоих Аллах. Эти два скорохода носили письма от одного моего дяди к другому. Они рассказывали: „Однажды мы вышли из Ладикии и поднялись на перевал аль-Манда. Это был очень высокий перевал, который возвышался над окружающей равниной. Мы увидели льва, который лежал у реки, протекавшей под холмом, и остановились на месте, не решаясь спуститься из страха перед львом. Вдруг мы увидели, что приближается какой-то человек; мы закричали ему и замахали своими платями, предостерегая его от льва. Он

¹⁾ Текст не вполне ясен; быть может, имеется в виду глава ассасинов — „старец горы“, как его называли крестоносцы.

²⁾ Старший дядя Усамы, правитель Шейзара (1082—1098).

³⁾ Впоследствии правитель Шейзара после смерти брата.

не слушал нас, натянул свой лук, наложил на него стрелу и направился ко льву. Лев увидел его и прыгнул на него, но человек выстрелил в льва, попал ему прямо в сердце и убил его. Затем он подошел ко льву и прикончил его. Он вытащил свою стрелу из тела льва и пошел к реке. Там он снял сапоги и разделся и, бросившись в воду, стал мыться. Потом он вышел из воды, оделся на наших глазах и стал выжимать волосы, чтобы их высушить. Потом он надел один сапог, прилег на бок и долго пробыл в таком положении. „Клянемся Аллахом“, сказали мы, „он молодец, но перед кем же он хвастается?“ Мы спустились к нему, а он все оставался в том же положении, и нашли его мертвым. Мы не понимали, что с ним случилось, но, сняв с его ноги сапог, мы нашли в нем маленького скорпиона; он ужалил этого человека в большой палец, и человек тотчас же умер. Мы удивились этому силачу, который убил льва, а сам был убит скорпионом толщиной в палец. Да будет слава Аллаху всемогущему, проявляющему свою волю на тварях!“

Я продолжаю: я выдержал со львами много боев, которых мне не перечесть, и убил из них столько, что никто не может в этом сравниться со мной, хотя во многом другом у меня есть соперники; я приобрел такой опыт и умение в бою со львами, какого не имеет никто, кроме меня. Скажу еще, что львы, как и другие дикие животные, боятся сыновей Адама и бегут от них. Лев беспечен и ленив, пока не ранен, а когда получит рану, то действительно становится львом, тогда-то и следует его бояться. Если он выйдет из леса или чащи и погонится за лошадью, он непременно вернется обратно туда же, откуда вышел, даже если на его дороге будет огонь. Я знал это по опыту и, когда лев бросался на лошадей, я становился на дороге, по которой он должен был возвращаться, прежде чем он будет ранен; а когда он возвращался, я позволял ему подойти ко мне, ударял копьём и убивал.

Что же касается леопардов, то бой с ними тяжелее, чем бой со львами, из-за их легкости и больших прыжков. Они селятся только в пещерах или расщелинах, как гиены, а львы лежат только в логовищах или в чашах.

41. Случаи с леопардами

Однажды у нас появился леопард в одной из деревень области Шейзара, которую называли Муарзаф. Мой дядя

Изз-ад-дин, да помилует его Аллах, выехал к нему. Он послал ко мне всадника, когда я уже сидел на коне, чтобы ехать по своему делу, передать: „Поезжай вслед за мной к Муарзафу“. Я догнал его, и мы поехали к тому месту, где, по рассказам, был леопард, но не увидели его там. В этом месте была расщелина; я слез с лошади, держа в руках копье, и сел у края расщелины. Она была неглубока, приблизительно в человеческий рост; сбоку ее было какое-то отверстие в роде норы. Я потрогал копьем это отверстие, и леопард высунул оттуда голову, чтобы схватить копье. Когда мы узнали, что он в этом месте, некоторые мои товарищи спешили вместе со мной, и один из них тыкал копьем в это отверстие, а другой ударял леопарда, когда он высовывался. Каждый раз, когда он хотел выскочить из рва, мы колотили его копьями, пока не убили. Он был громадных размеров и сел столько животных в этой деревне, что отяжелел и не мог защитить себя.

Леопард, единственный из всех животных, прыгает более, чем на сорок локтей. В церкви местечка Хунак¹⁾ было окошко на высоте сорока локтей; каждый полдень туда прыгал леопард и спал там до конца дня, а потом выпрыгивал оттуда и уходил. В это время через Хунак проезжал франкский рыцарь по имени Сир Адам, один из франкских дьяволов. Ему рассказали историю леопарда. „Когда вы увидите его, известите меня“, сказал он. Леопард пришел по обычаю и прыгнул в окно. Один из крестьян пошел и рассказал об этом Сир Адаму. Тот надел свою кольчугу, сел на коня, взял щит и копье и поехал к церкви. Она была в развалинах, и только одна из ее стен стояла, та самая, в которой было окно. Когда леопард увидел рыцаря, он прыгнул на него из окна, хотя тот сидел на лошади, сломал ему спину и убил. После этого леопард ушел, а хунакские крестьяне прозвали его „леопард-борец за веру“.

Одна из особенностей леопарда та, что когда он ранит человека, и на того помочится мышь, он умрет, а мышь вообще не уходит от раненого леопардом, пока ему не сделают плот и не посадят на воду. Вокруг него привязывают кошек, так как опасаются за него из-за мышей. Леопард очень редко приручается к людям и не привыкает к ним. Однажды я проезжал через Хайфу, город на побережье²⁾, принадлежавший франкам. Один из франков сказал мне: „Купи у меня великолепного гепарда“. „Хорошо“, сказал я.

¹⁾ Хунак—одна из крепостей, защищавших аль-Маарру, к северо-востоку от Шейзара.

²⁾ Хайфа находится к югу от Акки, у подножия горы Кармель. Усама был в этой местности в 1140—1143 году неоднократно, пользуясь перемирием между крестоносцами и правителем Дамаска, у которого он тогда жил.

Он привел ко мне леопарда, которого приручил до такой степени, что он был, как собака. „Нет“, сказал я, „это леопард, а не гепард. Мне не подходит это“. Я удивлялся его прирученности и свободному обращению с ним франка.

Разница между леопардом и гепардом в том, что морда леопарда продолговатая, как морда собаки, и глаза у него голубые, а морда гепарда круглая и глаза черные.

Один житель Алеппо взял леопарда и пошел с ним просить суда у властителя аль-Кадмуса¹⁾, принадлежавшего одному из Бену-Мухаррар. Он пировал и потом открыл заседание суда; леопард в это время бросился на тех, кто был в зале. Сам эмир стоял у окна башни; он вскочил туда и закрыл за собою дверь. Леопард стал кружить по всему дому, одних убил, других ранил, пока не убили его самого.

Я слышал, но сам не видел, что среди львов встречаются барсы. Я этому не верил, но шейх имам Худжжат-ад-дин Абу Хашим Мухаммед ибн Мухаммед ибн Зафар²⁾, да помилует его Аллах, рассказал мне следующее: „Я ехал на запад вместе со старым слугой, принадлежавшим еще моему отцу, который много путешествовал и много испытал. У нас вышла вся вода, бывшая с нами, и мы страдали от жажды. С нами не было никого третьего, и мы были одни—он да я—верхом на двух верблюдах. Мы увидели на дороге колодец и направились к нему, но нашли около него спящего барса. Мы удалились в сторону, и мой спутник сошел со своего верблюда, дал мне поводья, взял свой меч, щит и бурдюк, бывший с нами, и сказал мне: „Смотри за головой верблюда“. Он пошел к колодцу, и когда барс увидел его, то встал и прыгнул по направлению к нему, но проскочил мимо и заревел. К нему бросились его самки с детенышами, которые побежали, догоняя его. Он больше не попадался нам на пути и не причинил никакого вреда. Мы напились и напоили животных, а потом отправились дальше“. Так он мне рассказывал, да помилует его Аллах, а он был одним из лучших мусульман по своей религиозности и учености.

42. Осада Шейзара румами

Вот пример удивительных вещей, творимых [роком: когда румы подошли к Шейзару в пятьсот тридцать втором

¹⁾ Аль-Кадмус—крепость к западу от Хама в отрогах Аккарских гор.

²⁾ Известный ученый и писатель родом из Сицилии, умерший в Хама около 1169 г.

году¹⁾, они подвезли к городу ужасающие стенобитные машины, которые прибыли с ними из их страны. Эти машины метали камни, которые летели на такое расстояние, какое не пролетит и стрела. Эти камни достигали веса в двадцать пять ратлей²⁾. Однажды они бросили такой камень в дом одного моего товарища по имени Юсуф ибн Абу-ль-Гариб, да помилует его Аллах; крыша дома не выдержала тяжести, и он был разрушен сверху до низу одним камнем.

На башне дома эмира возвышалось копьё, на конце которого был привязан флаг. Дорога же в крепость проходила как раз под домом. Метательный камень ударил в древко и сломал его пополам. Та часть древка, где было острие, перевернулась, опрокинулась и упала на дорогу. По дороге как раз проходил один из моих товарищей. Половина древка с острием упала с такой вышины на ключицу проходившего человека, прошла сквозь тело и упала на землю, убив его.

Хутлук, невольник моего отца, да помилует его Аллах, рассказал мне следующее: „Однажды мы сидели, осажденные румами, в крепостном проходе, в доспехах и с мечами. Вдруг к нам прибежал какой-то шейх и закричал: „Эй, мусульмане! Гаремы!...ярумы ворвались с нами!“ Мы схватили мечи, выбежали и увидели, что румы пролезли через брешь в стене, пробитую стенобитной машиной. Мы стали бить их мечами, выгнали из города и преследовали их до тех пор, пока не прогнали до их войска. Мы возвратились и шли врассыпную. Я оказался с тем стариком, который позвал нас на помощь. Он остановился и повернулся лицом к стене, чтобы помочь. Я отошел от него, но вдруг услышал шум падения. Я повернулся, и оказалось, что камень, пущенный из машины, попал старику в голову, разбил ее и как бы вбил в стену; мозг старика стекал со стены. Я поднял тело старика, мы помолились над ним и похоронили его на этом самом месте, да помилует его Аллах.

Метательный камень попал как-то раз в одного из наших товарищей и разбил ему ногу. Его снесли к моему дяде, который сидел в одном из проходов крепости. „Приведите костоправа“, приказал дядя. А в Шейзаре был один искусный человек по имени Яхья, отлично вправлявший кости. Он пришел и стал вправлять ногу. Он был под навесом за воротами крепости. Камень ударил раненого человека в голову, и она

¹⁾ В 1138 г. по Р. Хр. Об этой осаде Усама говорил в начале своих воспоминаний.

²⁾ Ратль—мера веса, около 2,5 килограммов.

разлетелась. Костоправ вернулся в коридор крепости, и дядя сказал ему: „Как ты быстро вправил ему!“ „О, господин мой“, ответил костоправ, в него попал второй камень и сделал операцию ненужной“.

43. Поход франков на Дамаск

Как божественная воля проявляется и в кончине и в жизни, видно из следующего: Франки, да покинет их Аллах, все решили двинуться на Дамаск и взять его¹⁾. У франков собралось очень много народа, и к ним присоединились власти Эдессы²⁾, Телль Башира³⁾ и Антиохии⁴⁾. Властитель Антиохии по дороге в Дамаск расположился около Шейзара. Франкские владыки уже распродавали между собой дамаскские дома, бани и базары, а горожане покупали их и отвешивали за них плату. Они нисколько не сомневались, что их войска войдут в Дамаск и овладеют им. Кафартаб⁵⁾ в то время принадлежал властителю Антиохии. Он выделил из войска Кафартаба сотню отборных рыцарей и велел им оставаться в городе, чтобы действовать против нас и против Хама. Когда он вышел в Дамаск, Сирийские мусульмане соединились и решили двинуться на Кафартаб. Они подослали туда одного нашего товарища по имени Кунайб ибн Малик. Он пробрался в Кафартаб ночью, обошел его и вернулся. „Радуйтесь добыче и безопасности!“ сказал он. Мусульмане пошли на Кафартаб и попали в засаду, но Аллах, да будет ему слава, все-таки даровал победу исламу, и наши перебили всех франков. Кунайб, который был шпионом мусульман в Кафартабе, увидел во рву, окружавшем город, много вьючных животных. Когда мусульмане одержали победу над франками и перебили их, Кунайбу очень захотелось захватить тех животных, которые были во рву, и он надеялся овладеть добычей один. Он поскакал ко рву, но один из франков бросил в него с крепости камень и убил его. Среди нас была мать Кунайба, старая старуха, плакальщица на наших поминках. Она стала оплакивать своего сына, и когда она причитала над Кунайбом, из ее груди сочилось молоко в таком количестве, что

¹⁾ Поход относится, вероятно, к весне 1113 г.

²⁾ Балдуин II, впоследствии король Иерусалимский (1118 г.).

³⁾ Телль Башир лежал на пути между Алеппо и Эдессой. Правителем его был в это время Жоселен I, впоследствии (с 1118 г.) граф Эдесский.

⁴⁾ Рожер, племянник Танкреда, князь Антиохийский с 1112 г.

⁵⁾ Кафартаб лежит на пути между Шейзаром и аль-Мааррой.

рубашка была залита. Когда же она кончила причитать, и скорбь у нее утихла, ее грудь опять превратилась в кусок кожи и в ней не было ни капли молока. Слава Тому, кто напитал сердца нежностью к детям!

Когда властителю Антиохии, который был под Дамаском, сказали, что мусульмане перебили его товарищей, он воскликнул: „Это неверно! Я оставил в Кафартабе сотню рыцарей, которые померятся со всеми мусульманами!“ Аллах, да будет ему слава, предопределил, чтобы мусульмане в Дамаске победили франков и произвели среди них великое избиение. Они захватили всех их выючных животных, и франки пустились в обратный путь от Дамаска в самом печальном и униженном состоянии. Слава Аллаху, господу миров!

Во время этого столкновения с франками произошел удивительный случай. В войсках Хама было два брата курда. Одного из них звали Бедр, а другого Аназ. Этот Аназ отличался слабым зрением. Когда франки потерпели поражение и были перебиты, солдаты рубили им головы и привязывали к лошадиной сбруе. Аназ тоже отрубил для себя голову и прикрепил ее к ремню. Его увидели солдаты из войска Хама и спросили: „О Аназ, что это у тебя за голова?“ „Да будет слава Аллаху“, ответил он, „за то, что произошло у меня с этим франком, пока я его не убил“. „Эй ты, человек“, сказали ему, „да ведь это голова твоего брата Бедр!“ Аназ взглянул на голову и внимательно осмотрел ее. Оказалось, что это действительно голова его брата. Аназ устыдился людей и ушел из Хама. Мы не знали, куда он направился и больше не слышали о нем ничего. А его брат Бедр погиб в этом столкновении и был убит франками, да покинет их Аллах.

44. Замечательные удары мечом

Удар метательного камня, который разбил голову того старика, да помилует его Аллах, напомнил мне об ударах острого меча. Однажды один из наших товарищей по имени Хаммам-аль-Хаджж¹⁾ во время военных действий исмаилитов²⁾

¹⁾ Аль-Хаджж (паломник)—почетное звание мусульман и христиан, совершивших паломничество в Мекку или Иерусалим.

²⁾ Исмаилиты—мусульманская секта, основанная, незадолго до крестовых походов, Хасаном Сабахом. Центром сирийских исмаилитов были Аккарские горы к западу от Шейзара, откуда они часто делали набеги внутрь страны, подчиняя своей власти целые области. У европейских писателей они известны под наименованием ассасинов (арабск. хашшаши—потребители хашиша).

против Шейзара¹⁾ столкнулся с одним из них в галерее дома моего дяди, да помилует его Аллах. В руке исмаилита был нож, а в руке аль-Хаджжа—меч. Батынит²⁾ бросился на него с ножом, но Хаммам ударил его своим мечом над глазами и рассек ему череп. Мозг исмаилита выпал на землю и разлетелся по ней во все стороны. Хаммам выронил из рук свой меч, и его вырвало, так как ему сделалось дурно при виде этого мозга.

В этот день на меня напал один из исмаилитов, в руке которого был кинжал, а я держал в руке меч. Он бросился на меня с кинжалом, но я ударил его по руке между кистью и локтем; кинжал он держал так, что рукоятка и лезвие прилегали у него к руке. Мой удар отрубил кусок лезвия длиной в четыре пальца и рассек руку исмаилита пополам и отделил ее. На лезвии моего меча остался след кончика кинжала. Один из наших мастеров увидал этот след и сказал: „Я сведу эту царапину с меча“. „Оставь его, как он есть“, сказал я ему, „этот след самое красивое, что есть в мече“. И до сих пор, когда кто-нибудь видит эту царапину, ему ясно, что это след кинжала.

Этот меч имеет свою историю, которую я расскажу: У моего отца, да помилует его Аллах, был стремянный по имени Джамми. Франки сделали на нас набег, и отец, надев казакин, вышел из своего дома, чтобы сесть на лошадь. Он не нашел ее у дверей и постоял немного, ожидая ее. Стремянный Джамми, который замешкался, пришел с лошастью. Мой отец ударил его этим самым мечом, которым был опоясан, не вынимая его из ножен. Удар рассек ножны меча, серебряные наконечники, плащ, который был на Джамми, и шерстяную рубашку; локоть был разрублен и рука отлетела. Мой отец, да помилует его Аллах, содержал Джамми, а после него его детей из-за этого удара, а меч был прозван Джаммиевским по имени этого стремянного.

Вот еще знаменитый удар мечом: четыре брата из родственников эмира Ифтихара-ад-даули Абу-ль-Футуха ибн Амруна, властителя крепости Букубейс³⁾, влезли к нему в крепость, когда он спал, и нанесли ему много ран. В крепости с ним никого не было, кроме его сына. Братья вышли, полагая, что убили эмира, и направились к его сыну, но

¹⁾ На Шейзар исмаилиты нападали в эту эпоху неоднократно в 1109, 1114 и 1135 г.г.

²⁾ Батыниты—одно из названий исмаилитов, указывающее на тайный характер их учения.

³⁾ Букубейс лежал к западу против Шейзара.

Аллах наделил этого Ифтихара-ад-даулю великой силой. Он поднялся с постели, обнаженный, взял свой меч, который висел у него в комнате, и пошел за нападавшими. К нему навстречу вышел один из них, который был их предводителем и самым доблестным из них. Ифтихар-ад-даула ударил его мечом и отскочил от него в сторону, боясь, что тот достанет его ножом, бывшим у него в руке. Потом он повернулся к нему и увидел, что он лежит на земле, убитый этим ударом. Эмир обратился к другому брату, ударил его мечом и убил. Остальные двое пустились бежать и бросились вниз с крепости. Один из них умер, а другой спасся. Слух об этом дошел к нам в Шейзар, и мы послали к эмиру поздравить его со спасением. Через три дня мы отправились в крепость Букубейс навестить его. Его сестра была замужем за моим дядей Изз-ад-дином¹⁾, и он имел от нее детей. Эмир рассказал нам, что с ним случилось и как он действовал. Затем он сказал: „У меня чешется между лопатками, и я не могу достать до этого места“. Он позвал своего слугу, чтобы тот взглянул на спину и посмотрел, что его там колет. Тот посмотрел, и оказалось, что это рана, в которой застрял конец кинжала, сломавшегося в его спине. Он даже не знал об этом и ничего не чувствовал, но, когда рана затянулась, это место стало чесаться. Примером силы этого человека может служить то, что он брал мула за копыто задней ноги и бил его, и мул не мог вырвать своей ноги у него из рук. Он также брал подковные гвозди пальцами и вонзал их в дубовую доску. Он был так же прожорлив, как и силен, или даже еще более.

45. Выдающиеся женщины

Я упомянул о некоторых деяниях мужчин и теперь упомяну также о деяниях женщин, изложив предварительные замечания. Антиохия принадлежала дьяволу из франков по имени Рожер. Он отправился в паломничество в Иерусалим, властителем которого был принц Балдуин²⁾. Балдуин был старик, а Рожер—юноша. Он сказал Балдуину: „Заклучим такое условие: если я умру прежде, чем ты, Антиохия будет твоя, а если ты умрешь раньше меня, Иерусалим будет при-

¹⁾ Абу-ль-Асакир Султан, часто упоминаемый правитель Шейзара.

²⁾ Балдуин II, король Иерусалимский (1118—1131), на сестре которого был женат Рожер. (Его имя Усама сопровождается транскрипцией титула „принц“).

надлежать мне“. Они заключили такой договор и обязали им друг друга. Аллах великий predetermined, чтобы Наджм-ад-дин Ильгази ибн Ортук, да помилует его Аллах, встретил Рожера у Баданиса в четверг пятого числа первой Джумады пятисот тринадцатого года¹⁾. Он убил его и перебил все войско, и в Антиохию вошло не больше двадцати человек из его солдат. Балдуин отправился в Антиохию и вступил во владение городом. Через сорок дней он дал сражение Наджм-ад-дину, а когда этот последний пил вино, у него длилось похмелье двадцать дней. Он принялся пить после того, как разбил франков и перебил их, и им овладело похмелье, от которого он оправился не раньше, чем король Балдуин принц подошел к Антиохии с войском. Второе сражение между ними шло с равным успехом. Отряды франков разбили отряды мусульман, а отряды мусульман разбили отряды франков. И с той и с другой стороны было много убитых. Мусульмане взяли в плен Роберта властителя Сыхьяуна²⁾ и Балятунуса³⁾ и всей соседней области. Роберт в это время был другом атабека Тугтегина, властителя Дамаска, и был заодно с Наджм-ад-дином Ильгази, когда тот соединился с франками в Апамене при приближении восточного войска под начальством Бурсука ибн Бурсука⁴⁾. Этот Роберт „прокаженный“ сказал тогда атабеку Тугтегину: „Не знаю, как оказать тебе гостеприимство. Я отдаю тебе во власть мою страну. Пошли твоих всадников, пусть они проедут по ней и возьмут себе все, что найдут там, лишь бы не брали людей в плен и не убивали выючных животных, а деньги и урожай пусть будут им, они могут их забрать с моего позволения“. Когда Роберт был взят в плен, атабек Тугтегин участвовал в сражении, помогая Ильгази. Роберт сам назначил за себя выкуп в десять тысяч динаров. „Отведите его к атабеку“, приказал Наджм-ад-дин, „может быть, он испугает Роберта, и он назначит за себя большой выкуп“. Роберта отвели к атабеку, который сидел в своей палатке и пил. Увидев приближавшегося Роберта, он встал, заткнул за пояс подол своего платья, взял меч и, выйдя к Роберту, отрубил ему голову. Ильгази послал к нему гонца, упрекая за это. „Мы нуждаемся в каждом динаре для уплаты туркменам“, сказал он, „этот назначил за себя выкуп в десять тысяч динаров. Я послал его к тебе, думая, что ты испугаешь его и он увели-

¹⁾ 14 августа 1119 года. Об этом сражении Усама говорил раньше и там указывал верно, что Рожер был убит в сражении при аль-Балате.

²⁾ Сыхьяун—замок между Ладикией и Хомсом, к юго-востоку от первого.

³⁾ Балятунус (лат. Platanus)—замок между Ладикией и Антиохией.

⁴⁾ Весной 1115 года. Об этих событиях Усама говорил раньше.

чит свой выкуп, а ты убил его". „Я не умею лучше пугать, чем так", ответил атабек.

Тогда Антиохией стал владеть Балдуин принц. Он был многим обязан моему отцу и дяде, да помилует их обоих Аллах. Когда он был взят в плен Нур-ад-даулой Баляком¹⁾, да помилует его Аллах, а после убийства того перешел к Хусам-ад-дину Тимурташу ибн Ильгази²⁾, тот отправил его к нам в Шейзар, чтобы мой отец и дядя, да помилует их обоих Аллах, оказали посредничество в устройстве его выкупа; и они хорошо обращались с ним. Когда Балдуин стал править³⁾, на нас лежал долг властителю Антиохии. Балдуин охотно сложил его с нас, и наши дела с Антиохией шли успешно. Балдуин находился в таком положении, и у него был послом наш товарищ. Однажды к Сувайдии⁴⁾ приплыла лодка, в которой был юноша в лохмотьях. Он явился к Балдуину, и тот узнал в нем Ибн Маймуна⁵⁾. Балдуин вручил тогда юноше власть над городом, а сам ушел и разбил свои палатки в окрестностях. Наш посол в Антиохии клялся, что он, т. е. король Балдуин, покупал в этот же вечер на базаре корм для своих лошадей, хотя амбары Антиохии были наполнены собранным урожаем. Балдуин впоследствии вернулся в Иерусалим. Народ перенес от этого дьявола Ибн Маймуна великие бедствия. Однажды он пошел на нас со своими войсками и разбил свои палатки. Мы сели на коней и построились против франков, но ни один из них не пошел на нас, и все оставались в своих палатках. Мы стояли на пригорке и смотрели на них; между нами была река аль-Аси. Мой двоюродный брат Лейс-ад-даула Яхья ибн Малик Ибн Хумейд, да помилует его Аллах, спустился с этого пригорка и направился к реке. Мы думали, что он хочет поить свою лошадь, но он переправился через реку около отряда франков, стоявшего близ палаток. Когда Лейс-ад-даула приблизился к франкам, к нему подсказал один из рыцарей. Оба противника бросились друг на друга, но каждый из них уклонился от удара другого. Тогда я поспешил к сражавшимся с моими молодыми сверстниками. Франк-

¹⁾ Нур-ад-даула Баляк — владетель нескольких крепостей в области Мелитены (Мелитены), один из ожесточенных противников крестоносцев, убитый в 1124 г. Балдуин был взят им в плен в апреле 1123 г.

²⁾ Хусам-ад-дин Тимурташ — сын и преемник маридинского ортукида Ильгази, к которому после смерти Баляка перешел Алеппо, где был заключен Балдуин.

³⁾ Он был опущен из плена в августе 1124 г.

⁴⁾ Сувайдия — порт Антиохии на Средиземном Море.

⁵⁾ Ибн Маймун — Боэмунд II князь Антиохийский (1126—1131), женившийся на дочери Балдуина.

ский отряд отступил, а Ибн Маймун сел на коня вместе с войсками, и они ринулись вперед, как поток. Лошадь нашего товарища была ранена. Первые ряды франков столкнулись с нашими передовыми солдатами. В наших войсках был один курд по имени Микаиль, который в'ехал, спасаясь бегством, в первые ряды франков. Один франкский рыцарь, преследуя Микаиля, пронзил его копьем. Курд, убегая от него, стонал и громко кричал. Я догнал Микаиля, а франк отвернулся от курда и свернул с моей дороги, направляясь к нашим всадникам, стоявшим толпой близ реки на нашем берегу. Я помчался за ним следом, погоняя свою лошадь, чтобы догнать его и ударить копьем, но лошадь не могла за ним поспеть. Франк не оборачивался ко мне, стремясь только к этим столпившимся всадникам. Наконец, он достиг их, а я все следовал за ним. Наши товарищи нанесли его лошади несколько ран, но франкские солдаты уже устремились по следам рыцаря в таком множестве, что мы бы их не одолели. Франкский рыцарь повернул назад, и его лошадь была при последнем издыхании. Он поехал навстречу своим солдатам, повернул их всех обратно и сам воротился с ними. Этот рыцарь был Ибн Маймун, владыка Антиохии. Он был еще юноша¹⁾, и его сердце наполнилось страхом, но если бы он оставил своих солдат действовать, они бы обратили нас в бегство и гнали бы до самого города. Втечение всего этого времени на берегу реки среди всадников стояла старуха, которую звали Бурайка. Это была невольница одного нашего товарища курда по имени Али ибн Махбуб. Бурайка держала в руке сосуд с водой, из которого пила сама и поила народ. Большинство наших товарищей на пригорке, когда увидели франков, приближавшихся в таком множестве, устремились к городу, а эта дьяволица продолжала стоять, и это великое дело не пугало ее. Я расскажу кое-что про эту Бурайку, хотя здесь и не место, но ведь рассказы цепляются друг за друга. Хозяин Бурайки Али был человек благочестивый и не пил вина. Однажды он сказал моему отцу: „Клянусь Аллахом, о эмир, я считаю недопустимым есть на счет канцелярии, я буду питаться только заработком Бурайки". Этот глупец полагал, что такое незаконное ремесло более позволительно, чем пользоваться канцелярией, где он получал содержание. У этой старухи был сын по имени Наср, рослый человек, который управлял одной из деревень моего отца, да помилует его Аллах, вместе с дру-

¹⁾ Боэмунд II стал Антиохийским князем, еще не достигнув 20-тилетнего возраста.

гим человеком, которого звали Бакийя ибн Усайфир. Этот Бакийя рассказал мне следующее: „Как-то вечером я пришел в город, желая зайти к себе домой по какому-то делу. Когда я приближался к городу, я заметил среди могил при свете луны какую-то фигуру, непохожую ни на человека, ни на зверя. Я остановился поодаль от нее от страха, но потом сказал себе в душе: „Разве я не Бакийя, что это за страх перед одним существом?“ Я положил свой меч, щит и копье, бывшее со мной, и потом стал потихоньку двигаться вперед. Я услышал, что это существо поет и кричит. Приблизившись, я прыгнул на него с кинжалом в руке и схватил его, но вдруг оказалось, что это Бурайка. Она сидела верхом на палке с непокрытой головой и взъерошенными волосами и ржала и гарцовала между могилами. „Горе тебе“, воскликнул я, „что ты делаешь здесь в такое время?“ „Колдую“, ответила она. „Да обезобразит Аллах тебя и твое колдовство!“ воскликнул я, „и твое ремесло среди всех ремесл!“ Твердость души у этой собаки напомнила мне о поступках женщин во время нашего столкновения с исмаилитами, хотя эти поступки были иного рода. Предводитель исмаилитов Алаван ибн Харрар столкнулся в этот день в крепости с моим двоюродным братом по имени Синан-ад-даула Шабиб ибн Хамид ибн Хумейд, да помилует его Аллах. Он был мой ровесник. Мы с ним родились в один день—в воскресенье двадцать седьмого числа второй Джумады четырехста восемьдесят восьмого года ¹⁾. Синан-ад-даула не участвовал в этот день в бою, а я был как бы осью всего сражения. Алаван хотел привлечь его к себе и сказал ему: „Вернись в свой дом, возьми оттуда все, что можешь, и выходи, тебя не убьют, а крепостью мы уже овладели“. Синан возвратился в дом и сказал, обращаясь к своей тетке и женам его дяди: „У кого есть что-нибудь, передайте мне“. И каждый из них дал ему что-нибудь. В это время в дом вдруг вошел человек в кольчуге и шлеме, с мечом и щитом в руке. Когда Синан увидел его, он уверился в смерти. Вошедший снял шлем и оказалось, что это мать его двоюродного брата Лейс-ад-даули Яхьи, да помилует его Аллах. „Что ты хочешь сделать?“ спросила она Синана. „Я возьму с собой все, что могу“, ответил он, „спущусь из крепости по веревке и буду жить себе на свете“. „Скверно ты делаешь“, ответила ему тетка. „Ты оставишь своих двоюродных сестер и жен этим чесальщикам шерсти, а сам уйдешь? Какова-то будет твоя жизнь, когда ты опозоришь себя перед

¹⁾ 4 июля 1095 г.

семьей и убежишь от нее. Выходи! Сражайся за своих, пока тебя не убьют среди них. Накажи тебя Аллах еще и еще раз“. Она удержала его от бегства, да помилует ее Аллах, и после этого он был одним из славнейших всадников.

Моя мать, да помилует ее Аллах, раздала в этот день воинам мои мечи и казакины. Она пошла к моей старшей сестре и сказала ей: „Надевай твои сапоги и покрывало“. Та надела и матушка свела ее на балкон в моей комнате, который возвышался над долиной с восточной стороны. Она посадила сестру на балконе, а сама села у его дверей. Аллах, да будет ему слава, даровал нам победу над врагами, и я зашел в дом, желая взять что-то из оружия, но не нашел ничего, кроме ножен мечей и мешков от казакинов. „Матушка, где мое оружие?“ спросил я. „О сынок“, ответила она, „я отдала его тем, кто сражался за нас, так как не думала, что ты уцелеешь“. „А что делает здесь моя сестра?“ спросил я. „Я посадила ее на балкон и сама села около нее; если бы я увидела, что Батыниты добрались до нас, я бы толкнула ее и сбросила в долину. Лучше мне видеть ее мертвой, чем в плену у этих мужиков и шерсточесов!“ Я и сестра поблагодарили ее за это, и сестра воздала ей добром. Такая гордость еще сильнее, чем гордость мужчин. В этот же день одна старуха, бывшая невольницей моего деда эмира Абу-ль Хасана Алиа ¹⁾, да помилует его Аллах, которую звали Фануна, покрылась вуалью, взяла меч и бросилась в бой. Она не переставала сражаться до тех пор, пока мы не одержали верх и не превзошли числом своих противников.

Нельзя отрицать у благородных женщин храбрости, гордости и правильности в суждениях. Однажды я выехал с отцом, да помилует его Аллах, на охоту. Он очень любил охотиться, и у него было такое собрание соколов, ястребов, кречетов, гепардов и охотничьих собак, какое едва ли было у кого-нибудь, кроме него. Он выезжал во главе сорока всадников, своих детей и невольников, и каждый из них был опытный охотник и знающий зверолов. У него в Шейзаре было два места охоты. Один день он ехал на запад от города, к реке в тростниковые заросли, и охотился там за рябчиками, водяными птицами, зайцами и газелями и бил там кабанов, а другой день он уезжал в горы, расположенные к югу от города, чтобы охотиться за куропатками и зайцами. Однажды мы были в горах, когда пришло время вечерней молитвы. Отец сошел с коня, и мы все спешили и молились, каждый

¹⁾ Правитель Шейзара (1059—1082).

отдельно. Вдруг к нам галопом подскакал слуга и крикнул: „Вот лев!“ Я окончил молитву прежде отца, да помилует его Аллах, чтобы он не помешал мне сразиться со львом, и вскочил на коня, взяв с собой копье. Я ринулся на льва, который бросился мне навстречу и зарычал. Моя лошадь шарахнулась, и копье выпало у меня из рук, так как оно было очень тяжелое. Лев гнал меня хорошее расстояние, а потом вернулся к подножию горы, где стал. А лев был одним из огромных и походил на каменный мост. Он был голоден и каждый раз, когда мы к нему приближались, он спускался с горы и отгонял наших лошадей, а затем возвращался на свое место. При каждом таком спуске он оставлял след среди наших товарищей. Я видел даже, как он вскочил на лошадь за одним из слуг моего дяди, по имени Баштекин Гарза. Лев вскочил на круп лошади и разорвал когтями одежду слуги и его флаги, а потом вернулся на гору. Я не мог ничего с ним поделать, пока не взобрался выше него по склонам горы. Затем я пустил на льва свою лошадь и ударил его копьем, проткнув его. Я оставил копье в боку льва, и он скатился до подножия горы с копьем в теле. Лев умер, а копье сломалось. Мой отец, да помилует его Аллах, стоял на месте и смотрел на нас. С ним были дети его брата Изз-ад-дина, еще юноши, смотревшие на все, что происходило. Мы понесли льва и к вечеру прибыли в город. Моя бабушка, мать отца, да помилует их обоих Аллах, пришла ко мне ночью, держа в руках свечку. Она была старая старуха, почти ста лет от роду. Я не сомневался, что она пришла поздравить меня со спасением и сказать мне, как она радуется тому, что я сделал. Я вышел ей навстречу и поцеловал ее руки, но она сказала мне с раздражением и гневом: „О сынок, что понесло тебя на эту опасность, где ты рисковал самим собой и своей лошадью? Ты сломал свое оружие; нерасположение и злоба против тебя в сердце твоего дяди только увеличатся“. „О госпожа“, сказал я ей, „я рисковал жизнью и теперь и в подобных случаях только для того, чтобы приблизить к себе сердце своего дяди“. „Нет, клянусь Аллахом“, ответила она, „это тебя не приблизит к нему, это только еще больше отдалит тебя от него и увеличит его нерасположение и злобу к тебе“. Я понял, что бабушка, да помилует ее Аллах, давала мне в этих словах хороший совет и была права, клянусь моей жизнью. Такие женщины действительно матери мужчин. Эта старуха, да помилует ее Аллах, была одной из праведниц среди мусульман. Она отличалась своим благочестием, раздавала милостыню, постилась и молилась наилучшим образом. Я присутствовал,

когда, в ночь на пятнадцатое Ша'бана, она молилась вместе с моим отцом, а он, да помилует его Аллах, был одним из лучших чтецов книги Великого Аллаха, и его мать молилась его молитвами. Он пожалел ее и сказал ей: „О матушка, если бы ты села и молилась сидя“. „О сынок“, ответила она, „остается ли мне еще жизни настолько, чтобы дожить до такой же ночи, как эта ночь? Нет, клянусь Аллахом, я не сяду!“ Мой отец достиг тогда уже семидесяти лет, а она приближалась к ста годам, да помилует ее Аллах.

Мне пришлось быть свидетелем удивительного проявления гордости среди женщин: один из товарищей Халыфа ибн Муляйба¹⁾ по имени Али Абд ибн Абу-р-Райда был наделен Аллахом таким зрением, каким не обладала даже „голубоглазая в Йемене“²⁾. Когда он отправлялся с Ибн-Муля'ибом, он замечал караван на расстоянии целого дня пути. Один из его друзей, по имени Салим-аль-Иджази, который перешел на службу к моему отцу после убийства Халыфа ибн Муля'иба, рассказал мне следующее: „Однажды мы отправились в набег и с утра поставили Али Абд ибн Абу-р-Райда часовым; он пришел к нам и сказал: „Радуйтесь добыче, сюда приближается большой караван“. Мы посмотрели и ничего не увидели. „Мы не видим ни каравана, ни чего-либо другого“ — сказали мы. „Клянусь Аллахом“, ответил он, „я в самом деле вижу караван и впереди него двух лошадей с отметинами, у которых развеваются гривы“. Мы остались сидеть в засаде до вечера. Караван подошел к нам, и впереди него шли две лошади с отметинами. Тогда мы вышли и захватили караван“.

Салим-аль-Иджази рассказал мне еще следующее: „Однажды мы выступили в набег, и Али Абд ибн Абу-р-Райда поднялся на во вышенность, чтобы сторожить. Он заснул и не заметил, как его схватил один турок из турецкого отряда, который совершал набег. „Кто ты такой?“ спросил турок Али. „Я человек бедный“, ответил он, „я отдал в наем своего верблюда в караван одного купца; дай мне твою руку в знак того, что ты вернешь мне моего верблюда, если я приведу вас к каравану“. Предводитель турок дал ему свою руку и Али пошел впереди них, пока не привел их к нам в засаду. Мы бросились на них и забрали их. Али ухватился за того, кто был впереди него, и забрал его лошадь со всем снаря-

¹⁾ Халыф правил городом Апамеей в 1086—1106 г. с перерывами.

²⁾ „Голубоглазая в Йемене“ (Зарка аль Йемама)— легендарная героиня доисламской эпохи, предупредившая благодаря своему зрению обитателей г. Йемамы (в центральной Аравии) о движении врагов.

жением, а мы захватили у них богатую добычу. Когда Ибн Муля'иб был убит, Али Абд ибн Абу-р-Райда перешел на службу к франку Теофилу, властителю Кафартаба. Он делал вместе с франками набеги на мусульман и усиленно вредил им, грабил их и проливал их кровь и доходил до того, что обирал мусульманских путешественников на большой дороге. У него была жена в Кафартабе, который тогда принадлежал франкам. Она не одобряла его поступков и удерживала его от них, но он не подчинялся ей. Она послала за своим родственником из ремесленников. Я полагаю, что это был ее брат. Она скрывала его у себя дома до ночи, вместе с ним напала на своего мужа Алиа Абд ибн Абу-р-Райда; они убили его и забрали все ее имущество. На другой день она была у нас в Шейзаре и сказала нам: „Я рассердилась за мусульман из-за того, что делал с ними этот нечестивый“. Она избавила людей от этого дьявола, и мы были признательны ей за то, что она сделала. Она осталась у нас и пользовалась почетом и уважением.

Среди эмиров Мисра был человек по имени Нади-ас-Суляйхи. На его лице были два рубца, один шел от правой брови до корней волос на голове, а другой от левой брови тоже до корней волос. Я спросил его о них¹⁾. „Когда я был еще юношей, мы делали набеги“, сказал он, „из Аскалона, при чем я бывал пешком. Как-то раз я вышел на дорогу в Иерусалим, желая напасть на франкских паломников. Мы наткнулись на несколько человек, и среди них я встретил одного с копьем, сзади которого была его жена, державшая в руках деревянный ковш с водой. Этот человек ударил меня копьем, и один из этих рубцов—след от этого удара. Я тоже ударил его, убил его и направился к его жене. Она ударила меня деревянным ковшом по лицу и нанесла мне другую рану. Обе эти раны оставили следы на моем лице“.

Вот пример храбрости женщин: однажды несколько франкских паломников, совершив паломничество, вернулись в Рафанийю²⁾, которая в то время принадлежала им, и вышли оттуда, направляясь в Апамею. Ночью они сбились с дороги и пришли в Шейзар. Он не был тогда окружен стенами, и паломники, которых было около семисот—восемисот мужчин, женщин и детей, вошли в город. Войско же Шейзара тогда выступило оттуда с моими двумя дядями Изз-ад-дином Абу-ль

¹⁾ Усама, как говорилось в начале, был в Египте с 1144—1154 г. г.

²⁾ Рафанийя лежала в пределах графства Триполи, к западу от Хама и Хомса.

Асакиром Султаном и Фахр-ад-дином Абу Камилем Шафи, да помилует их обоих Аллах, чтобы встретить невест, двух сестер из рода Бену-Суфи в Алеппо, на которых они только что поженились. Мой отец, да помилует его Аллах, был в крепости. Кто-то из жителей вышел из города вечером по какому-то делу, увидел одного из франков, вернулся, взял свой меч и убил этого франка. В городе поднялся крик, и народ вышел на улицы. Франков убили и захватили женщин и детей, которые были с ними, серебро и вьючных животных. В Шейзаре жила женщина, жена одного из наших товарищей, которую звали Надра дочь Бузармата. Она вышла вместе с остальным народом, захватила одного франка и привела его к себе домой. Затем она вышла снова, забрала другого франка и тоже привела к себе. Выйдя еще в третий раз, она захватила опять одного франка, и у нее оказалось их трое. Она взяла у них то, что ей было удобно взять, а затем вышла из дома и позвала нескольких своих соседей, которые убили этих франков. Оба мои дяди с войском вернулись ночью в город. Множество франкских паломников обратилось в бегство, и жители Шейзара преследовали их и убили в окрестностях города. Лошади наших солдат спотыкались ночью о тела убитых, и всадники не знали, обо что они спотыкаются, пока один из них не сошел с лошади и не увидел тела во мраке. Это перепугало наших солдат, и они вообразили, что город был неожиданно захвачен, а на самом деле это была добыча, которую Аллах, да будет он возвеличен и прославлен, пригнал к нашим людям. В дом моего отца, да помилует его Аллах, было приведено несколько пленных франкских девушек, да проклянет их Аллах; они принадлежат к проклятой породе, непривыкающей ни к кому, кроме своих сородичей. Отец увидел среди них молодую красивую девушку и сказал своей домоправительнице: „Сведи эту девушку в баню, приведи в порядок ее платье и снаряди ее в путешествие“. Служанка так и сделала, а он вручил ее одному из своих слуг и отправил к эмиру Шихаб-ад-дину Малику ибн Салиму ибн Малику—властителю крепости Джа'бара¹⁾. Мой отец был ему другом и написал ему так: „Мы забрали у франков добычу, и я посылаю тебе часть ее“. Девушка пришлась по вкусу эмиру и очень понравилась ему. Он взял ее себе, и она родила ему сына, которого он назвал Бедран и назначил своим наследником. Когда Бедран вырос, и отец его умер, он стал упра-

¹⁾ Крепость Джа'бара была расположена на верхнем течении Евфрата между Балисом и ар-Раккой.

влять городом и народом, а в сущности его мать и приказывала и запрещала. Она подговорила нескольких человек и спустилась из крепости по веревке. Эти люди пошли с ней в Серудж, который тогда принадлежал франкам, и она там вышла замуж за одного франкского сапожника, тогда как ее сын был властителем крепости Джа'бара. Среди тех, кто был приведен в дом моего отца, находилась одна старуха, с которой была ее дочка, молодая женщина прекрасной внешности, и сын, крепкий человек. Сын принял ислам, и его вера была искренняя, как можно было видеть по его молитвам и посту. Он выучился точить мрамор у резчика мрамора, который облицовал дом моего отца. Когда он пробыл у нас долгое время, отец женил его на одной женщине из добродетельного семейства и предоставил ему все, в чем он нуждался для свадьбы и домашнего хозяйства. У него родились два сына, они выросли, и каждому исполнилось лет пять — шесть. Их отец Рауль только радовался на них. Однажды он взял с собой обоих детей, их мать и все, что было в доме, и на другой день был в Апамее у франков. Он принял опять христианство вместе со своими детьми, после ислама, молитвы и истинной веры. Пусть очистит от них Аллах великий мир.

46. Нравы фраков

Слава Творцу и Создателю. Всякий, кто хорошо понимает дела франков, будет возвеличивать Аллаха и прославлять его. Он увидит во франках только животных, обладающих достоинством доблести в сражениях и ничем больше, так же как и животные сбладают доблестью и храбростью при нападениях.

Я расскажу кое-что о делах франков и об их странном уме. В войсках короля Фулько сына Фулько¹⁾ был всадник, пользовавшийся большим почетом, который прибыл из их страны, совершая паломничество, и возвращался туда. Он подружился со мной, привязался ко мне и называл меня „брат мой“, между нами была большая дружба, и мы часто посещали друг друга. Когда он собрался возвращаться по морю в свою страну, он сказал мне: „О, брат мой, я отправляюсь в свою страну и хотел бы, чтобы ты послал со мной своего сына“. А мой сын был в это время при мне, и было ему от роду четырнадцать лет²⁾. „Пусть он посмотрит на

¹⁾ Фулько V, король Иерусалимский (1131—1142).

²⁾ Вероятно, Мурхаф, любимый сын Усамы, сопровождавший отца почти во всех его скитаниях (1126—1216).

наших рыцарей, научиться разуму и рыцарским обычаям. Когда он вернется, он станет настоящим умным человеком“. Мой слух поразили эти слова, которых не мог бы произнести разумный; ведь даже если бы мой сын попал в плен, плен не был бы для него тяжелее, чем поездка в страну франков. Я ответил моему другу: „Клянусь твоей жизнью, то же было и у меня в душе, но меня удерживает от этого лишь то, что его бабушка—моя мать—очень его любит и не позволила ему выехать со мной, пока не заставила поклясться привезти его к ней обратно“. „Значит, твоя мать еще жива?“—спросил франк. „Да“, сказал я. „Тогда не поступай против ее желания“, сказал он.

Вот один из удивительных примеров врачевания у франков: властитель аль-Мунайтыры¹⁾ написал письмо моему дяде, прося прислать врача, чтобы вылечить несколько больных его товарищей. Дядя прислал к нему врача-христианина, которого звали Сабит. Не прошло и двадцати дней, как он вернулся обратно. „Как ты скоро вылечил больных“, сказали мы ему. „Они привели ко мне рыцаря“, рассказал нам врач, „на ноге у которого образовался нарыв, и женщину, больную сухоткой. Я положил рыцарю маленький компресс, и его нарыв вскрылся и стал заживать. Женщину я велел разогреть и увлажнить диетой ее состав²⁾. К этим больным пришел франкский врач и сказал: „Этот ничего не понимает в лечении. Как ты предпочитаешь“, спросил он рыцаря, „жить с одной ногой или умереть с обеими?“ „Я хочу жить с одной ногой“, отвечал рыцарь. „Приведите мне сильного рыцаря“, сказал врач, „и принесите острый топор“. Рыцарь явился с топором, и я присутствовал при этом. Врач положил ногу больного на бревно и сказал рыцарю: „Ударь по его ноге топором и отруби ее одним ударом.“ Рыцарь нанес удар на моих глазах, но не отрубил ноги, тогда он ударил ее второй раз, мозг из костей ноги вытек, и он тотчас же умер. Тогда врач взглянул на женщину и сказал: „В голове этой женщины дьявол, который влюбился в нее, обрейте ей голову“. Женщину обрили, и она снова стала есть обычную пищу франков—чеснок и горчицу. Ее сухотка усилилась, и врач говорил: „Дьявол вошел ей в голову“. Он схватил бритву, надрезал ей кожу на голове

¹⁾ Аль-Мунайтыра — крепость на Ливане, принадлежавшая графству Триполи.

²⁾ По теории арабской медицины, болезни происходят от преобладания сухих или влажных, горячих или холодных элементов в человеческом организме („в его составе“, как говорят арабы). Задача врача состоит в приведении их к равновесию.

крестом и сорвал ей с середины головы столько, что стали видны черепные кости. Затем он натер ей голову солью, и она тут же умерла. Я спросил их: „Нужен ли я вам еще?“ Они сказали—нет,—тогда я ушел, научившись из их врачевания кой-чему такому, чего не знал раньше.

Я был свидетелем совершенно противоположного случая врачевания: у франкского короля¹⁾ был казначей из рыцарей по имени Барнад²⁾, да проклянет его Аллах, один из самых проклятых и отвратительных франков. Лошадь лягнула его в ногу, с ногой приключилась какая-то болезнь, и на ней образовались раны в четырнадцать местах. И как только рана закрывалась в одном месте, она открывалась в другом. Я молил Аллаха, чтобы он погиб, но к нему пришел франкский врач, который снял с его ноги пластыри и стал обливать ее крепким уксусом. Его раны затянулись, больной выздоровел и стал, как дьявол.

Еще удивительный пример их врачевания: у нас в Шейзаре был ремесленник по имени Абу-ль-Фатх, у его сына образовалась на шее свинка, и каждый раз, когда болячка проходила в одном месте, она открывалась в другом; Абу-ль-Фатх поехал в Антиохию по какому-то делу и взял сына с собой. Один франк, увидев его, спросил о нем, и Абу-ль-Фатх ответил: „Это мой сын“. „Поклянись мне твоей верой“, сказал ему франк, „что если я опишу тебе лекарство, которое вылечит его, ты не будешь брать ни с кого платы за лечение этим лекарством. В таком случае я укажу тебе лекарство, которое его вылечит“. Абу-ль-Фатх поклялся в этом, и рыцарь сказал ему: „Возьми нетертой соды, вскипяти ее и смешай с прованским маслом и крепким уксусом и смажь этой смесью твоего сына, пока больное место не впитает ее в себя. Затем, возьми расплавленного олова, прибавь к нему жира и также помажь им болячки. Это лекарство вылечит твоего сына“. Абу-ль-Фатх намазал своего сына этим составом, и тот выздоровел. Болячки закрылись, и он стал таким же здоровым, как и прежде. Я советовал применять это лекарство всякому, кто заболел такой болезнью. Оно приносило пользу, и страдания больных прекращались.

Все франки, лишь недавно переселившиеся из франкских областей на восток, отличаются более грубыми нравами, чем те, которые обосновывались здесь и общались с мусульманами. Вот пример грубости франков, да обезобразит их Аллах:

¹⁾ Вероятно, упоминавшегося выше Фулько V.

²⁾ Быть может, в этой передаче кроется европейское имя Бернард.

однажды, когда я посетил Иерусалим, я вошел в мечеть аль-Акса¹⁾; рядом с мечетью была еще маленькая мечеть, которую франки сделали церковью. Когда я вошел в мечеть, там жили храмовники—мои друзья. Они предоставили мне маленькую мечеть, чтобы я в ней мог молиться. Однажды я вошел туда, произнес „Аллах велик“ и начал молиться. Один франк ворвался ко мне, схватил меня и повернул лицом к востоку. Он крикнул мне: „Молись так!“ К нему бросилось несколько человек храмовников и оттащили его от меня; я снова вернулся к своей молитве, но этот же самый франк ускользнул от храмовников и снова бросился на меня. Он повернул меня лицом к востоку и крикнул: „Молись вот так!“ Храмовники опять вбежали в мечеть и оттащили франка. Они извинились передо мной и сказали: „Это чужестранец, он приехал на этих днях из франкских земель и никогда не видал, чтобы ктонибудь молился иначе, как на восток“. „Довольно мне молиться“, ответил я и вышел из мечети. Меня очень удивило лицо этого дьявола, его дрожь и то, что с ним случилось, когда он увидел молящегося по направлению к югу²⁾.

Я видел, как один франк пришел к эмиру Муин-ад-дину³⁾, да помилует его Аллах, когда тот был в ас-Сахра⁴⁾, и сказал: „Хочешь ты видеть Бога ребенком?“ „Да“, сказал Муин-ад-дин. Франк пошел впереди нас и показал нам изображение Мариам, на коленях Которой сидел Маленький Мессия, да будет над Ним мир. „Вот Бог, когда он был ребенком“, сказал франк. Да будет превознесен великий Аллах над тем, что говорят нечестивые, на великую высоту!

У франков нет никакого самолюбия и ревности. Бывает, что франк идет со своей женой по улице: его встречает другой человек, он берет его жену за руку, отходит с ней в сторону и начинает разговаривать, а муж стоит в сторонке и ждет, пока она кончит разговор. Если же разговор затянется, муж оставляет ее с собеседником и уходит.

Я был свидетелем следующего случая: когда я приезжал в Набулюс⁵⁾, я останавливался в доме одного человека по имени

¹⁾ Мечеть, построенная на месте Соломонова храма, напротив так называемой Омаровой мечети.

²⁾ То-есть в сторону Мекки, как это требуется мусульманским ритуалом.

³⁾ Муин-ад-дин Анар—везирь дамасских буридов, покровитель Усамы.

⁴⁾ Ас-Сахра (точнее Кубет ас-Сахра—купол скалы), так называемая Омарова мечеть, воздвигнутая на том месте, где по преданию была гора Мориа. В эпоху крестоносцев она была превращена в христианский храм.

⁵⁾ Набулюс (греческ. Неапсис)—библейский Сихем в Самарии у подножия горы Гаризим.

Му'изз, у которого жили все мусульмане. В этом доме были окна, выходящие на дорогу, а напротив, на другой стороне улицы, стоял дом одного франка, продававшего купцам вино. Он наливал вино в бутылку и кричал: „Такой-то купец открыл бочку такого-то вина, и кто хочет получить его, пусть придет в такое-то место, и я предоставлю ему такое вино, как в этой бутылке!“ Однажды торговец вернулся домой и нашел в своей постели человека, который лежал рядом с его женой. „Почему ты около моей жены?“ спросил он у него. „Я был утомлен“, ответил незнакомец, „и зашел сюда отдохнуть“. „Как ты оказался в моей постели?“ продолжал торговец. „Я увидел, что постель постлана“, ответил человек, „и лег на нее“. „Но жена ведь лежит с тобой!“ воскликнул торговец. „Ведь постель принадлежит ей“, ответил человек, „разве я мог согнать ее с ее собственной постели?“ „Клянусь истиной моей веры!“ воскликнул франк, „если ты еще раз сделаешь это, мы с тобой поссоримся!“ Так проявилось его недовольство и высшая степень ревности.

Еще пример: у нас был один банщик из жителей ал-Маарры¹⁾ по имени Салим, который служил в банях моего отца, да помилует его Аллах. Салим рассказал мне: „Я открыл в аль-Маарре баню, чтобы жить доходами от нее. Однажды в баню пришел франкский рыцарь, а они не одобряют тех, кто, находясь в бане, опоясывается покрывалом. Он протянул свою руку, сорвал мое покрывало с пояса и отбросил его. Он увидел меня целиком, а я недавно обрил себе волосы на лобке. „Салим“, крикнул мне франк. Я подошел к нему, и он протянул руку к обриту месту. „Салим замечателен!“ воскликнул он, „клянусь истиной моей веры, сделай со мной то же самое“. И лег на спину, а у него на этом месте была точно вторая борода. Я обрил его. Он провел по этому месту рукой, погладил его и сказал мне: „О Салим, заклинаю тебя истиной твоей веры, сделай тоже с аль-дамой“, а аль-дама значит на их языке госпожа. Он имел в виду свою жену. „Скажи аль-даме, чтобы она пришла“, крикнул он слуге. Тот пошел и привел его жену. Она легла на спину. „Сделай с ней то же, что ты сделал со мной“, сказал рыцарь. Я брил ей эти волосы, а муж сидел и смотрел на меня. Затем он поблагодарил меня и дал мне денег за мою услугу.

Посмотрите на это великое противоречие: у них нет ревности, ни самолюбия, но они отличаются великой доблестью,

¹⁾ Аль-Маарра или Мааррат-ан-Ну'ман—город в области Алеппо по дороге в Хама.

а разве доблесть не происходит от самолюбия и страха беславия?

Вот случай, похожий на этот: Однажды, будучи в городе Тире¹⁾, я вошел в баню и сел там в отдельную комнату. Один из моих слуг сказал мне: „С нами в бане есть женщина“. Когда я вошел в общую залу и сел на каменную скамейку, вдруг вышла та женщина, которая была в бане, и встала напротив меня. Она уже оделась и стояла вместе со своим отцом. Я не был уверен, что это женщина, и сказал одному из своих товарищей: „Ради Аллаха, посмотри, женщина ли это? Я хочу, чтобы ты осведомился о ней“. Он пошел на моих глазах и поднял подол ее платья. Ее отец обернулся ко мне и сказал: „Это моя дочь. Мать у нее умерла, и ей некому вымыть голову. Я привел ее с собой в баню и вымыл ей голову сам“. „Ты хорошо сделал“, сказал я, „за это будет тебе небесная награда“.

Еще удивительный случай врачевания у франков рассказал нам Кильям Дабур²⁾—властитель Табарии³⁾. Он был предводитель франков. Случилось, что он провожал эмира Муин-ад-дина, да помилует его Аллах, из Акки⁴⁾ в Табарию, и я был с ними. По пути он рассказал нам следующее: „В нашей стране был один очень сильный рыцарь. Он заболел и был близок к смерти. Мы отправились к самому главному из наших священников и сказали ему: „Пойди с нами взглянуть на такого-то рыцаря“. Он сказал: „хорошо“, и отправился с нами. Мы были уверены, что когда он положит на больного руку, тот выздоровеет. Когда священник увидел его, он сказал: „дайте мне воску“. Мы принесли ему немного, он смял его, сделал из него шарики такой толщины, как суставы пальцев, и сунул каждый в ноздри рыцаря, и тот умер. „Он умер“, сказали мы. „Да“, ответил священник, „он страдал, и я заткнул ему нос, чтобы он умер и успокоился“.

„Брось это и поговори снова о Хариме!“⁵⁾

Обратимся от рассказа об их привычках к чему-нибудь другому. Я присутствовал в Табарии при одном из франкских

¹⁾ Тир (арабск. Сур)—известный город на Средиземном море, где Усама бывал, вероятно, во время своей жизни в Дамаске (1138—1144).

²⁾ В арабской форме имени кроется, вероятно, Гильом де Бури, бывший около этого времени правителем Тивериады.

³⁾ Табария—библейская Тивериада на берегу Генисаретского озера.

⁴⁾ Акка (Сен Жан д'Аакр)—город на побережье Средиземного моря, к югу от горы Кармель.

⁵⁾ Полустиише из большого стихотворения знаменитого доисламского поэта Зухейра, в котором он прославлял Харима, миротворца двух враждовавших арабских племен; впоследствии обратилось в поговорку для обозначения перехода к другой теме.

праздников. Рыцари выехали из города, чтоб поиграть копьями. С ними вышли две дряхлые старухи, которых они поставили на конце площади, а на другом конце поместили кабана, которого связали и бросили на скалу. Рыцари заставили старух бежать на перегонки. С каждой из этих старух двигалось несколько всадников, которые ставили им препятствия. Старухи подымались и падали на каждом шагу, а рыцари хохотали. Наконец, одна из них обогнала другую и взяла этого кабана в награду.

Однажды в Набулюсе я был свидетелем того, как привели двух франков для единоборства. Причина была та, что мусульманские разбойники захватили одну деревню около Набулюса. Франки заподозрили одного из крестьян и сказали: „Это он привел разбойников в деревню“. Крестьянин убежал; король¹⁾ послал схватить его детей. Тогда он вернулся и сказал королю. „Будь ко мне справедлив и позволь мне сразиться с тем, кто сказал про меня, что я привел разбойников в деревню“. Тогда король приказал владельцу разграбленной деревни: „Приведи кого-нибудь, кто сразится с ним“. Тот отправился в свою деревню, где был один кузнец, которого он взял и сказал: „Ты будешь сражаться на поединке“. Ограбленный хозяин старался уберечь своих крестьян, чтобы ни одного из них не убили, и хозяйство его не пропало бы. Я видел этого кузнеца; это был сильный юноша, но когда он шел, то часто останавливался, садился и просил чего-нибудь выпить. Другой же, который требовал поединка, был старик с твердой душой. Он декламировал воинственные стихи и не думал о поединке. Виконт²⁾, — губернатор города, пришел на место битвы и дал каждому из сражавшихся палку и щит, а народ встал вокруг них, и они бросились друг на друга. Старик теснил кузнеца, а тот отступал, пока не оказался прижатым к толпе. Потом старик возвращался в середину круга, и они бились до того, что стали похожи на окровавленные столбы. Дело затянулось, и виконт торопил их. Он кричал „Скорее!“ Кузнецу помогло то, что он привык работать молотом. Старик устал, и кузнец ударил его. Старик упал спиной на свою палку, а кузнец стал над ним на колени, чтобы вырвать ему пальцами глаза, но не мог этого сделать, потому что у него из глаз текло много крови. Тогда он поднялся и так ударил его палкой по голове, что убил. На шею старика сейчас же набросили веревку, потащили и повесили.

¹⁾ Вероятно, Фулько V, король Иерусалимский (1131—1142).

²⁾ В арабском тексте транскрипция европейского титула.

Хозяин этого кузнеца подарил ему поместье, посадил сзади себя на седло, взял с собой и уехал. Вот пример законов и суда франков, да проклянет их Аллах!

Однажды я отправился с эмиром Муин-ад-дином, да помилует его Аллах, в Иерусалим. По пути мы остановились в Набулюсе. Там к Муин-ад-дину пришел один слепой юноша-мусульманин, хорошо одетый. Он принес Муин-ад-дину фрукты и попросил разрешения поступить к нему на службу в Дамаске. Муин-ад-дин позволил ему, а я расспросил об этом юноше, и мне рассказали, что его мать была выдана замуж за франка и убила своего мужа. Ее сын заманивал хитростью франкских паломников и убивал их с помощью матери. В конце концов, его заподозрили в этом и применили к нему франкский способ суда. Они поставили громадную бочку, наполнили ее водой и укрепили над ней деревянную перекладину. Затем, подозреваемый был схвачен, его привязали за плечи к этой перекладине и бросили в бочку. Если бы этот человек был невиновен, он погрузился бы в воду, и его подняли бы с помощью этой веревки, и он не умер бы в воде. Если же он согрешил в чем-нибудь, то он не мог бы погрузиться в воду. Когда этого юношу бросили в воду, он старался нырнуть, но не мог, и они его осудили, да проклянет их Аллах, и выжгли ему глаза. Этот человек прибыл потом в Дамаск, и эмир Муин-ад-дин, да помилует его Аллах, снабдил его всем необходимым. Эмир сказал одному из своих слуг: „Сведи этого человека к Бурхан-ад-дину ал-Бальхи, да помилует его Аллах, и скажи ему, чтобы он приказал кому-нибудь научить его чтению Корана и кой-чему из законов“. Слепец сказал тогда Муин-ад-дину: „Победа и одоление! Я думал не это“. „На что же ты рассчитывал от меня?“ — спросил эмир. „Что ты дашь мне лошадь, мула и оружие“, ответил юноша, „и сделаешь меня всадником“. „Я никогда не думал, что слепые могут сделаться всадниками“, ответил эмир.

Многие франки обосновались в наших землях и подружись с мусульманами. Эти франки гораздо лучше тех, кто недавно приехал из франкских стран, но они исключение, по которому нельзя судить вообще. Вот пример: Однажды я послал своего товарища в Антиохию по делу. Главарем там был Теодор ибн ас-Сафи, с которым у меня была большая дружба. Он пользовался в Антиохии сильным влиянием. Однажды он сказал моему товарищу: „Один из моих франкских друзей пригласил меня к себе, ты пойдешь со мной, чтобы посмотреть на их обычаи“. „Я пошел с ним“, рассказывал мой товарищ, „и мы вошли в дом одного рыцаря. Это был один из старо-

жилов, которые прибыли сюда во время первых походов франков¹⁾. Его освободили от канцелярской и военной службы; у него были в Антиохии владения, доходами с которых он жил. Нам принесли прекрасно накрытый стол, чисто и хорошо приготовленные кушанья. Рыцарь увидел, что я воздерживаюсь от еды, и сказал мне: „Ешь, ублаготвори свою душу; я сам не ем ничего из франкских кушаний и держу египетских кухарок, я ем только то, что ими приготовлено, и в моем доме не бывает свиного мяса“. Я стал есть, но был осторожен, а потом мы ушли. Однажды я проходил по рынку, и ко мне привязалась какая-то франкская женщина. Она что-то бормотала на их языке, и я не понимал, что она говорит. Вокруг нас собралась толпа франков, и я убедился в своей гибели. Вдруг приблизился этот самый рыцарь. Он увидел меня, подошел ко мне и сказал, обращаясь к женщине: „Что у тебя с этим мусульманином?“ „Этот человек убил моего брата Урса!“ — воскликнула она, а этот Урс был рыцарь в Апамее²⁾, которого убил кто-то из войска Хама. Рыцарь закричал на нее и сказал: „Этот человек из „бурга“³⁾, т. е. купец. Он не сражается и не принимает участия в бою“. Он крикнул на собравшихся, и те рассеялись; тогда рыцарь взял меня за руку и пошел со мной. Мое спасение от смерти было следствием того, что я у него поел.

47. Трусливые храбрецы

Удивительная особенность человеческих сердец та, что человек погружается в пучины и идет навстречу величайшим опасностям и его сердце не пугается, но этот же человек боится того, чего не боятся дети или женщины. Я видел это у моего дяди Изз-ад-дина Абу-ль-Асакир Султана⁴⁾, да помилует его Аллах, который был одним из самых храбрых в своем роду. Он участвовал в знаменитых походах и прославился памятными ударами копья. Когда же он видел мышь, то менялся в лице, им овладевала при виде ее как бы дрожь, и он уходил с того места, где видел мышь. Среди его слуг был один храбрый человек, знаменитый своей доблестью и

¹⁾ Вероятно, речь идет о первом крестовом походе, двинувшемся из Европы в 1096 году.

²⁾ Апамея — город в 20 километрах к северу от Шейзара, принадлежавший франкам.

³⁾ В арабском тексте стоит „аль-бурджаси“ — вероятно, транскрипция какого-нибудь средневекового термина (м. б. *burgensis*).

⁴⁾ Правитель Шейзара с 1098 г.

бесстрашием, по имени Сандук. Он до того пугался змей, что точно сходил с ума. Мой отец, да помилует его Аллах, сказал ему, когда он стоял перед моим дядей: „О, Сандук, ты человек хороший, известный своей доблестью, не стыдно ли тебе пугаться змей?“ „О, господин мой“, ответил он, „что ж тут удивительного? В Хомсе есть доблестный человек, герой из героев, который чуть не до смерти боится мышей“. Он имел в виду своего хозяина, и мой дядя, да помилует его Аллах, закричал на него: „Пусть обезобразит тебя Аллах, ах ты такой-сякой!“

Я видел одного невольника моего отца, да помилует его Аллах, по имени Лулу; это был замечательно бесстрашный человек. Однажды ночью я выехал из Шейзара, взяв с собой много мулов и вьючных животных, чтобы привезти с гор лесу, который я там нарубил для оросительной машины¹⁾. Мы вышли из окрестностей Шейзара, думая, что рассвет уже близок, но прибыли в деревню Дубейс еще до наступления полуночи. „Спешивайтесь“, сказал я товарищам, „мы не пойдем в горы ночью“. Когда мы спешили и расположились отдыхать, вдруг услышали ржание лошади. Это франки! — воскликнули мы и стали садиться в темноте на лошадей. Я говорил себе, что убью одного из франков и захвачу его лошадь, а они заберут наших вьючных животных и людей, которые их вели. Я сказал Лулу и еще трем слугам: „Поезжайте вперед, разведайте, что это за ржание“. Они поскакали вперед и встретили всадников, которых было очень много. Лулу двинулся к всадникам и крикнул: „Говорите, а не то я вас всех перебью“, а он отлично стрелял из лука; встречные узнали его голос и сказали: „Это хаджиб Лулу“. „Да“, ответил Лулу. Оказалось, что это войско Хама с эмиром Сейф-ад-дином Суваром²⁾, да помилует его Аллах. Они возвращались после набега на франкские области. Такова была храбрость Лулу перед такой толпой, а когда он видел у себя в доме змею, то бегом выходил оттуда и говорил своей жене: „Возьмись уж ты за змею“. И жена его шла на змею и убивала ее.

48. Несчастные случаи

Всякого воина, будь он подобен льву, может погубить и ослабить ничтожное препятствие, как произошло со мной у

¹⁾ Вся область города Хама до сих пор славится своими оросительными машинами в форме колес громадных размеров (араб. на'ура, откуда европейск. нория), иногда достигающих вышины нескольких этажей.

²⁾ Наместник атабека Зенги в Алеппо. Набег его на франкские области, о котором, повидимому, идет речь, относится к 1136 г.

Хомса. Я вышел в бой, мою лошадь убили, и я получил пятьдесят ударов мечом. Это случилось во исполнение воли Аллаха и благодаря небрежности моего стремянного при укреплении поводьев лошади. Он привязал повод к кольцам, но не продел его через них, и когда я потянул за узду, желая уйти от врагов, узел поводьев развязался, и меня постигло то, что постигло.

Однажды мы слышали в Шейзаре крик глашатая с юга. Мы перепугались и надели доспехи, но тревога оказалась ложной. Мой дядя и отец, да помилует их обоих Аллах, поехали вперед, а я остановился поодаль от них. Вдруг донесся крик с севера со стороны франков. Я пустил свою лошадь галопом по направлению глашатая и увидел, что люди переходят брод, сидя верхом друг на друге. „Франки!“ кричали они. Я тоже перешел через брод и сказал солдатам: „Не бойтесь, я впереди вас!“ Затем я галопом поднялся на холм Карматов и вдруг увидел франкских всадников, приближавшихся в большом числе. Из их рядов выступил всадник, одетый в кольчугу и шлем, и стал приближаться ко мне. Я двинулся на него, чтобы воспользоваться его удалением от товарищей. Всадник подехал ко мне совсем близко, но когда я двинулся к нему свою лошадь, у меня лопнуло стремя. Я уже не мог избежать встречи с этим всадником и поднялся на седле без стремени. Когда мы сехали и нам оставалось только начать бой, всадник вдруг почтительно меня приветствовал. Оказалось, что это начальник Омар, дядя начальника Зейн-ад-дина Исмаила ибн Омара ибн Бахтияра¹⁾. Он участвовал в набеге войск Хама на Кафартаб, но франки напали на мусульман, и те обратились в бегство и вернулись в Шейзар, куда еще раньше их прибыл эмир Сувар, да помилует его Аллах.

Человеку военному приходится осматривать упряжь своей лошади, так как самая незначительная и мелкая вещь в ней может принести вред и погубить; но все это связано с тем, что пошлет воля Аллаха и его приговор.

Я участвовал в сражениях со львами и в стольких облавах, что мне их не перечесть, и убил такое количество львов, что никто не сравняется со мной в этом, но мне не было от них никакого вреда. Однажды я выехал на охоту с отцом, да помилует его Аллах; мы направились в горы, расположенные близ Шейзара, чтобы поохотиться там с соколами на куро-паток. Отец вместе с нами и сокольничими стоял у подножья горы, чтобы отбирать дичь у соколов и наблюдать за кустами.

¹⁾ Оба эти лица из истории ближе неизвестны.

Вдруг на нас выскочила гиена. Она вошла в пещеру, где была скалистая нора, и залегла в ней. Я кликнул своего стремянного, которого звали Юсуф. Он снял свое платье, взял в руку нож и вошел в эту пещеру. Я стоял лицом к ней с копьем в руке, чтобы ударить гиену, когда она выйдет из норы. Вдруг слуга закричал: „Берегитесь, она выскочила к вам!“ Я ударил копьем, но промахнулся, так как у гиены очень тонкое туловище. „У меня другая гиена!“ крикнул слуга. Она убежала по следам первой мимо меня. Я опять остановился у входа в пещеру. Вход был узок, и пещера возвышалась над землей на два человеческих роста. Я хотел посмотреть, что сделают наши товарищи, бывшие в долине, с гиенами, которые к ним спустились. Но тут на меня выскочила третья гиена, а я был занят тем, что смотрел на первых двух. Гиена опрокинула меня и сбросила с площадки у входа в долину под пещерой. Она едва не переломала мне кости, и, таким образом, я пострадал от гиены, хотя мне не принесли вреда даже львы. Да будет же слава Вершителю судеб и Первопричине всех причин.

Я видел у некоторых людей такую душевную слабость и робость, которую не предположил бы даже у женщин. Однажды, например, я стоял у входа в дом моего отца, да помилует его Аллах. Я был еще мальчиком, и мне не исполнилось и десяти лет. Один из слуг моего отца, по имени Мухаммед-ал-Аджами, ударил по лицу одного мальчика, прислуживавшего в доме. Тот бросился бежать от него и уцепился за мое платье. Мухаммед догнал мальчика и еще раз ударил его, когда он уцепился за мое платье. Тогда я ударил Мухаммеда тростью, бывшей у меня в руке, но Мухаммед оттолкнул меня от себя. Я выхватил из за пазухи нож и ударил им Мухаммеда. Нож попал ему в левый сосок, и он упал. К нам подошел старый слуга моего отца, которого звали аль-Каид Асад. Он остановился над Мухаммедом и осмотрел его рану. Когда он пришел в себя, из его раны полилась кровь, пузырясь, как вода. Мухаммед пожелтел, задрожал и лишился сознания. Его снесли в его дом в таком положении, а он жил вместе с нами в крепости. Мухаммед не оправился от обморока до конца дня и тогда же умер от этой раны, и его похоронили.

Вот еще близкий к этому случай: нас в Шейзаре посещал один житель Алеппо, человек достойный и образованный. Он играл в шахматы у доски и отойдя от нее. Его звали Абу-ль-Мурадджа Салим ибн Канит, да помилует его Аллах. Он жил у нас по году, и больше, и меньше. Ему случалось захворать, и врач прописывал ему кровопускание. Когда приходил цырюльник, Абу-ль-Мурадджа бледнел и начинал дрожать, а

когда ему пускали кровь, он терял сознание и приходил в себя только после того, как ему перевязывали надрез. Потом он поправлялся.

49. Твердость духа

Вот пример противоположного: среди наших товарищей был один негр из племени Бену-Кинана, которого звали Али ибн Фарадж. У него на ноге сделался нарыв, пальцы ноги загнили и стали разлагаться, и даже нога начала дурно пахнуть. Хирург сказал ему: „Твою ногу остается только отнять, иначе ты погибнешь“. Он взял пилу и стал пилить Али ногу. Али так ослаб от потери крови, что лишился сознания. Когда он пришел в себя, хирург снова стал пилить ему ногу, пока не отпилил ее в середине голени. Он залечил ногу, и она поправилась. Али, да помилует его Аллах, был одним из самых громадных и сильных людей. Он садился на седло с одним стремением, а с другой стороны был ремень, поддерживавший его колено. Он участвовал в сражениях и бился копьями с франками в таком положении. Я видел его, да помилует его Аллах, в это время, и ни один человек не мог им овладеть ни хитростью, ни силой. Несмотря на свою силу и доблесть, он отличался легким характером. Однажды утром он был в нашей крепости аль-Джиср¹⁾, где жил вместе с Бену-Кинана. Он послал к нескольким знатым кинанитам сказать им: „Сегодня дождливый день, а у меня осталось немного вина и пищи. Сделайте мне милость, приходите ко мне попить вместе“. Кинаниты собрались у него, а он сел в дверях своего дома и сказал: „Есть кто-нибудь среди вас, кто может выйти из двери, если я не захочу этого?“. Он намекал на свою силу. „Клянемся Аллахом, нет“, ответили ему. „Сегодня дождливый день“, продолжал он, „а у меня в доме с утра нет ни муки, ни хлеба, ни вина. У всякого же из вас есть в доме то, в чем он нуждается, на один день. Пошлите к себе домой и принесите свое кушанье и свое вино, а я предоставлю дом. Тогда мы сегодня проведем вместе, выпьем и поговорим“. „Как ты хорошо придумал, о, Абу-ль-Хасан“, ответили все собравшиеся. Они послали к себе домой, велели принести все, что там было из кушаний и напитков, и окончили свой день у Али, который пользовался у них почетом. Да будет слава Тому, Кто сотворил своих тварей в разных образах! Как далека твердость и душевная сила этого от робости и слабости души у тех!

¹⁾ Неоднократно упоминавшееся предмостное укрепление, которое охраняло переправу через Оронт к Шейзару.

Нечто похожее рассказал мне один из кинанитов в крепости аль-Джиср. У одного из жителей крепости сделалась тодянка. Он вскрыл себе живот, поправился и стал снова таким же здоровым, как был. „Я хотел бы посмотреть на него и расспросить его“, сказал я. А тот, кто рассказал мне это, был кинанит по имени Ахмед ибн Ма'бад ибн Ахмед. Он привел мне этого человека, и я расспросил его о его положении и о том, как он с собой поступил. Он ответил: „Я человек нищий и одинокий, мое туловище распухло от водянки и увеличилось до такой степени, что я уже не мог двигаться и почувствовал отвращение к жизни. Я взял бритву и ударил ею себя по животу выше пупка и вскрыл живот. Оттуда вышло две кастрюли или два котла воды. Вода продолжала выделяться из моего туловища, пока живот не похудел. Тогда я зашил и залечил рану. Она зажила, и моя болезнь миновала“. Он показал мне место разреза на своем животе, которое было шире, чем пядь. Без сомнения, этому человеку на земле был дарован полный удел, я видел ведь другого водяночного, которому врач вскрыл живот. Из него вышло столько же воды, сколько вышло из тела того, кто сам себя вскрыл, но только он умер от этой операции. Поистине, судьба надежная крепость!

50. Помощь Аллаха

Победа на войне от Аллаха, да будет он благословен и превознесен, а не от распоряжков и планов, не от количества людей и помощников. Когда мой дядя, да помилует его Аллах, посылал меня на бой с турками или франками, я говорил ему: „О, господин мой, дай мне указания, как управляться, когда я встречу врага“. Но дядя отвечал мне: „О, сынок, война сама управляет собой“. И он был прав. Однажды он приказал мне взять с собой его детей и жену, „госпожу“, дочь Тадж-ад-даули Тутуша¹⁾ и отряд войска и доставить их в крепость Масьяс²⁾, которая принадлежала тогда ему. Из нежности к ним, дядя хотел избавить их от жаров Шейзара. Я сел на коня, а отец и дядя, да помилует их обоих Аллах, проводили нас на некоторое расстояние и вернулись. С ними не было никого, кроме маленьких невольников, которые вели на по-

¹⁾ Тутуш, брат сельдужкского султана Мелик-Шаха, правил от его имени в Алеппо (1094—1095).

²⁾ Крепость Масьяс лежала к юго-западу от Хама на границе с графством Триполи.

воду лошадей и несли оружие, а все войска были со мной. Когда отец и дядя приблизились к городу, они услышали бой крепостного барабана. „В крепости аль-Джиср что-то случилось“, сказали они. Они погнали своих лошадей и осторожно поехали рысью к крепости. Между нами и франками, да проклянет их Аллах, было перемирие, но они послали вперед человека, который показал им брод, чтобы переправиться к городку аль-Джиср. Поселок был на полуострове, и к нему нельзя было добраться иначе, как по сводчатому мосту, построенному из камня и извести. Франки не могли бы подойти к мосту, но этот шпион указал им брод, и они все выехали из Апамен¹⁾ и утром были у того места, которое он им указал. Они переправились через реку, овладели городом, разграбили его, захватили пленных и многих убили. Они послали часть добычи и пленных в Апамен и заняли наши дома. Каждый из франков укрепил на доме, чтобы отметить его, свой крест и воткнул перед домом знамя. Когда мой отец и дядя, да помилует их обоих Аллах, приблизились к крепости, жители ее вознесли хвалу Аллаху и закричали. Аллах, да будет ему слава, наслал на франков страх и смятение. Они забыли, в каком месте переправились через реку, и бросились на лошадях в воду, одетые в кольчуги, но не там, где был брод, и очень многие из них потонули. Всадники, нырнув в реку, падали с седла и погружались в воду. Лошади же выплывали на поверхность. Те из франков, которым удалось спастись, бросились в бегство, не заботясь один о другом. Они были в большом числе, а с отцом и дядей было десять маленьких невольников. Мой дядя остался в крепости аль-Джиср, а отец вернулся в Шейзар. Я доставил детей моего дяди в Масьяс и в тот же день поехал обратно. К вечеру я был уже в Шейзаре, и мне рассказали все, что случилось. Я явился к отцу, да помилует его Аллах, и спросил у него совета: должен ли я тотчас же отправиться к моему дяде в крепость аль-Джиср. „Ты приедешь ночью“, сказал отец, „и они все будут спать. Лучше поезжай к ним с утра“. На другое утро я отправился в путь и прибыл к дяде. Мы выехали верхом к тому месту, где потонули франки. В реку спустилось несколько пловцов и вытащили из воды много мертвых франкских рыцарей. „О, господин мой“, сказал я моему дяде, „не отрубить ли нам головы у них и не послать ли в Шейзар?“ „Сделай так“, сказал дядя. Мы отрубили около двадцати голов; из них так текла кровь,

¹⁾ Апамен—ближайший к Шейзару пункт, занятый в эту эпоху крестоносцами.

как будто они только что были убиты, хотя уже прошел целый день и ночь. Я думаю, что вода сохранила в них кровь. Наши люди захватили много всякого оружия, кольчуг, мечей, копий, шлемов и ножных панцирей.

Я видел одного из крестьян аль-Джисра, когда он пришел к моему дяде. Он держал руку под платьем, и дядя сказал ему в шутку: „Что ты мне предназначаешь из добычи?“ „Я приготовил тебе лошадь со всем снаряжением“, ответил крестьянин, „кольчугу, щит и меч“. Он пошел и принес все это. Дядя взял снаряжение, а самую лошадь отдал крестьянину и спросил его: „Что с твоей рукой?“ „О, господин мой“, ответил крестьянин, „я схватился с одним франком, но у меня не было ни доспехов, ни меча. Я опрокинул его и так ударил франка в лицо, покрытое стальным забралом, что ошеломил его. Тогда я взял его же меч и убил его им. Кожа на моих пальцах полопалась, и рука так вспухла, что я не могу ею пользоваться“. Он показал нам свою руку; она действительно была такова, как он говорил, и кости его пальцев обнажались.

В войске крепости аль-Джиср был курд, которого звали Абу-ль-Хабаш. У него была дочь по имени Раффуль, которую франки захватили в плен. Он не переставал вздыхать о ней и говорил каждому встречному: „Раффуль попала в плен“. На утро мы выехали, направляясь к реке. У одного из берегов на воде мы увидели что-то черное. Мы сказали одному из слуг: „Поплыви, посмотри, что это за чернота“. Слуга поплыл туда, и вдруг оказалось, что этот черный предмет—тело Раффуль, одетое в синее платье. Она бросилась в воду с лошади того франка, который захватил ее, и утонула, а ее платье зацепилось за куст ивы. Скорбь ее отца Абу-ль-Хабаша утихла.

Крик, который поднялся среди франков, их бегство и гибель произошли по милости Аллаха, да будет он возвеличен и прославлен, а не из-за силы противника или их войска. Да будет благословен Аллах, властный над тем, чего хочет!

51. Помощь страха

Иногда бывает полезно испугать врагов во время войны. Раз, например, атабек¹⁾ прибыл вместе со мной в Сирию в пятьсот двадцать девятом году²⁾ и двинулся на Дамаск³⁾.

¹⁾ Имеется в виду атабек Зенги, мосульский сельджукид.

²⁾ Весной 1135 года.

³⁾ Дамаск в эту эпоху принадлежал буриду Шихаб-ад-дину Махмуду (1135—1139).

Когда мы достигли Аль-Кутайфы ¹⁾, Салах-ад-дин ²⁾, да помилует его Аллах, сказал мне: „Поезжай впереди нас к аль-Фустуке, оставайся на дороге, чтобы ни один из солдат не перебежал в Дамаск“. Я поехал вперед, но простоял недолго. Салах-ад-дин неожиданно нагнал меня с маленьким отрядом своих товарищей. Мы увидели в аль-Азра какой-то дым, и Салах-ад-дин послал одного всадника посмотреть, что это за дым. Оказалось, что это солдаты из войска Дамаска жгут солому; они бросились в бегство, а Салах-ад-дин принялся их преследовать. Мы были с ним, может быть, в числе тридцати-сорока всадников. Мы достигли аль-Кусайра, и вдруг оказалось, что там находится все войско Дамаска, перерезавшее дорогу к мосту. Мы были у постоянного двора и спрятались за стенами. Пять-шесть наших всадников выходили из-за прикрытия, чтобы дамасское войско их заметило, а потом возвращались за стены. Таким образом мы внушили им мысль, что у нас там устроена засада. Салах-ад-дин послал одного всадника к атабеку, чтобы известить его о нашем положении. Мы неожиданно увидели человек десять всадников, поспешно приближавшихся к нам. Сзади двигались войска, следуя друг за другом. Они подошли к нам, и оказалось, что это атабек, который шел впереди, а войско двигалось по его следам. Атабек был недоволен Салах-ад-дином за то, что он сделал, и сказал ему: „Ты поспешил к дамасским воротам с тридцатью всадниками, чтобы тебя разбили, о Мухаммед“. Он стал упрекать его, но они говорили по-турецки, и я не понимал их слов. Когда первые ряды войска дошли до нас, я сказал Салах-ад-дину: „Если ты прикажешь, я возьму этих солдат, что сейчас прибыли, и переправлюсь к коннице Дамаска, что стоит против нас, и выбью их“. „Не так и не этак“, ответил Салах-ад-дин, „кто дает мне такой совет, пока я на службе у атабека, тот не слышал, как атабек только что со мной обошелся“. И если бы не милость великого Аллаха, соединенная с испугом франков и нашей хитростью, враги бы выбили нас.

Нечто подобное случилось со мной, когда я ехал с моим дядей ³⁾, да помилует его Аллах, из Шейзара в Кафартаб ⁴⁾. С нами было много крестьян и бедняков, ехавших пограбить посевы зерна и хлопка в Кафартабе. Эти люди рассеялись, обирая поля, а конница Кафартаба тем временем выехала и

¹⁾ Город к северо-востоку от Дамаска, на пути в Пальмиру.

²⁾ Салах-ад-дин аль-Ягисьяни, наместник атабека Зенги в Хама.

³⁾ Правитель Шейзера Изз-ад-дин Абу-ль-Асакир Султан.

⁴⁾ Кафартаб в этот период принадлежал франкам.

остановилась около города. Мы находились между ними и нашими людьми, рассеявшимися по пашням и посевам хлопка. Один из наших разведчиков вдруг подскакал к нам и крикнул: „Конница Апамеи идет сюда“. Мой дядя тогда сказал мне: „Ты станешь напротив конницы Кафартаба, а я отправлюсь с войсками навстречу коннице Апамеи“. Я остановился во главе десяти всадников среди оливковых деревьев и спрятался за ними. Трое, четверо из нас выходили, показывались франкам и вновь прятались за оливковые деревья, а франки воображали, что нас очень много. Они с'езжались, кричали и погоняли к нам своих лошадей, пока не под'езжали совсем близко, но мы не трогались с места. Тогда они возвращались назад, а мы продолжали действовать таким образом, пока не вернулся мой дядя. Франки, шедшие из Апамеи, обратились в бегство. Один из мусульман сказал моему дяде: „О, господин мой, посмотри, что этот сделал (он имел в виду меня), он оставил тебя и не пошел с тобой навстречу коннице Апамеи“. „Если бы он не стоял здесь с десятью всадниками против конницы и пехоты Кафартаба“, сказал дядя, „враги захватили бы всех этих людей“. На этот раз оказалось выгодней испугать франков и действовать против них хитростью, чем сражаться, так как нас было мало, а их очень много.

52. Опасность от чрезмерной смелости

Нечто подобное случилось со мной в Дамаске ¹⁾. Однажды я был вместе с эмиром Му'ин-ад-дином, да помилует его Аллах, когда к нему под'ехал какой-то всадник и сказал: „Разбойники захватили на перевале караван с пряжей“. „Поезжай к ним“, сказал мне Му'ин-ад-дин. „Твое дело приказать“, ответил я, „но лучше вели офицерам двинуть с тобой солдат“. „Зачем нам солдаты?“ спросил Му'ин-ад-дин. „Нам не повредит их вооружить“, возразил я. „Нам не нужны солдаты“, повторил Му'ин-ад-дин. Он, да помилует его Аллах, был одним из храбрейших героев, но бесстрашие в некоторых обстоятельствах оказывается чрезмерным и опасным. Мы выехали с двумя десятками всадников, а на рассвете Му'ин-ад-дин послал двух всадников в одну сторону, двух в другую, двух—туда, двух—сюда, чтобы они осмотрели дороги, а мы двигались вперед с небольшим отрядом. Подошло время вечерней молитвы, и дядя сказал одному моему слуге: „Эй, Савиндж, поднимись на при-

¹⁾ Во время первого пребывания Усамы здесь в 1133—1144 г.

горок, определи, в какую сторону нам молиться". Но не успели мы сказать „здравствуй“, как к нам подскакал слуга и крикнул: „Вот люди на долине, и на головах у них тюки пряжи“. Му'ин-ад-дин, да помилует его Аллах, крикнул: „Поезжайте!“ „Дай нам время надеть казакины“, возразил я. „Когда мы увидим разбойников, мы опрокинем их нашими лошадьми, побьем их копьями и они не будут знать, много нас или мало“. „Когда под'едем к ним, тогда и наденем доспехи“, ответил Му'ин-ад-дин. Он поехал вперед, а мы двинулись к разбойникам. Мы догнали их в долине Хальбун¹⁾. Это очень узкая долина, и расстояние между скалами иногда не превышает пяти локтей. Горы с обеих сторон очень обрывисты и круты, и дорога так узка, что всадники могут там проехать только один сзади другого. Разбойников было около семидесяти человек, вооруженных луками и стрелами. Когда мы догнали разбойников, наши слуги были сзади нас с оружием и не могли под'ехать к нам, а разбойники были частью в долине, частью на склонах горы. Я же думал, что люди в долине — наши приятели, крестьяне из ближних деревень, которые погнались за разбойниками, а те, кто на склонах горы, разбойники; я вытащил свой меч и ринулся на тех, кто был на горе. Но моя лошадь, поднявшись на крутизну, едва не испустила дух. Когда я добрался до разбойников, лошадь остановилась, не будучи в состоянии двинуться. Один из разбойников наложил стрелу на лук, чтобы поразить меня, но я закричал на него и испугал. Он удержал свою руку, и я стал снова спускаться с горы, не веря своему спасению от них. Эмир Му'ин-ад-дин поднялся на самую верхушку горы, чтобы посмотреть, нет ли там крестьян, которых можно подбодрить к бою. Он закричал мне с верхушки горы: „Не отходи от них, пока я не вернусь!“ и скрылся от нас, а я вернулся к тем, которые были в долине. Я теперь уже знал, что это были разбойники, и бросился на них в одиночку, так как местность была узкая. Разбойники пустились в бегство и побросали пряжу, которая с ними была. Мы отняли у них двух вьючных животных, бывших с ними, также нагруженных пряжей. Они поднялись в пещеру на склонах горы, и мы их видели, но у нас не было к ним подступа. Эмир Му'ин-ад-дин, да помилует его Аллах, возвратился к концу дня, не найдя никого, кто бы мог помочь сражаться. А если бы с нами было войско, мы бы снесли им всем головы и отняли бы все, что у них было.

¹⁾ Хальбун — селение на отрогах Антиливана, в трех часах пути к северу от Дамаска.

Со мной другой раз случилось нечто подобное. Причиной этого было проявление божественной воли и малый опыт в войне. Мы выступили с эмиром Кутб-ад-дином Хосру ибн Талилем¹⁾ из Хама, направляясь в Дамаск на службу к аль-Малику аль-Адилю Нур-ад-дину²⁾, да помилует его Аллах, мы прибыли в Хомс, а когда эмир собрался ехать дальше по дороге в Баальбек, я сказал ему: „Я поеду вперед; осмотрю баальбекскую церковь, пока ты приедешь“. „Сделай так“, сказал он. Я сел на коня и поехал. Когда я был в церкви, ко мне приехал от него всадник и передал его слова: „Шайка разбойников напала на караван и захватила его. Садись на коня и выезжай мне навстречу к горе“. Мы увидели разбойников под нами в долине, окружавшей гору, на которой мы находились. Один из приближенных Хосру сказал ему: „Спустись к ним“. „Не делай этого!“ воскликнул я, „мы будем кружить на горе, оставаясь над разбойниками, преградим им дорогу на запад и захватим их“. А разбойники были из земель франков. „Зачем нам вернуться на горе“, сказал другой, „мы уже подошли к ним и почти захватили их“. Мы спустились, но разбойники, увидев нас, поднялись на гору. Хосру сказал мне: „Поднимись к ним“. Я силился подняться, но не мог. На горе было пять—шесть наших всадников. Они сошли с коней и пошли пешком, ведя лошадей на поводу. Разбойники же, которых было очень много, бросились на наших товарищей и двух всадников из них убили. Они захватили их лошадей и еще одну лошадь, владелец которой спасся. Они спустились с другой стороны со своей добычей, а мы вернулись обратно. У нас было убито два всадника, отняты три лошади и караван.

53. Храбрость от самолюбия

Вот пример безрассудства от малой опытности в войне, а что касается безрассудства в храбрости, то оно происходит не от презрения к жизни, а причина его в том, что когда человек, известный своей храбростью и прославленный доблестью, вступает в сражение, то забота заставляет его действовать соответственно своей славе, а все остальное становится не важным; однако, его душа боится смерти и опасностей и едва

¹⁾ Хосру ибн Талиль — курдский эмир, вассал знаменитого Нур-ад-дина.

²⁾ Нур-ад-дин — сын и преемник знаменитого мосульского атабека Имад-ад-дина Зенги, перенесший свою резиденцию в Сирию, сперва в Алеппо, затем в Дамаск (1146—1174). В последнем городе Усама жил под его покровительством почти десять лет (1154—1164).

не берет над ним верх и едва не удерживает его от того, что он хочет сделать; человек пересиливает душу и побуждает ее к тому, что ей неприятно. Им овладевает из-за этого дрожь, и он меняется в лице, но когда вступает в бой, то подавляет страх, и его волнение проходит.

Я присутствовал при осаде крепости ас-Саур¹⁾ вместе с царем эмиров атабеком Зенги, да помилует его Аллах, о котором было уже кое-что упомянуто раньше. Эта крепость принадлежала эмиру Фахр-ад-дину Кара-Арслану ибн Дауду ибн Сукману ибн Ортуку²⁾, да помилует его Аллах, а гарнизон ее состоял из лучников. Это происходило после того, как Зенги потерпел неудачу под Амидом³⁾. Как только разбили палатки, атабек послал одного из своих людей, а тот крикнул под крепостью: „Лучники! Атабек говорит вам: клянусь милостью Султана⁴⁾, если хоть один из моих товарищей будет убит вашей стрелой, я велю отрубить вам руки!“ К крепости подвели стенобитные машины, и они разрушили одну сторону. И еще стены не были настолько сокрушены, чтобы двинуть туда пехотинцев, как один из солдат атабека, из жителей Алеппо, по имени Ибн аль-Урайк, поднялся к брешу. Он стал биться мечом с врагами, и те нанесли ему несколько ран и сбросили с башни в ров. Наши люди во множестве прошли через брешь и овладели крепостью. Офицеры поднялись в крепость, и атабек взял ее ключи, которые послал к Хусам-ад-дину Тимурташу ибн Ильгази⁵⁾, передав ему эту крепость. Случилось так, что стрела какого-то лучника попала в колено хорасанского солдата и пробила ему чашку над коленным суставом. Он умер. Как только атабек овладел крепостью, он потребовал к себе лучников, которых было девять человек, и они пришли, держа натянутые луки на своих плечах. Он велел отпилить им большие пальцы у самой кисти, отчего их руки были парализованы и погибли, а Ибн аль-Урайк вылез из своих ран после того, как был близок к смерти. А был он человек доблестный и подвергал себя риску.

Я уже видел нечто подобное: однажды атабек расположился вокруг крепости аль-Бариа⁶⁾. Ее окружали каменистые

¹⁾ Крепость ас-Саур была расположена около Мардина в области Диарбекра.

²⁾ Кара-Арслан стал впоследствии покровителем Усамы, дав ему под старость приют в своей крепости Кайфа.

³⁾ Событие относится к 1133-1134 году.

⁴⁾ Имеется в виду сельджукский султан в Исфахани Махмуд.

⁵⁾ Хусам-ад-дин Тимурташ—сын и преемник борца с крестоносцами Наджм-ад-дина Ильгази, эмира Мардина.

⁶⁾ Крепость аль-Бариа лежала к западу от Хомса и Хама и в это время (1137 г.) принадлежала Раймунду II, графу Триполи.

скалы, на которых нельзя было разбить палатки. Атабек тогда спустился в долину и приказал эмирам по очереди командовать войсками на скале. Однажды атабек приехал на скалу, когда была очередь Абу Бекра-ад-Дубайси. Этот эмир не был в боевом снаряжении. Атабек остановился около эмира и сказал ему: „Ступай вперед сражаться с ними“. Эмир двинулся вместе со своими солдатами, которые были без доспехов, и против них вышла пехота из крепости. Один из солдат Абу Бекра по имени Мазьяд, который прежде не был известен своей воинственностью и доблестью, выступил вперед. Он сражался с великим ожесточением, наносил врагам удары мечом и рассеивал их отряды. Он получил несколько ран, и я видел его, когда его несли к войску при последнем издыхании. Затем он выздоровел, и Абу Бекр-ад-Дубайси выделил его, богато одарил и назначил в свою свиту.

54. Жестокость аль-Ягисьяни

Атабек говаривал: „У меня есть трое молодцов, один из них боится великого Аллаха и не боится меня (он имел в виду Зейн-ад-дина Алиа Кучука¹⁾, да помилует его Аллах); другой боится меня и не боится великого Аллаха (он подразумевал Насир-ад-дина Сункара²⁾, да помилует его Аллах), а третий не боится ни Аллаха, ни меня“. Этот третий был Салах-ад-дин Мухаммед ибн Айюб аль-Ягисьяни³⁾, да помилует его Аллах.

Я видел со стороны Салах-ад-дина, да простит его Аллах, нечто такое, что подтверждало слова атабека. Однажды мы двинулись на Хомс⁴⁾; накануне ночью на землю пролился сильный дождь, так что лошади не могли двигаться вследствие того, что дорога стала тяжелой от грязи. Пехотинцы сражались между собой. Салах-ад-дин стоял на месте, и я был рядом с ним. Мы смотрели на солдат, сражавшихся перед нами. Вдруг один из пехотинцев перебежал к пехотинцам Хомса и присоединился к ним на глазах Салах-ад-дина. Тогда тот сказал одному из своих приближенных: „Подай сюда того человека, который стоял рядом с ним“. Тот пошел и привел

¹⁾ Али-Кучук—правитель крепости Мосула с 1144 г., впоследствии везирь атабека Маудуда сына Зенги в Мосуле, умер в 1168 г.

²⁾ Один из везирей Зенги, убитый около 1145 г.

³⁾ Часто упоминавшийся правитель Хама, вассал Зенги, которого не следует смешивать со знаменитым Салах-ад-дином (Саладином).

⁴⁾ Поход относится к маю 1137 г.

его. Салах-ад-дин спросил этого солдата: „Кто это стоял рядом с тобой и убежал и вошел в Хомс?“ „Клянусь Аллахом, о, господин мой, я не знаю его“, ответил солдат. „Разрубите его пополам!“ воскликнул Салах-ад-дин, но я сказал ему: „Заключи этого человека в тюрьму и разузнай, кто был беглец. Если он его знал или был связан с ним родством, то отрубишь ему голову, если же нет, ты посмотришь, как поступить с ним“. Салах-ад-дин уже соглашался со мной, но один из слуг, бывший в свите, сказал: „Когда кто-нибудь бежит, захватывают того, кто с ним рядом, и отрубают ему голову или перерубают пополам“. Слова слуги разъярили Салах-ад-дина, и он крикнул: „Разрубите солдата пополам!“ Его скрутили, как это обычно делалось, и разрубили пополам, а между тем у Салах-ад-дина не было другого порока, кроме упрямства и недостаточной боязни великого Аллаха.

Я был вместе с Салах-ад-дином в другой раз, когда мы вернулись со сражения под Багдадом¹⁾. Атабек желал проявить твердость и силу и приказал Салах-ад-дину отправиться со своим отрядом против эмира Кипчака²⁾. Мы шли из Мосула шесть дней и испытали крайние лишения. Наконец мы добрались до места, где был эмир, и нашли, что он точно повис в горах Кухистана³⁾. Мы расположились около крепости, называвшейся Масурра, и разбили свой лагерь при восходе солнца. Из крепости показалась какая-то женщина, которая сказала нам: „Есть у вас материя?“ „Время ли теперь покупать и продавать?“ ответили мы. „Мы хотим материи“, ответила она, „чтобы сделать вам саваны, потому что вы все умрете через пять дней“. Она хотела этим сказать, что это нездоровое место.

Разбив лагерь, Салах-ад-дин распорядился приготовиться начать с утра штурм крепости. Он приказал саперам сделать подкоп под одну из башен крепости, а крепость была вся построена из необожженного кирпича, и ее гарнизон состоял из крестьян. Мы бросились на штурм и поднялись к брешу, а хорасанцы сделали подкоп под одну из башен, и она упала. На ней было два человека, один из них умер, а другого захватили наши товарищи и привели к Салах-ад-дину. „Разрубите его пополам“, приказал тот. „О, господин мой“, сказал я ему, „теперь месяц Рамадан⁴⁾, а это мусульманин, не

¹⁾ Вероятно, около 1138 г.

²⁾ Эмир Кипчак—предводитель туркменских племен.

³⁾ Кухистан—горная местность к югу от Мосула с двумя крепостями—Масурра и аль-Керхини.

⁴⁾ Рамадан—девятый месяц мусульманского года, посвящен посту и считается священным.

будем же отягчать свои души его убийством“. Но Салах-ад-дин воскликнул: „Разрубите его пополам, чтобы они сдали крепость!“ „О, господин мой“, возразил я, „ты сию минуту овладеешь крепостью“. Но Салах-ад-дин повторял: „Разрубите его пополам“, и уперся на этом. Пленного разрубили, а мы взяли крепость почти сейчас же после этого. Салах-ад-дин направился к воротам крепости, желая спуститься оттуда; с ним было множество победоносного войска. Он оставил нескольких своих приближенных сторожить крепость, а сам удалился и сидел в своей палатке до тех пор, пока не разошлись солдаты, бывшие с ним. Затем он сел на лошадь и сказал мне: „Садись на коня“. Мы сели на коней и поднялись в крепость. Салах-ад-дин сел и призвал к себе того, кто наблюдал за крепостью, чтобы он осведомил его о том, что в ней находится. Ему привели женщин и детей—христиан и евреев. С ними пришла одна старуха из курдов. Она сказала этому сторожу: „Видел ли ты моего сына такого-то?“ „Он убит“, ответил ей сторож, „его поразила стрела“. „А другого моего сына?“ сказала она. „Его разрубил пополам эмир“, ответил сторож. Она закричала и сорвала покрывало с головы. Ее волосы были как расчесанная шерсть. „Замолчи“, сказал сторож: „ведь тут эмир“. „А что еще осталось эмиру со мной сделать“, ответила она, „у меня было два сына, и он убил их“. Старуху увели, а сторож пошел и привел старого шейха прекрасной наружности, который шел, опираясь на две палки. Он приветствовал Салах-ад-дина, а тот спросил: „Что это за шейх?“ „Это имам крепости“, ответил сторож. „Подойди, о шейх!“ воскликнул Салах-ад-дин, „подойди, подойди!“ Шейх сел перед Салах-ад-дином, а тот протянул руку и, схватив его за бороду, вытащил нож, привязанный на поясе его платья, и срезал бороду шейха от самого подбородка. Борода осталась в руке Салах-ад-дина, похожая на суставы пальцев. Тогда этот шейх сказал ему: „О, господин мой, зачем тебе понадобилось сделать со мной такое дело?“ „За твое неповиновение султану¹⁾“, ответил Салах-ад-дин. „Клянусь Аллахом“, сказал шейх, „я не знал о твоём прибытии до тех пор, пока сейчас не пришел сторож, который сказал мне об этом и призвал меня к тебе“.

Затем мы уехали и остановились у другой крепости, тоже принадлежавшей эмиру Кипчаку, которая называлась аль-Керхини, и захватили ее. В ней нашли кладовую, наполненную одеждой, сшитой из грубой материи, которая предназначалась в подаяние беднякам Мекки.

¹⁾ Имеется в виду сельджукский султан Махмуд.

Все христиане и евреи, находившиеся под защитой в крепости, были взяты в плен, а их имущество было разграблено так, как грабят только румы. Пусть Аллах, да будет ему слава, простит Салах-ад-дина.

Закончу на этом месте настоящий отдел, приведя слова своего же стихотворения:

Брось вспоминать про тех, кто убивает с любовью, ведь от рассказов о них сделаются седыми наши новорожденные дети.

55. Превратности судьбы

Возвращусь к упоминанию кое-чего, случившегося у нас с исмаилитами в крепости Шейзар¹⁾.

В этот день один из моих двоюродных братьев по имени Абу Абдаллах ибн Хашим, да помилует его Аллах, проходя мимо, увидел в башне дома моего дяди одного батынита, с которым были меч и щит. Дверь дома была открыта, и снаружи стояло много народа из наших товарищей, но ни один из них не осмеливался войти к исмаилиту. Тогда мой брат сказал одному из стоявших: „Войди к нему“. Тот вошел, но батынит немедля ударил его мечем и ранил. Наш товарищ вышел раненый, и Ибн Хашим сказал другому: „Войди к нему“. Тот вошел, но батынит опять ударил его мечем и ранил. Солдат вышел в таком же виде, как вышел его товарищ. Мой двоюродный брат воскликнул: „О, начальник Джавад, войди к нему!“ „Эй, распорядитель“, сказал Ибн Хашиму батынит, „ты сам почему не входишь? Посылаешь ко мне других людей, а сам стоишь на месте. Входи, распорядитель, чтобы самому посмотреть“. Джавад вошел к нему и убил его. А этот Джавад был нашим судьей в спорах и доблестным борцом, но над ним протекло только немного лет, и я опять увидел его в Дамаске в пятьсот тридцать четвертом году²⁾. Он был торговец фуражом и продавал ячмень и солому. Он стал стар, как протертый бурдюк, и не мог даже отогнать мышей от своего товара. Чего только не делается с людьми! Я удивился тому, с чего начал Джавад, и тому, что с ним случилось в конце его дел и в какое состояние его привела продолжительная жизнь. Я не знал, что болезнь старости нечто общее всем и что она нападает

¹⁾ Речь идет, повидимому, об одном из поздних нападений исмаилитов в 1135 году.

²⁾ 1139—1140 г. христианской эры.

на каждого, о ком забыла смерть, но когда я добрался до вершины девяноста, а течение лет и дней исчерпало мои силы, я сделался таким же, как Джавад, торговец фуражом, и стал не похож на щедрого¹⁾, расточительного. Слабость пригвоздила меня к земле, и часть моего тела вошла от старости в другую, так что я не узнал самого себя и стал вздыхать о том, чем я был вчера. Я сказал, описывая свое состояние, стихи:

Когда я дошел до жизненного предела, которого раньше желал, я стал жаждать смерти.

Благодаря продолжительности жизни, у меня не осталось силы, чтобы дать отпор превратностям судьбы, когда они на меня нападают.

Мои силы ослабли, и два моих союзника—мое зрение и мой слух—предали меня, когда я достиг этого предела.

Когда я встаю, мне кажется, что я поднимаю гору, а при ходьбе я иду, как закованный в цепи.

Я тащусь, держа палку в той самой руке, которую я знал раньше несущей в сражении копье и меч из индийской стали.

Я провожу ночь на мягкой кровати, но не сплю и беспокоюсь, как будто бы я лежу на скалах.

Человека переворачивают в жизни и, когда он достиг совершенства и окончания, то опять возвращается к тому, с чего начал.

А в Мисре я сказал, проклиная в жизни покой и отдых с их быстрым и поспешным окончанием:

Посмотри, как превратности судьбы приучили меня, после того, как я поседел, к привычкам, непохожим на первые.

В переменах воли судьбы заключается наизидание, да и какое положение не меняется с течением дней?

Я был факелом войны, и всякий раз, когда она угасала, я разжигал ее, высекая белыми клинками огонь из рукояток сабель.

Моей заботой было нападать на соперников, которых я считал добычей, отданной мне на растерзание, а они страшились меня.

В страшной схватке я двигался быстрее, чем ночь, я был стремительнее потока и мчался в бою тверже судьбы.

¹⁾ Игра слов: Джавад—собственное имя и в то же время нарицательное слово—щедрый.

А теперь я стал, как томная девушка, возлежащая на мягких подушках за покрывалом и пологом.

Я почти загнил от долгого отдыха, подобно тому, как индийский меч ржавеет от продолжительного пребывания в ножнах.

После кольчуг войны я закутан в плащи из дабикских¹⁾ материй. Горе мне и этим плащам!

Я не ищущу обеспеченности и не добиваюсь ее, мне нет до благосостояния ни дела, ни заботы.

Я не удовлетворился бы достижением славы в спокойствии или высокого положения, не разбив в куски белых мечей и копий.

Я полагал, что у счастливого времени его новизна не стареет и сила его не слабеет, и что, когда я вернусь в Сирию, я найду там свои дни такими же, как раньше, и неизменными временем после меня, но когда я вернулся, то лживыми оказались обещания моих надежд. Эти предположения были только блестящим миражем. О, Аллах! Даруй прощение за эту случайную фразу, вырвавшуюся вследствие заботы, которая меня постигла, а затем рассеялась!

Возвращаюсь к тому, что меня занимает, и сброшу с себя гнет мрачной ночи.

56. Жизненного предела не изменить

Если бы сердца были чисты от скверны грехов и вручали себя ведающему сокровенное, они бы знали, что устремление в опасности войны не сокращает времени, остающегося до назначенного предела. Однажды я видел, когда мы сражались с исмаилитами в крепости Шейзар²⁾, назидательный пример, из которого ясно и доблестному, и умному, и трусливому, и глупому, что срок жизни установлен и предопределен, что его предел нельзя ни приблизить, ни отдалить. А именно, когда мы кончили в тот день сражение, кто-то закричал с одной стороны крепости: „Враги!“ Около меня было несколько моих товарищей, имевших с собой оружие. Мы поспешно бросились к тому, кто крикнул, и сказали ему: „Что с тобой?“ „Я слышу шорох людей вот здесь“, сказал он. Мы пошли к пустой и темной конюшне и, войдя туда, нашли там двух вооруженных людей.

¹⁾ Дабик—египетское поселение около Тинниса, известное ткацкой промышленностью.

²⁾ Вероятно, в 1135 г., как и в предыдущем рассказе.

Мы убили их и обнаружили там одного нашего товарища убитым. Его тело на чем-то лежало. Мы подняли его и нашли под ним одного батынита, который закрылся саваном и положил убитого себе на грудь. Мы подняли тело нашего товарища и убили того, кто был под ним, а товарища положили в мечеть близ этого самого места. Он получил опасные раны, и мы не сомневались, что он умер, так как он не двигался и не дышал. Клянусь Аллахом, я потрагивал его голову ногой на плитах мечети, и мы не сомневались, что он умер. Этот несчастный проходил мимо конюшни и услышал шорох, он всунул в стойло голову, чтобы проверить, что он слышит. Один из исмаилитов втащил его туда, и они били его ножами до тех пор, пока не решили, что он умер. Аллах великий судил, чтобы его раны на шее и на теле были защиты. Он выздоровел и стал так же здоров, как прежде. Да будет благословен Аллах, определяющий судьбы и назначающий срок кончин и жизней.

Я был свидетелем одного похожего случая. Франки, да проклянет их Аллах, сделали на нас набег в последнюю треть ночи. Мы сели на коней, намереваясь их преследовать, но мой дядя Изз-ад-дин¹⁾, да помилует его Аллах, удержал нас от преследования и сказал: „Это разведка, а набег будет ночью“. Из города без нашего ведома выступила за франками пехота. Франки напали на некоторых из них, когда они возвращались, и убили их, а часть из них спаслась. На другое утро я расположился в Бендер Канине, деревне около города. Я увидел три приближающиеся фигуры, две из которых были как люди, а у среднего лицо не походило на людское. Когда они приблизились ко мне, оказалось, что среднего ударил мечом по носу один франк и рассек лицо до самых ушей. Половина лица отвисла и оказалась у него на груди, а между двумя половинами был разрез величиной в пядень, тем не менее он шел между двумя. Этот человек отправился в город, и хирург зашил и залечил его лицо. Его рана затянулась, он выздоровел и стал таким же, как прежде, пока не умер на своей постели. Он был продавцом выючных животных и назывался Ибн Гази „рассеченный“. Его прозвали рассеченным за эту рану.

57. Тягость старости

Но пусть не вздумают предполагать, что смерть можно приблизить, подвергая себя опасности, или отдалить усилен-

¹⁾ Правитель Шейзара.

ной осторожностью. В моей долгой жизни самое яркое назида-ние: сколько я встретил ужасов и сколько раз устремлялся в страшные места и подвергался опасностям. Я сражался со всадниками и убивал львов, рубил мечами, ударял копьями и наносил раны стрелами и луками. И все-таки я был защищен от рока надежной крепостью, так что достиг девяноста лет и смотрел на свое здоровье и долголетие так, как говорил про-рок, да благословит его Аллах и да приветствует: „Довольно и такой болезни, как здоровье“¹⁾. За моим спасением от этих ужасов последовало нечто более тягостное, чем смерть в бою и сражении; гибель во главе войска приятнее, чем тяготы жизни. Благодаря долгой жизни, дни потребовали от меня обратно все разнообразные удовольствия и наслаждения, а гнусная нужда пришла на смену безоблачной счастливой жизни. Я сказал о самом себе стихи:

Судьба к восьмидесяти годам иссушила мою кожу, и меня огорчает слабость ног и дрожание рук.

Когда я пишу, мой почерк точно острое колеблющегося копья или почерк испуганного человека с дрожащими руками.

Удивляйся же тому, что моя рука слишком слаба, чтобы нести перо после того, как она ломала копья в груди льва.

Когда я иду с палкой в руке, моя нога становится такой тяжелой, как будто бы я погружаю ее в жидкую подмерзшую грязь.

Скажи тому, кто жаждет долгого пребывания на земле: вот последствия долгой жизни и преклонного возраста.

Мои силы ослабли и почти исчезли, и беспечная жизнь прекратилась и пришла к концу. Долгая жизнь между людьми повергла меня, и притушенный огонь моего очага скоро совсем погаснет. Наконец, я стал таким, как сказал о себе:

Судьба забыла обо мне, и я стал подобен верблюдице, истомленной долгим путешествием по пустыне.

Мои восемьдесят лет не оставили мне мощи, и когда я хочу встать, я чувствую себя разбитым.

Я произношу молитву сидя, а ее земные поклонны, когда я хочу поклониться, кажутся мне тягостью.

¹⁾ Смысл этого изречения в том, что слишком преклонная старость так же тягостна, как и болезнь.

Это состояние предвещает мне, что время тронуться в последний путь приблизилось и путешествие уже недалеко.

Бессилие моих лет сделало меня слишком слабым для службы султанам. Я покинул пороги их дверей и отделил свои судьбы от их судеб. Я покинул службу у них и возвратил им то, что они мне пожаловали из даров, так как я знал, что бессильная старость не в состоянии исполнять обязанности службы, и промысел со старым стариком не приносит выгоды эмиру. Я перестал выходить из дома и сделал забвение своим девизом. Я удовлетворил свою душу уединенной жизнью на чужбине и разлукой с родиной и милыми сердцу местами, и, наконец, ее неудовольствие успокоилось, так что я не чувствовал никакой горечи. Я стал терпеть, как пленник терпит свои цепи или как жаждущий путешественник терпит жажду, пока не дойдет до воды.

58. Хвала великому Саладину

Потом меня призвал к себе письмом наш господин, царь победоносный, благо мира и религии¹⁾, султан ислама и мусульман, объединяющий слова истинной веры и поражающий поклонников креста, воздвигающий знамя справедливости и добрых дел, оживитель власти повелителя правоверных Абу-ль-Музаффар Юсуф ибн Айюб²⁾, да украсит Аллах ислам и мусульман, даровав ему долголетие, да укрепит их остриями его мечей и решений. Да очистит Аллах мусульманам пользование его густой тенью, как он очистил от муты источники его щедрости. Да распространит Аллах до крайних пределов земли его высочайшие приказы и запреты. И да поставит Он острия его мечей судьями над шеями его врагов. Его милость отрыла меня в глубине стран, хотя я был отделен от него горами и равнинами, и нашла меня в покинутом уголке земли, неимеющим ни средств, ни родины. Он вырвал меня из пасти несчастий своим прекрасным решением и перевел меня к своим высоким дверям обильными и богатыми милостями. Он вправил то, что время сломало во мне, и вернул цену, благодаря своему великодушию, тому, что не имело цены для других, по причине моих преклонных лет. Он осыпал меня самыми удивительными щедротами и пожаловал мне в своей щедро-

¹⁾ Игра слов, основанная на буквальном значении почетных титулов Саладина — аль-Малик-ан-Насир, — „царь победоносный“ и Салах-ад-дин — „благо религии“.

²⁾ Юсуф ибн Айюб — имя великого Саладина, последнего покровителя престарелого Усамы, давшего ему приют в Дамаске (в 1174—1188 гг.).

сти самые драгоценные дары, так что своей безграничной милостью он вознаградил меня за мою прежнюю службу у других. Он засчитал мне эту службу и был так признателен за нее, как будто бы сам был свидетелем ее и очевидцем. Его дары посещали меня ночью во время сна и притекали ко мне, когда я сидел в разочаровании. Благодаря его щедротам, каждый день прибавляет мне новые милости и почести, так как он почитает достойных, хотя я и ничтожнейший из его рабов. Его благородное решение обезопасило меня от перемены счастья. Его дары возвратили мне то, что вырвало у меня время губительными бедствиями. Он излил на меня свои преизбыточные благодеяния, после того как исполнил все должное и законное, так что всякая шея была бы слишком слаба, чтобы вынести даже легчайшую из его щедрот. Его великодушие не оставило мне ни одной мечты, исполнения которой я мог бы ожидать. Я провожу день и ночь, вознося за него молитвы. Его милость достигает всех рабов Аллаха и оживляет своими благословениями страны. Он тот султан, который вернул к жизни заветы халифов, шедших по прямому пути¹⁾, и высоко воздвиг столпы династии и веры. Он — река, не высыхающая от множества приходящих на водопой, и благотворитель, не урезающий своих щедрот, несмотря на следующих друг за другом посетителей.

Пусть же народ не перестанет чувствовать себя под защитой его мечей в неприступном укреплении, под потоком его щедрот, как бы во время весны с ее благодатными дождями, и под его справедливым управлением, как бы в лучах света, рассеивающего мрак обид и отводящего протянутую руку хищного врага. Пусть его всепокоряющая власть держит народ как бы в раскидистой тени и непрекращающемся блаженстве, идущем вновь и вновь по следам прошедшего до тех пор, пока ночь сменяется днем и вращается небесный свод.

Я молился, а два ангела — хранителя свитков²⁾ провозгласили: „Аминь!“ Ведь властитель небесного трона близок к тому, кто призывает Его.

Он сказал уже, да будет ему слава, рабам своим: „Просите меня, ибо я тот, кто слышит и отвечает“³⁾.

Слава Аллаху, Господу миров, и да будет Его благословение на господине нашем Мухаммеде и на всем его роде. С нас достаточно Аллаха, славного промыслителя, и все счастье, которое вы имеете, все от Аллаха.

¹⁾ Под этим именем разумеются обыкновенно четыре первых халифа Абу Бекр, Омар, Осман и Али.

²⁾ Ангелы, записывающие добрые и злые деяния людей.

³⁾ Ср. Коран II, 64.

ПРИБАВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Говорит Усама ибн Муршид ибн Али, ибн Мукаллад ибн Наср ибн Мункыз, да дарует прощение Аллах ему и его родителям и всем мусульманам! Вот любопытные происшествия; часть их случилась в моем присутствии, а часть рассказали мне люди, которым я доверяю. Я сделал их добавлением к своей книге, так как они не входили в состав того, о чем я хотел упомянуть в предыдущем. Я начну с рассказов о праведных, да будет над ними всеми благословение Аллаха.

1. Рассказы о праведниках

Шейх имам проповедник Сирадж-ад-дин Абу Тахир Ибрахим ибн аль-Хусейн ибн Ибрахим, проповедник города Ис'ерда¹⁾, рассказал мне там в месяце Зуль Ка'да пятьсот шестьдесят второго года²⁾ следующее: Абу-ль-Фарадж Багдадский³⁾ рассказал мне событие такого рода: я присутствовал, сказал он, на приеме имама Абу Абдаллаха Мухаммеда аль-Басри в Багдаде, когда к нему пришла какая-то женщина и сказала: „О, господин мой, ты был среди свидетелей при подписании договора о моем приданом. Я потеряла бумагу о приданом и прошу тебя оказать мне милость и подтвердить свое свидетельство у судьи“. „Я не сделаю этого“, ответил шейх, „пока ты не принесешь мне сластей“. Женщина стояла, полагая, что он шутит, говоря так, но шейх повторил: „Не затягивай, я не пойду с тобой, пока ты не принесешь мне сластей“. Женщина ушла, а потом вернулась и вынула из мешка под покрывалом сверток бумаги, в котором были сухие сласти. Товарищи шейха удивлялись, что он потребо-

¹⁾ Ис'ерд — нынешний Сеерт, город в Диярбекре, в бассейне источников Тигра.

²⁾ Август 1167 года.

³⁾ Абу-ль-Фарадж Багдадский — вероятно, знаменитый историк, известный под именем Ибн аль-Джаузи (1164—1202).

вал сластей, несмотря на свою воздержность и строгий образ жизни. Он взял бумагу, развернул ее и стал бросать сласти кусок за куском, пока не опустел сверток. Он посмотрел на него, и оказалось, что это договор о приданом женщины, который она потеряла. „Возьми твой договор“, сказал ей шейх, „вот он“. Присутствовавшие превозносили то, что он сделал, но он сказал им: „Ешьте дозволенное! вы сами делали такие вещи и даже больше“.

Шейх Абу-ль-Касим аль-Хыдр ибн Муслим ибн Кусейм из Хама рассказал мне в этом городе в понедельник, в последний день Зуль Хиджже в пятьсот семидесятом году ¹⁾ следующее: К нам пришел один житель Куфы, потомок пророка, и рассказал со слов своего отца: Я был вхож к верховному судье в Сирии из Хама, который оказывал мне почести и отличал меня. Он сказал мне однажды: Я люблю жителей Куфы ради одного из них. Когда я был еще юношей, я был в Хама во время кончины Абдаллаха ибн Маймуна аль-Хамави, да помилует его Аллах. Ему сказали: „Сделай свое завещание“, а он ответил: „Когда я умру, и вы кончите облачать меня, вынесите меня на равнину, и пусть кто-нибудь влезет на пригорок, возвышающийся над кладбищем, и закричит: „О, Абдаллах ибн Кубейс, Абдаллах ибн Маймун умер, приди к нему, помолись над ним!“ Когда Ибн Маймун умер, они сделали то, что он приказал, и к ним приблизился человек, в платье из грубой ткани и шерстяном плаще, с той стороны, по направлению к которой кричал возглашавший. Он подошел к телу и помолился над ним, но люди остоленели и не сказали ему ни слова. Когда он кончил молитву, он ушел обратно туда, откуда пришел, и все стали упрекать друг друга, что не удержали его и не расспросили. Они поспешили по его следам, но он ушел от них, не сказав им ни одного слова.

Я был свидетелем похожего на это события в крепости Кайфа ²⁾. В мечети аль-Хыдра был человек по имени Мухаммед ас-Самма, у которого была келья в боковой пристройке мечети. Он выходил оттуда во время молитвы, чтобы помолиться со всеми, а потом возвращался в свою келью. Это был истинно святой человек и жил недалеко от меня. Когда перед ним предстала смерть, он сказал мне: „Я бы желал от великого Аллаха, чтобы ко мне пришел мой наставник Мухаммед аль-Бусти“. Не успели еще приготовиться обмыть тело и закутать в саван, как его наставник Мухаммед аль-Бусти уже

¹⁾ 21 июля 1175 года.

²⁾ Там Усама жил при дворе Кара Арслана в 1169—1174 г.

был около него и взялся его обмыть. Он шел за телом впереди нас и помолился над ним. Он расположился в келье Мухаммеда ас-Самма и провел там короткое время. Он заходил ко мне, а я заходил к нему. Мухаммед-аль-Бусти был мудрец и аскет, и я никогда не видал и не слышал о подобных ему. Он постоянно постился, не пил воды и не ел ни хлеба, ни каких-либо злаков. Он разговлялся или двумя гранатами, или кистью винограда, или парой яблок, а раз или два в месяц он ел кусок-другой жареного мяса. „О, шейх Абу Абдаллах“, сказал я ему однажды, „как случилось, что ты не ешь хлеба и не пьешь воды, хотя постоянно соблюдаешь пост?“ „Я постился и совсем ничего не ел“, ответил он, „и увидел, что достаточно с меня даже этого, тогда я ничего не ел в течение трех дней и сказал себе: Все, что я ем, я буду считать для себя падалью, которая позволена только тому, кто вынужден к этому трехдневной голодовкой. После этого я чувствовал себя еще сильнее и перестал есть и пить воду. Моя душа приняла это, успокоилась и утвердилась в моем теперешнем состоянии“.

Один из вельмож крепости Кайфа сделал этому шейху келью в саду, предназначенном для него. В первый день месяца Рамадана шейх пришел ко мне и сказал: „Я пришел проститься с тобой“. „А как же келья, которая приготовлена для тебя, и сад?“ „О, брат мой“, сказал он, „я не нуждаюсь в них и не останусь“. Он простился со мной и ушел, да помилует его Аллах, и было это в пятьсот семидесятом году ¹⁾. Шейх Абу-ль-Касим аль-Хыдр ибн Муслим ибн Кусейм из Хама рассказал мне там, в упомянутое выше время, что один человек работал в саду Мухаммеда ибн Мис'ара, да помилует его Аллах. Этот работник пришел к родным Мухаммеда, сидевшим у дверей их дома в аль-Маарре ²⁾, и сказал: „Я слышал сейчас нечто удивительное“. „А что же именно?“ спросили его. „Мимо меня проходил человек, у которого был маленький бурдюк“, ответил работник, „он попросил в него воды, и я дал ему. Он совершил несколько раз омовение, и я хотел дать ему пару огурцов, но он отказался их взять. „Половина этого сада принадлежит мне в награду за мою работу“, сказал я ему, „а половина собственность Мухаммеда ибн Мис'ара“. „Совершал ли Мухаммед в этом году паломничество?“ спросил незнакомец. Я ответил: „Да“. „Вчера, когда мы ушли с остановки, он умер, и мы помолились над ним“,

¹⁾ В 1174 г. незадолго до переезда Усамы в Дамаск.

²⁾ Мааррат-ан-Ну'ман около Алеппо.

сказал человек. Родные Мухаммеда бросились ему вслед, чтобы расспросить его, и увидели его вдаль, но не могли догнать. Они возвратились и отметили дату этого происшествия. А дело было так, как он сказал.

Досточтимый Шихаб-ад-дин Абу-ль-Фатх аль-Музаффар сын Ас'ада сына Мас'уда сына Бухтегина сына Себуктегина вольноотпущенника Му'изза-ад-даули буида¹⁾ рассказал мне в Мосуле восемнадцатого Рамадана пятьсот шестьдесят пятого года²⁾ следующее: „Повелитель правоверных аль-Муктафи-би амр-Аллах³⁾, да помилует его Аллах, посетил мечеть Сандудия в окрестностях аль-Анбара⁴⁾ на западной стороне Евфрата. С ним вместе был его везирь, и я был тут же. Он вошел в мечеть, которая называлась мечеть повелителя правоверных Алиа⁵⁾, да будет над ним благоволение Аллаха, одетый в платье из дамиэттской⁶⁾ ткани и опоясанный мечом с железными украшениями. Никто не предполагал, что это повелитель правоверных, кроме тех, кто знал его в лицо. Настоятель мечети стал молиться за везиря, но тот воскликнул: „Горе тебе, молись за повелителя правоверных!“ Аль-Муктафи, да помилует его Аллах, сказал ему: „Спроси его о чем-нибудь полезном для него. Спроси его, что случилось с болезнью, которая была у него на лице; я видел его во дни нашего господина аль-Мустахзира⁷⁾, да помилует его Аллах, и на лице у него была болезнь“. А на лице настоятеля была язва, покрывавшая большую часть его лица, и, когда он хотел поест, он затыкал язву салфеткой, чтобы пища попадала ему в рот. Настоятель сказал везиру: „Я был таким, как ты знаешь, и часто ходил в эту мечеть из аль-Анбара. Меня встретил один человек и сказал: „Если бы ты бывал в доме такого-то (он имел в виду губернатора аль-Анбара) так же часто, как бываешь в этой мечети, он бы наверное пригласил к тебе врача, который бы свел эту болезнь с твоего лица“. В моем сердце поднялось от его слов нечто такое, что даже грудь моя стеснилась. Заснув в эту ночь, я увидел повелителя правоверных Алиа сына Абу Талиба, да будет над ним благословение Аллаха. Он был в мечети и говорил: „Что это за зелень?“ Он подразумевал зелень на земле. Я пожаловался ему на то,

¹⁾ Му'изз-ад-даула правил в Ираке (Месопотамии) в 932—967 г.

²⁾ 5 июня 1170 г.

³⁾ Багдадский халиф из династии аббасидов (1136—1160).

⁴⁾ Город к западу от Багдада.

⁵⁾ Четвертый правоверный халиф (655—661).

⁶⁾ Дамиэтта (в нижнем Египте) славилась своими драгоценными тканями.

⁷⁾ Багдадский халиф (1094—1118).

что со мной происходит, но он отвернулся от меня. Я снова обратился к нему и пожаловался ему на то, что мне сказал тот человек. Али сказал тогда: „И ты из тех, кто хочет быстро преходящего“. Потом я проснулся, и язва была брошена около меня, а вся болезнь прошла. Аль-Муктафи, да помилует его Аллах, воскликнул: „Он говорит правду!“ а потом сказал мне: „Поговори с ним, посмотри, чего он добивается, и напиши ему указ, а потом принеси его ко мне для пометки“. Я поговорил с настоятелем, и он сказал мне: „У меня большая семья и много дочерей. Я хотел бы иметь ежемесячно три динара“. Я составил от его имени заявление, которое он написал в начале: „Слуга, настоятель мечети Алиа“. Халиф положил резолюцию и даровал ему просимое. Он сказал мне: „Пойди, занеси этот указ в дела канцелярий“. Я пошел и прочел в канцелярии только самое постановление аль-Муктафи удовлетворить просьбу. По обычаю, для лица, указанного в постановлении, писали копию указа и отбирали у него экземпляр с собственноручной подписью повелителя правоверных. Когда писарь развернул бумагу, чтобы переписать ее, он нашел под словами „настоятель мечети Алиа“ надпись рукой аль-Муктафи, повелителя правоверных, да будут над ним молитвы Аллаха: „Если бы он пожелал большего, ему бы наверное было дано“.

Судья имам Маджд-ад-дин Абу Сулейман Дауд ибн Мухаммед ибн-аль-Хасан ибн Халид-аль-Халиди, да помилует его Аллах, рассказал мне в окрестностях крепости Кайфа в четверг двадцать второго числа первого Раби пятьсот шестьдесят шестого года¹⁾, со слов одного передавшего ему это, что один шейх попросил аудиенции у „первого министра“²⁾, да помилует его Аллах. Когда он вошел к министру, тот увидел, что это почтенный и достойный старец. „Откуда ты, шейх?“ спросил его министр. „Издалека“, ответил шейх. „Тебе нужно что-нибудь?“ сказал министр. „Я посланец к Мелик-Шаху посланника Аллаха³⁾, да благословит его Аллах и да приветствует“. „О шейх, что это за речи“, воскликнул первый министр. „Если ты приведешь меня к Мелик-Шаху“, ответил шейх, „я сообщу ему послание, а если нет—я не уйду, пока не встречу с ним и не передам, в чем мое дело“. Первый министр вошел к султану и осведомил его о том, что сказал шейх. „Приведите его“, сказал султан. Когда шейха привели,

¹⁾ 3 декабря 1170 г.

²⁾ Везир сельджукского султана Мелик-Шаха исфаханского (1071-1092).

³⁾ Т. е. пророка Мухаммеда.

он поднес султану зубочистку и гребень и сказал ему: „Я простой человек, у меня много дочерей, а я беден и не могу обрядить их и выдать замуж. Я каждую ночь взывал к Аллаху великому, чтобы он ниспослал мне, чем снарядить моих дочерей. Я заснул в ночь на пятницу в таком-то месяце, взывая к Аллаху, да будет ему слава, о помощи моим дочерям. Я увидел во сне посланника Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует, и он сказал мне: „Это ты взывал к великому Аллаху, чтобы он ниспослал тебе чем обрядить твоих дочек?“ Я ответил: „Да, о посланник Аллаха“. Пророк сказал тогда: „Пойди к такому-то (он назвал его Му'иззом Мелик-Шахом, имея в виду султана) и скажи ему: „Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует, говорит тебе, чтобы ты снарядил моих дочерей“. „О, посланник Аллаха“, сказал я, „а если он потребует от меня доказательства в том, что я ему скажу?“ „Скажи ему, как доказательство, что он каждую ночь перед сном читает главу Корана „Да будет благословен¹⁾“.“ Когда султан услышал все это, он сказал: „Это правильное доказательство, и никто не ведает его, кроме Аллаха, да будет он благословен и прославлен, ибо, действительно, мой наставник велел мне читать эту главу каждую ночь перед сном, и я это делаю“. Затем, он приказал выдать шейху все, что требовалось для приданого его дочек, щедро одарил его и отпустил“.

Этот рассказ напоминает то, что я слышал от Абу Абдаллаха Мухаммеда ибн Фатика, чтеца в мечети. Он говорил: Однажды я читал Коран под руководством Абу Бекра ибн Муджахид, да помилует его Аллах, чтеца в Багдаде, когда к нему подошел шейх в потертой чалме и ветхом плаще и платье. Ибн Муджахид знал этого шейха и сказал ему: „Что это рассказывают про девочку?“ „О Абу Бекр“, ответил шейх, „у меня вчера родилась третья дочь, и родные потребовали у меня мелкую монету, купить на нее масла и меду, чтобы кормить ребенка. Я не мог дать им этих денег и провел ночь в заботе. Я увидел во сне пророка, да благословит его Аллах и да приветствует, и он сказал мне: „Не тяготись и не печалься, а когда наступит утро, пойдешь к Алию ибн Исе, везиру халифа²⁾, передай ему привет от меня и скажи ему в доказательство: „Ты свершил у могилы пророка тысячу молитв и дай мне сто золотых динаров“. „О Абу Абдаллах!“ воскликнул Абу Бекр ибн Муджахид, „из этого будет польза!“ Он оборвал чтение Корана, взял шейха за руку и встал. Он пошел

¹⁾ Начальные слова 25 и 67 сур Корана.

²⁾ Аль-Муктадир (908-932).

с ним к Алию ибн Исе, и тот увидал с Абу Бекром шейха, которого не знал. „Откуда у тебя этот, о Абу Бекр?“ спросил он Ибн Муджахид. „Пуст везирь позволит ему приблизиться“, ответил Абу Бекр, „и выслушает его слова“. Везирь велел шейху подойти ближе и спросил его: „Что у тебя за дело, о шейх?“ Шейх сказал: „Абу Бекр ибн Муджахид знает, что у меня две дочери, а вчера родилась третья, и родные потребовали у меня мелкую монету, купить меду и масла, чтобы ее выкормить. Я не мог дать этих денег и провел вчерашнюю ночь в заботе. Я увидел во сне пророка, да благословит его Аллах и да приветствует, который говорил: „Не тяготись и не печалься; когда наступит утро, пойдешь к Алию ибн Исе, передай ему от меня привет и скажи ему: основываясь на доказательстве, что ты молился над могилой пророка четыре тысячи раз, дай мне сто золотых динаров“. Ибн Муджахид продолжал: Глаза Али ибн Исы наполнились слезами, и он воскликнул: „Прав был Аллах и его посланник, и ты, о шейх, сказал правду. Это такая вещь, которую не знал никто, кроме Аллаха всевышнего и его посланника, да благословит его Аллах и да приветствует. Эй, слуга, подай кошель“. Слуга принес его, и Али опустил в него руку и вытащил сто динаров и сказал: „Вот сотня, о которой говорил тебе посланник Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует, а это другая сотня за радостную весть, а вот еще сотня в подарок от нас.“ Этот человек вышел от везири, и у него в руках было триста динаров.

2. Чудесное исцеление

Аль-Каид аль-Хаджж¹⁾ Абу Али рассказал мне в крепости Кайфа в месяце Рамадане пятьсот шестьдесят восьмого года²⁾ следующее: „Я был в Мосуле и сидел в лавке Мухаммеда ибн Али ибн Мухаммеда ибн Ма'ма. Мимо нас прошел один пивовар, очень полный человек с толстыми ногами. Мухаммед позвал его и сказал: „О Абд, ради Аллаха, расскажи вот ему твою историю“. Тот рассказал: „Я, как видишь, продаю пиво. В ночь на одну среду я был совсем здоров, но когда проснулся, середина моего тела расслабла, и я не мог двигаться. Мои ноги высохли и стали до того тонкими, что остались только кожа да кости. Я ползал задом, так как мои ноги не

¹⁾ Почетный титул „вождь, паломник в Мекку“.

²⁾ Апрель—май 1173 года.

слушались меня, в них совсем не было движения. Я сидел на дороге Зейн-ад-дина Али Кучука¹⁾, да помилует его Аллах, и он приказал снести меня в свой дом. Меня снесли, он позвал врачей и сказал: „Я хочу, чтобы вы его вылечили“. „Хорошо, мы его вылечим, если пожелает Аллах“. Затем они взяли гвоздь, раскалили его и прижгли им мою ногу, но я его не почувствовал. Врачи сказали Зейн-ад-дину: „Мы не можем вылечить его, и нет для этого средства“. Тогда Зейн-ад-дин подарил мне два динара и осла. Но осел пробыл у меня около месяца и околел. Я снова сел на пути Зейн-ад-дина, и он подарил мне другого осла, но он околел. Я получил третьего, который тоже околел. Я снова попросил Зейн-ад-дина, но он сказал одному из своих приближенных: „Вынеси его и брось в ров“. „Ради Аллаха, брось меня на бок: я не почувствую им ничего“, попросил я его. „Нет, я брошу тебя только на голову“, ответил тот. Но тут подошел посланный Зейн-ад-дина, да помилует его Аллах, и вернул меня к нему. Слова Зейн-ад-дина о том, чтобы бросить меня в ров были шуткой. Когда меня принесли к нему, он дал мне четыре динара и осла. Я оставался в таком положении до тех пор, пока однажды не увидел во сне, будто какой-то человек остановился надо мной и сказал: „Вставай“. „Кто ты?“ спросил я его. „Я Али сын Абу Талиба²⁾“, ответил человек. Я поднялся на ноги и встал, а потом разбудил свою жену и сказал ей: „Горе тебе, я видел то-то и то-то“. „Ведь ты стоишь!“ воскликнула она. Я пошел на своих ногах; то, что было со мной, прошло, и я стал таким, как ты меня видишь. Я отправился к Зейн-ад-дину эмиру Али Кучуку, да помилует его Аллах, и рассказал ему свой сон. Он увидел, что все то, что было у меня раньше, исчезло, и дал мне десять динаров. Да будет слава целителю, возвращающему здоровье.

3. Награжденное бескорыстие

Шейх знаток Корана³⁾ Абу-ль-Хаттаб Омар ибн Мухаммед ибн Абдаллах ибн Ма'мар аль-Улейми рассказал мне в Дамаске в начале пятисот семьдесят второго года⁴⁾, что один человек рассказал ему в Багдаде со слов судьи Абу Бекра

¹⁾ Правитель Мосульской крепости.

²⁾ Четвертый правоверный халиф (654-661).

³⁾ Титул „аль-хафиз“ собственно прилагается к знающему Коран наизусть.

⁴⁾ Осенью 1176 года.

Мухаммеда ибн Абд-аль-Баки ибн Мухаммеда аль-Ансари правоведа, которого называли „больничным судьей“, следующее: „Когда я совершал паломничество и делал обход храма, я нашел ожерелье из жемчужин и завязал его в край своей паломнической одежды. Через некоторое время я услышал, что какой-то человек разыскивает его в храме и назначил тому, кто возвратит ему ожерелье, двадцать динаров. Я спросил его о признаках пропавшего ожерелья, он рассказал мне, и я вручил его ему. „Пойди со мной в мое жилище, чтобы я мог дать тебе то, что назначил“, сказал человек. „Мне не нужно этого“, ответил я, „я отдал тебе ожерелье не ради вознаграждения, и у меня от Аллаха много всякого добра“. „Так ты отдал мне его только ради Аллаха, да будет он возвеличен и прославлен?“ „Да“, сказал я. „Повернись с нами к Ка'бе“, сказал человек, „и скажи аминь моей молитве“. Мы повернулись к Ка'бе и он сказал: „О Аллах, прости ему и дай мне возможность отблагодарить его“. Затем, он простился со мной и уехал. Случилось так, что я путешествовал из Мекки в область Египта и ехал по морю, направляясь на запад. Румы захватили судно, и я был захвачен среди других, взятых в плен. Я достался на долю одного священника и не переставал служить ему, пока не приблизилась его кончина. Он завещал отпустить меня, и я вышел из страны франков и оказался в каком-то городе на западе¹⁾. Я стал писцом в лавке одного пекаря. А этот пекарь был управляющим у одного из жителей города. При начале следующего месяца слуга этого горожанина пришел к пекарю и сказал: „Мой господин зовет тебя подвести счеты“. Пекарь взял меня с собой, и мы пошли к нему. Я стал громко подсчитывать, и когда горожанин увидел мое умение считать и мой почерк, он попросил меня у пекаря. Он перевел меня жить к себе и поручил наблюдать за своими доходами, а у него было большое состояние. Он отвел мне помещение в пристройке своего дома и, когда прошло немного времени, спросил меня: „О Абу Бекр, что ты думаешь о женитьбе?“ „О, господин мой“, ответил я, „мне не хватает денег на собственные расходы, так как же я возьму на себя расходы на жену?“ Мой хозяин ответил: „Я сниму с тебя расходы на приданое, помещение и на одежду и снабжу тебя всем, что тебе нужно“. „Приказывай только“, ответил я. „О, дитя мое“, сказал он, „в этой твоей жене есть телесные недостатки“. Он не оставил на ее теле с головы до ног ни одного недостатка, о котором бы не упомянул мне.

¹⁾ Аль-Маграб обозначает страны Африки к западу от Египта.

Но я сказал: „Я согласен“, и в глубине души я думал об этом то же самое, что и высказывал. Мой хозяин сказал мне: „Твоя жена—моя дочь“. Он созвал собрание и заключил со мной условие. Через несколько дней он сказал мне: „Собирайся войти в свой дом“. Он приказал дать мне прекрасное платье, и я вошел в дом, который был роскошно убран и снабжен всякой утварью. Меня посадили на кресло и ввели ко мне невесту под ковровым покрывалом. Я поднялся, чтобы встретить ее, а когда она сняла покрывало, я увидел образ, красивей которого не видал в обиталище здешней жизни. Я выбежал вон из дома. Мой хозяин встретил меня и спросил о причине моего бегства. Я сказал ему: „Поистине эта жена не та, о которой ты мне говорил, и у нее нет недостатков, упомянутых тобою“. Он улыбнулся и сказал: „О, дитя мое, она твоя жена, и у меня нет детей, кроме нее. Я упоминул о том, о чем упомянул, только для того, чтобы ты не пренебрег тем, что увидишь“. Я возвратился, и она открылась мне. Когда наступило утро, я стал рассматривать, какие на ней были украшения и роскошные драгоценности. Среди множества того, что было на ней надето, я увидел ожерелье, которое нашел когда-то в Мекке. Я удивился этому и погрузился в раздумье. Когда я вышел из дома, хозяин позвал меня и спросил о моем состоянии. „Дозволенное срезало нос ревности“, сказал он. Я поблагодарил его за то, что он сделал со мной, и мной опять овладело раздумье об ожерелье и о том, как оно попало к нему. „О чем ты думаешь?“ спросил меня хозяин. „О таком-то ожерелье“, сказал я, „потому что я совершал па-ломничество в таком-то году и нашел в храме это ожерелье или похожее на него“. Он вскрикнул и сказал: „Это ты тот, который возвратил мне ожерелье“. Я ответил: „Да, это я“. „Радуйся“, воскликнул хозяин, „ибо поистине Аллах простил мне и тебе, потому что в ту минуту я просил Аллаха, да будет он превознесен, чтобы он простил мне и дал возможность отблагодарить тебя тем же самым, а теперь я отдал тебе свое имущество и свое дитя. Я думаю, что мой жизненный предел уже близок“. Затем он сделал завещание в мою пользу и через короткое время умер, да помилует его Аллах“.

4. Редкие случаи исцеления

Эмир Сейф-ад-даула Зенги ибн Караджа¹⁾, да помилует его Аллах, рассказал мне следующее: Шах ан-Шах позвал нас

¹⁾ Неизвестный ближе эмир, которого не следует смешивать с знаменитым атабеком Зенги.

в Алеппо (а он был мужем его сестры). Когда мы собрались у него, мы послали за одним нашим товарищем, с которым мы дружили и вместе пировали. Это был мягкий человек и отличный друг. Мы позвали его, и он пришел. Мы принесли ему на-питки, но он сказал: „Я воздерживаюсь, так как врач предписал мне воздержание на несколько дней, пока не вскрыется эта опухоль“. А у него в верхней части шеи была громадная опухоль. „Составь нам компанию сегодня“, сказали мы ему, „а воздержание будет на завтра“. Он так и сделал и пил с нами до конца дня. Мы потребовали от Шах ан-Шаха чего-нибудь поесть. Он сказал: „У меня ничего нет“, но мы не отставали от него, пока он не согласился принести нам яиц, которые мы хотели спечь на жаровне. Он принес яйца, а мы принесли блюдо и, разбив яйца, вылили на блюдо их содержимое. Мы поставили сковороду на жаровню, чтобы ее разогреть, и я посоветовал человеку, у которого была опухоль на шее, чтобы он выпил яиц. Он поднес блюдо ко рту, чтобы выпить немного, но все, что было на блюде, влилось ему в глотку, когда он захотел выпить. Мы сказали хозяину дома: „Дай нам взамен другие яйца“, но он ответил: „Клянусь Аллахом, я этого не сделаю“. Мы еще выпили и разошлись. На заре я еще был в постели, когда постучали в дверь. Девушка вышла посмотреть, кто у двери, и оказалось, что это наш товарищ. Я сказал: „Приведи его“. Он подошел ко мне, а я лежал в постели, и сказал: „О, господин мой, эта опухоль, которая была у меня на шее, исчезла, и от нее не осталось следа“. Я посмотрел на место, где была опухоль, а оно было таково же, как все другие стороны его шеи. „Что же свело опухоль?“ спросил я. Он ответил: „Слава Аллаху, я не знаю, чтобы я применял еще какое-нибудь средство, которого не применял прежде, кроме того, что выпил сырых яиц“. Слава всемогущему, посылающему испытания и исцеляющему!

У нас в Шейзаре были два брата. Старшего из них звали Музаффар, а другого Малик ибн Ияд. Они были купцы из жителей Кафартаба, путешествовавшие в Багдад и другие страны. У Музаффара сделалась большая грыжа, которая его утомляла. Он проезжал с караваном через ас-Самаву в Багдад. Караван остановился у одного из бедуинских становищ, и их угостили птицами, сжаренными для них. Они поужинали и легли спать. Музаффар проснулся и, разбудив попутчика, который был около него, сказал ему: „Я во сне или на яву?“ „На яву“, ответил товарищ, „если бы ты спал, ты бы не разговаривал“. „Моя грыжа исчезла!—воскликнул Музаффар,—и от нее не осталось следа“. Сосед взглянул на него, и оказалось,

что он так же здоров, как другие. Когда наступило утро, они спросили бедуинов, которые приютили их, чем они их накормили. „Вы остановились у нас“, ответили бедуины, „когда наши животные были уведены на пастбища. Тогда мы вышли, поймали молодых воронят и сварили для вас“. Когда купцы приехали в Багдад, они пошли в больницу и рассказали начальнику ее эту историю. Он послал достать молодых воронят и кормил ими тех, у кого была эта болезнь, но это не принесло пользы и не произвело никакого действия. Тогда он сказал: „Эти воронята, которых он съел, получали от отца в пищу гадюк, и этим объясняется их польза“.

Еще один похожий случай: один человек пришел к врачу Юханне ибн Ботлану¹⁾, знаменитому своей опытностью, который был в своей лавке в Алеппо. Пришедший пожаловался ему на свою болезнь. Врач взглянул на него и увидел, что у него развилась водянка. Его туловище раздулось, шея похудела, и цвет лица изменился. Врач сказал ему: „О, сынок, клянусь Аллахом, у меня нет для тебя средства, и лечение на тебя не подействует“. Больной ушел, а через некоторое время опять проходил мимо Ибн Ботлана, сидевшего в своей лавке. Его болезнь прошла, тело похудело, и все состояние стало хорошим. Ибн Ботлан позвал его и сказал: „Это ты приходил ко мне некоторое время тому назад? У тебя была водянка, и твое туловище раздулось, а шея похудела. Я еще сказал тебе: „Нет у меня для тебя средства“. „Да, это так“, сказал этот человек. „Чем же это ты лечился, что твоя болезнь прошла?“ спросил Ибн Ботлан. „Клянусь Аллахом, я ничем не лечился“, ответил человек, „я бедняк, у меня нет ничего, и за мной некому ходить, кроме матери, слабой старухи. У нее был в кувшине уксус, и она каждый день наливала мне его на хлеб“. „Осталось у тебя еще немного этого уксуса?“ спросил этого человека Ибн Ботлан. „Да“, ответил тот. „Пойдем со мной, покажи мне кувшин, в котором налит уксус“, сказал врач. Человек пошел с ним в свой дом и показал ему кувшин с уксусом. Ибн Ботлан вылил из него весь уксус и нашел на дне двух гадюк, успевших уже разложиться. „О, сынок“, сказал Ибн Ботлан, „никто не мог излечить тебя до полного выздоровления уксусом, в котором были гадюки, кроме Аллаха, да будет он возвеличен и прославлен“.

У этого Ибн Ботлана бывали удивительно удачные приемы в лечении. Вот пример: один человек пришел к нему, когда

¹⁾ Известный врач, христианин, оставивший после себя ряд медицинских трактатов, умер монахом в Антиохии около 1063 года.

он был в своей лавке в Алеппо. У этого человека пропал голос, и его едва понимали, когда он говорил. „Какое твое ремесло?“ спросил его Ибн Ботлан. Больной ответил: „Я делаю сита“. „Принеси мне пол-ратля крепкого уксуса“, приказал врач. Тот принес, и Ибн Ботлан сказал ему: „Выпей его“. Больной выпил и присел на минутку. Им овладела тошнота, и он изверг много грязи с этим уксусом. После этого его горло прочистилось, и голос восстановился. Ибн Ботлан сказал тогда своему сыну и ученикам: „Не лечите никого этим лекарством, вы его убьете. В гортани этого человека задержались частички пыли из сита, и ничто не могло их извлечь, кроме уксуса“.

Ибн Ботлан состоял на службе у моего прадеда Абу-ль-Мутавваджа Мукаллада ибн Насра ибн Мункыза¹⁾. У моего деда Абу-ль-Хасана Алиа ибн Мукаллада ибн Насра ибн Мункыза²⁾, да помилует его Аллах, появилась какая-то болезнь. Он был тогда еще маленьким мальчиком. Это взволновало его отца, и он испугался для него проказы. Он позвал Ибн Ботлана и сказал ему: „Посмотри, что появилось на теле Али“. Врач посмотрел на него и сказал: „Я хочу пятьсот динаров, чтобы вылечить его и свести эту болезнь“. Мой прадед ответил: „Если бы ты вылечил Али, я бы не удовлетворился, дав тебе пятьсот динаров“. Когда Ибн Ботлан увидел гнев моего прадеда, он воскликнул: „О, господин, я твой слуга и вполне завишу от твоей милости. Я сказал то, что сказал, только в виде шутки. То, что у Али, это лишай юности, и когда он вырастет, это пройдет. Не делай же себе из этого заботы. Никакой врач, как и я, не скажет тебе: „Я вылечу его“ и не возьмет с тебя за это денег. Сыпь пройдет с возрастом.“ И все произошло, как он сказал.

В Алеппо была женщина, одна из знатных алеппских женщин, которую звали Барра. На ее голову напал озноб, и она закутывала ее в лучшую шерсть, бархатные шапочки, платки и шарфы, так что казалось, что на ее голове большая чалма, но она всетаки стонала от холода. Она позвала Ибн Ботлана и пожаловалась ему на свою болезнь. Он сказал ей: „Достань мне до завтра пятьдесят миткалей³⁾ пахучей камфары. Возьми ее в долг или на подержание у какого-нибудь торговца благовониями, и она будет возвращена ему целиком.“

¹⁾ Абу-ль-Мутаввадж в 20-х годах XI века получил в лен от мирдасидов в Алеппо Шейзар.

²⁾ Абу-ль-Хасан Али правил Шейзаром в 1059—1082 годах.

³⁾ Миткаль—около 4,5 граммов.

Больная достала камфару и, на другой день он сбросил с ее головы все, что на ней было, и втер эту камфару ей в волосы. Затем на голову женщины было снова надето то, чем она была закутана, но больная все стонала от холода. Она заснула на короткое время и проснулась, жалуясь на жар и недомогание в голове. С нее сняли вещь за вещь все то, что было у нее на голове, пока на ней не остался один шарф. Затем она вытряхнула из волос всю камфару, и ощущение холода прекратилось. С тех пор она стала довольствоваться одним шарфом.

Нечто похожее на это случилось со мной в Шейзаре. Меня одолел страшный озноб и дрожь без лихорадки. На мне было много одежд и меха, но когда я делал движение сидя, я начинал дрожать, и волосы на моем теле становились дыбом, и я корчился. Я позвал к себе врача шейха Абу-ль-Вафа Тамима и пожаловался ему на то, что испытывал. Шейх сказал: „Принесите мне индийскую тыкву“. Ему принесли. Он разломил ее и сказал: „С'ешь ее, сколько сможешь“. „О, доктор“, сказал я, „я при смерти от холода, да и время холодное, как же я с'ем тыкву в таком холодном виде“. „Ешь, как я тебе говорю“, сказал врач. Я поел, но не успел кончить есть ее, как вспотел, и все ощущение холода прошло. Врач сказал мне: „То, что с тобой было, произошло от разлития желчи, а не от действительного холода“.

Я уже упоминал выше о некоторых удивительных сновидениях и привел в своей книге, озаглавленной „Книга снов и сновидений“, имена тех, кто упоминает о снах. Я привел то, что говорится о снах и о времени сновидений, и цитировал изречения о них мудрецов, подтвердив их слова выдержками из стихов арабов. Я распространился на эту тему и исчерпал сюжет, так что нет нужды упоминать здесь о чем-либо подобном, но мне вспомнился один такой рассказ, я нашел его интересным и записал здесь.

У моего деда Садид-аль-Мулька Абу-ль-Хасана Али ибн Мукаллада ибн Насра ибн Мункыза¹⁾, да помилует его Аллах, была невольница по имени Лулуа, которая воспитала моего отца Маджд-ад-дина Абу Саляму Муршида ибн Али²⁾, да помилует его Аллах. Когда он вырос и переселился из дома своего отца, она уехала с ним. Когда я появился на свет, эта старуха воспитывала меня, пока я не вырос. Я женился и переехал из дома моего отца, да помилует его

¹⁾ Упомянутый несколько выше правитель Шейзара (1059—1082).

²⁾ Род. в 1068 г., ум. в 1137.

Аллах, и она уехала со мной. У меня родились дети, и она воспитала их. Она была праведная женщина, да помилует ее Аллах, постилась и стояла на молитве. Время от времени у нее бывали колики. Однажды с ней случился припадок, усилившийся до того, что она лишилась сознания, и ее сочли безнадежной. Она провела так два дня и две ночи, а потом пришла в себя и сказала: „Нет Бога, кроме Аллаха! В каком я была удивительном состоянии! Я встретила всех наших умерших, и они рассказывали мне удивительные вещи и сказали мне между прочим: „Эти колики не будут уже возвращаться к тебе“. Она жила после этого долгое время, и колики уже не возобновлялись у нее. Она прожила так долго, что приблизилась к ста годам, но тщательно совершала молитвы, да помилует ее Аллах.

Однажды я вошел в ее комнату, которую отвел ей в моем доме. Перед ней стоял таз, и она мыла полотенце для омоений при молитве. „Что ты делаешь, матушка?“—спросил я. „О, сынок“, ответила старуха, „они брали полотенце в руки, а руки у них пахнут сыром. Сколько я ни мою это полотенце, оно продолжает пахнуть сыром“. „Покажи мне мыло, которым ты моешь“, сказал я. Она вынула его из полотенца, и оказалось, что это кусок сыра. Она думала, что это мыло, и чем больше терла это полотенце сыром, тем больше оно издавало запаха. „О, матушка“, сказал я ей, „это кусок сыра, а не мыло“. Она взглянула на него и сказала: „Ты прав, о, сынок, а я думала, что это мыло“.

Да будет прославлен Аллах, правдивейший из говорящих, который сказал: „Кому мы даем долгую жизнь, у того перестраиваем его внешний вид“¹⁾. Пространность влечет за собой скуку, а событий и происшествий больше, чем сосчитать. Страстное стремление к Аллаху великому и славному наступает перед последним путешествием, когда жаждешь здоровья на время оставшейся жизни, милости и снисхождения Аллаха при наступлении кончины. Аллах, да будет Ему слава, великодушный среди всех, кого просят, и ближайший исполнитель надежд. Да будет слава Аллаху единому, и да будет его молитва и привет над господином нашим Мухаммедом и над его родом.

¹⁾ Коран 36, 68.

ПРИБАВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

ОХОТНИЧЬИ РАССКАЗЫ

„Аллаху принадлежит одна моя сторона, которой я не погублю; другая—принадлежит забавам и празднествам“.

Я упомянул о случайностях войны и о тех бедствиях, сражениях и опасностях, которых я был свидетелем. Я упомянул о том, что пришло мне на память и о чем не заставило забыть время и его течение, ибо моя жизнь затянулась. Я держусь в одиночестве и удалении, а забывчивость давнее наследие отца нашего Адама, да будет над ним мир.

Я посвящу особый отдел воспоминаниям об охоте, ловле, охотничьих птицах, которых я наблюдал в Шейзаре в начале жизни, затем с царем эмиров атабеком Зенги ибн ак-Сункаром, да помилует его Аллах, затем в Дамаске с Шихаб-адином Махмудом ибн Тадж-аль-Мулуком, да помилует его Аллах, затем в Мисре, затем с аль-Малик-аль-Адилем Нур-адином Абу-ль-Музаффаром Махмудом сыном атабека Зенги, да помилует его Аллах, затем в Диярбекре с Фахр-адином Кара-Арсланом ибн Даудом ибн Ортуком, да помилует его Аллах.

1. Охоты с отцом

Насчет того, что в Шейзаре—это происходило с моим родителем, да помилует его Аллах; он страстно любил охоту и увлекался ею и охотничьими птицами, не считая чрезмерными всех своих трат на эту забаву. Охота была его развлечением. У него не было другого дела, кроме сражений, войны с франками и переписывания книги Аллаха великого и славного, когда он кончал с делами своих товарищей.

Он постоянно постился, да помилует его Аллах, и усердно предавался чтению Корана; охотясь же, он поступал так, как гласит изречение: „Дайте отдых вашим сердцам, и они сохранят память об Аллахе“. Я никогда не видел ничего подобного его способу охоты и его распорядительности.

2. Охоты с атабеком Зенги

Я присутствовал при охоте царя эмиров атабека Зенги ¹⁾, да помилует его Аллах, у которого было много охотничьих птиц. Мы подвигались вдоль рек, а сокольничие ехали впереди нас с соколами, чтобы пускать их на водяных птиц. Они били в барабаны по установившемуся обычаю, и соколы ловили тех, кого ловили, и упускали тех, кого упускали. За ними держали горных кречетов на руках у сокольничих, и, когда сокол бросался на птиц и упускал их, на птиц выпускали горных кречетов, хотя бы птица и была уже далеко. Они все-таки догоняли и ловили. Их пускали в погоню за куропатками, и они настигали их уже во время подема по склону горы и ловили. Быстрота их полета по истине удивительна. Однажды я находился с атабеком, когда мы были на болоте в окрестностях Мосула и проходили через заросли. Впереди атабека был сокольничий, на руке у которого сидел ястреб. Взлетел самец рябчик, и сокольничий спустил ястреба на него. Тот поймал рябчика и снизился. Когда он был на земле, рябчик вырвался из его когтей и взлетел. Но когда он был высоко, ястреб взлетел за ним, захватил его и спустился, держа уже крепко.

Я неоднократно видел атабека, когда он охотился за дикими зверями. Когда загон закрывали и там собирались дикие звери, никто не мог войти в загон, а когда какой-нибудь зверь выходил, в него бросали стрелы. Атабек был одним из лучших стрелков; когда к нему приближалась газель, он пускал в нее стрелу, и мы видели, что она точно спотыкается и падает, а потом ее приканчивали. В каждую охоту, при которой я присутствовал, он посылал ко мне со слугой первую газель, которую убивал.

Однажды я присутствовал на его охоте, когда загон уже был закрыт. Это происходило в области Нисибина ²⁾ на берегах аль-Хирмаса ³⁾. Палатки уже были разбиты, и звери добрались до них. Слуги атабека вышли с палками и дубинами и перебили большое количество. В загоне оказался волк, он прыгнул в середине круга на газель, схватил ее и припал к ней. Его убили, когда он был над ней.

Я присутствовал также на его охоте в Санджаре ⁴⁾. К нему подехал один всадник из его приближенных и сказал: „Там лежит гиена“. Атабек отправился вместе с нами в соседнюю

¹⁾ В 1130—1137 году, во время первой долгой отлучки Усамы из Шейзара еще при жизни отца.

²⁾ Нисибин—древний город к северу-западу от Мосула, к югу от Мардина.

³⁾ Приток Хабур.

⁴⁾ Город к юго-востоку от Нисибина, к западу от Мосула.

долину. Гиена спала на скале на склоне долины. Атабек спешился, подошел к гиене и остановился против нее. Он пустил в нее стрелу и бросил в глубину долины. Туда спустились и принесли к нему гиену мертвой. Я видел его еще раз в окрестностях Санджара, когда ему указали на зайца. Он приказал всадникам окружить зайца, а один слуга, по его приказанию, понес рысь, как носят гепардов. Атабек выехал вперед и пустил рысь на зайца. Заяц вошел между ног лошадей, и с ним нельзя было справиться. До этого времени я не видел, чтобы рысь охотилась.

3. Охоты в Дамаске

Я видел в Дамаске во дни Шихаб-ад-дина Махмуда ибн Тадж-аль-Мулука ¹⁾ охоту за птицами, газелями, дикими осликами и козулями. Однажды я был с ним, когда мы выехали в заросли Банияса ²⁾. Земля была покрыта густой травой. Мы убили большое число козуй и разбили палатки кругом. Когда мы сошли с лошадей, в середине круга поднялась козуля, которая спала в траве. Ее захватили среди палаток. Когда мы возвращались, я заметил одного человека, который увидел белку на дереве. Он рассказал об этом Шихаб-ад-дину. Тот пошел, остановился под деревом и пустил в зверка две или три стрелы, но не попал. Он оставил его и уехал, как будто рассерженный, что не попал в него. Я увидел тогда одного турка, который подошел к животному, пустил в него стрелу и попал как раз в середину. Его передние лапы были парализованы, но он повис на задних со стрелой в туловище. Только когда дерево потрясли, белка упала. А между тем, если бы эта стрела попала в сына Адама, он бы сейчас же умер. Да будет же слава творцу тварей.

4. Охоты в Египте

Я видел также охоту в Мисре ³⁾. У аль-Хафиза-ли-дин-Аллаха Абд-аль-Меджида Абу-ль-Маймуна ⁴⁾, да помилует его Аллах, было много охотничьих птиц: разных соколов, заморских кречетов. За ними смотрел главный сокольник, выезжавший с ними на охоту два дня в неделю. Большинство его помощников были пешие, и птицы сидели у них на руках.

¹⁾ Усама переехал в Дамаск ко двору буридов после смерти отца в 1133 году и пробыл там первый раз до 1144 года.

²⁾ Банияс—город на южных отрогах Антиливана около истоков Иордана.

³⁾ В 1144—1154 г.

⁴⁾ Аль-Хафиз—фатимидский халиф (1130—1149).

В дни их выездов на охоту, я садился на лошадь, чтобы развлечься этим зрелищем. Главный сокольник пошел к аль-Хафизу и сказал, как бы ожидая распоряжения: „Твой гость такой-то выезжает с нами“. „Выезжай с ним“, сказал аль-Хафиз, „пусть он полюбуется на охоту птиц“. Однажды мы выехали на охоту. С одним из сокольников был сокол с красными глазами, сменивший перья дома. Мы увидели журавлей, и главный сокольник сказал этому охотнику: „Ступай, напусти на них красноглазого сокола“. Тот выехал вперед и бросил сокола на журавлей. Они улетели, но сокол поймал одного из них вдали от нас и заставил его спуститься на землю. Я сказал одному из своих слуг, сидевшему на породистой лошади: „Направь свою лошадь к журавлю, сойди на землю, воткни клюв птицы в землю, держи его крепко и помести его ноги под своими, пока мы не подедем к тебе“. Слуга поехал и выполнил то, что я ему сказал. Тут подехал сокольник, убил журавля и покормил сокола. Главный сокольник, вернувшись, рассказал аль-Хафизу все, что случилось и что я сказал слуге. „О, господин наш“, добавил он, „его слова—слова настоящего охотника“. „Какое у него еще дело, кроме боев и охоты“, сказал аль-Хафиз. С охотниками были соколы, которых они напускали на летящих цапель. Когда цапля замечала сокола, она начинала кружиться и подниматься выше, а сокол кружил с другой стороны, а потом взмывал над цаплей и, бросаясь на нее сверху, схватывал.

В этой стране водятся птицы, называемые „аль-Буджж“, похожие на фламинго, на которых тоже охотятся, и водяные птицы в нильских рукавах, охота на которых тоже очень легка. Газелей у них мало, но зато в этой области есть „коровы сынов Израиля“, маленькие коровы с рогами, как у настоящих коров, но они сами меньше коров и очень быстро бегают. Из Нила к ним выходят животные, которых они называют „морской лошадью“. Они похожи на маленькую корову, глаза у них небольшие, шерсти мало, точно у буйвола. В нижней челюсти у них длинные клыки, а в верхней—отверстие для них, так что концы высовываются у них из-под глаз. Их крик напоминает крик кабана, и они не вылезают из пруда с водой. Они едят хлеб, траву и ячмень.

5. Охота в Акке

Я поехал однажды с эмиром Му‘ин-ад-дином ¹⁾, да помилует его Аллах, в Акку к королю франков Фулько, сыну

¹⁾ Му‘ин-ад-дин Анар, правитель Дамаска при буридах.

Фулько¹⁾. Мы увидели там одного генуэзца, который прибыл из франкских земель. С ним был большой сокол, сменявший перья, который охотился за журавлями, и маленькая собака. Когда он пускал сокола на журавля, собака бежала под соколом, и когда он захватывал птицу и спускался с ней на землю, собака вцеплялась в нее зубами, и та не могла от нее вырваться. Этот генуэзец сказал нам: „У нас охотятся на журавлей только с теми соколами, в хвосте которых тринадцать перьев“. Мы сосчитали перья хвоста его сокола, и их оказалось именно столько. Эмир Му'ин-ад-дин попросил этого сокола у короля франков, и его отобрали у генуэзца, вместе с собакой. Король подарил сокола эмиру Му'ин-ад-дину, и он отправился с нами. На пути я видел, что он бросается на газелей так, как бросается на мясо. Мы приехали с ним в Дамаск, но жизнь его там оказалась непродолжительной, он ни разу не участвовал в охоте и помер.

6. Охоты у крепости Кайфа

Я принимал участие в охоте в крепости Кайфа²⁾ вместе с эмиром Фахр-ад-дином Кара Арсланом ибн Даудом, да помилует его Аллах. Там было много куропаток, болотных курочек и рябчиков. Что касается водяных птиц, то они водятся на берегу в зарослях, очень обширных, так что сокола ничего не могут с ними сделать. Главный предмет их охоты—антилопы и горные козы. Они устраивают для них сети, которые протягивают в долинах и загоняют туда коз, так что они запутываются. Этих животных там много, и места охоты на них недалеко, так же как и на зайцев.

7. Охоты с Нур-ад-дином

Я также видел охоту с аль-Малик-аль-Адилем Нур-ад-дином³⁾, да помилует его Аллах. Я был с ним вместе в области Хама. Ему показали сидящую зайчиху, он пустил в нее стрелу. Зайчиха вскочила и убежала в нору, где и скрылась. Мы

¹⁾ Фулько V—король Иерусалимский (1131—1142), в союзе с которым находились одно время дамасские буриды.

²⁾ Крепость Кайфа в Диарбекре, у северо-восточной границы Сирии, была местопребыванием Усамы в 1164—1174 году.

³⁾ Нур-ад-дин—сын и преемник атабека Зенги, гостеприимством которого в Дамаске Усама пользовался в 1154—1164 г.

поскакали за ним, а Нур-ад-дин остановился над норой. Ас-Сейид-аш-Шериф Баха-ад-дин, да помилует его Аллах, показал мне ногу зайчихи, отрезанную стрелой сверху бедра. Острие наконечника стрелы пронзило брюхо зайчихи, и оттуда выпала матка. После этого зайчиха убежала и скрылась в норе. Нур-ад-дин приказал одному из ловчих сойти с коня и снять сапоги. Он проник за зайчихой, но не добрался до нее. Я сказал тому, у кого была матка зайчихи, в которой было двое зайчат: „Вскрой ее и зарой их в землю“. Он так и сделал, а детеныши еще двигались и жили.

Однажды я был вместе с Нур-ад-дином, когда собаку пустили на лисицу. Мы были в долине Кара Хысар в области Алеппо. Нур-ад-дин поскакал за лисицей вместе со мной. Собака настигла лисицу и схватила ее за хвост, но та повернула к ней голову и укусила ее за нос. Собака начала выть, а Нур-ад-дин, да помилует его Аллах, рассмеялся. Лисица отпустила собаку и скрылась в своей норе. Мы так и не могли ее захватить.

Однажды, когда мы сидели на конях под крепостью Алеппо с северной стороны города, Нур-ад-дину принесли сокола. Нур-ад-дин сказал Наджм-ад-дину Абу Талибу ибн Алию курду¹⁾, да помилует его Аллах: „Скажи этому (то-есть мне), чтобы он взял этого сокола и выдрессировал его“. Когда Наджм-ад-дин передал мне это, я сказал: „Я не умею хорошо это делать“. „Вы постоянно охотитесь, и ты не можешь хорошо обучить сокола!“ воскликнул Нур-ад-дин. „О, господин мой“, ответил я, „мы не обучаем их сами, у нас есть сокольничество и слуги, которые их дрессируют и охотятся с ними перед нами“. Я так и не взял сокола.

8. Охоты с отцом в Шейзаре

Я видел при охоте с этими великими людьми очень многое, и мне не хватит времени отдельно упомянуть обо всем этом. Они могли располагать всем, чем только хотели, для охоты и ее приспособлений и всего прочего, но я не видал ничего подобного охоте моего отца, да помилует его Аллах. Не знаю, может быть, я смотрел на него глазами любви, ведь сказал же поэт:

„И все, что ни делает любимый—любимо“.

Но не знаю, может быть, мой взгляд на него соответствовал действительности. Я расскажу кое-что об этом, чтобы мог судить о нем тот, кто на этом остановится.

¹⁾ Сын правителя Хама.

Мой отец, да помилует его Аллах, проводил свое время за чтением Корана, постом и охотой в течение дня, а по ночам переписывал книгу Великого Аллаха. Он собственноручно списал сорок шесть полных копий Корана, да помилует его Аллах, и две из них были разукрашены золотом. Один день он выезжал на охоту, другой день отдыхал и постоянно постился.

У нас в Шейзаре было два места охоты. Одно для охоты на куропаток и зайцев, на горе к югу от города, а другое — для охоты на водяных птиц, рябчиков, зайцев и газелей, на реке, в зарослях к западу от города. Отец много тратил, отправляя некоторых приближенных в разные города для покупки соколов, и посылал даже в Константинополь. Ему привезли оттуда соколов; слуги взяли с собой голубей, которых, по их мнению, должно было хватить для соколов, бывших с ними. Но море изменило им, и они задержались в пути настолько, что бывший с ними запас пищи для соколов пришел к концу. Они дошли до такой крайности, что стали кормить соколов рыбой, что отозвалось на их крыльях, перья которых стали ломаться и выпадать. Когда слуги отца вернулись в Шейзар с соколами, среди них все же были редкостные соколы.

У моего отца служил сокольничий, очень опытный в дрессировке соколов и уходе за ними, которого звали Ганаим. Он излечил крылья привезенных соколов и охотился с ними, причем некоторые сменили у него перья. Ганаим доставал и покупал большую часть соколов из долины Ибн-аль-Ахмар, платя за них дорожную цену. Он позвал к себе несколько человек, живших на горе, расположенной поблизости от Шейзара, из жителей Башилы, Ясмалиха и Хиллет Ара, предложил им сделать у себя ловушки для соколов. Он одарил и одел этих людей, и они ушли и построили себе хижины для охоты. Они поймали много соколят, соколов, уже сменивших перья, и белых ястребов и снесли их моему отцу. „О, господин наш“, сказали они ему, „мы бросили свой заработок и пашни, служа тебе, и хотели бы, чтобы ты брал у нас все, что мы наловим, и назначил нам низменную цену, которую бы мы знали“. Отец установил цену соколенка в пятнадцать динаров, птенца ястреба в половину меньше. Сокола, сменившего перья, он оценил в десять динаров, а такого же ястреба в половину этой цены. Таким образом, горцам открылась возможность получать динары без всякого труда и утомления. Они делали себе домик из камней по своему росту, накладывали сверху бревно и скрывали все это соломой и травой. Затем они устраивали в домике отверстие, брали голубя, привязывали

его ногами к палке и высовывали из этого отверстия. Они двигали палку и вместе с ней птицу, и она разворачивала крылья. Сокол видел голубя, бросался на него и схватывал его. Когда охотник замечал сокола, он пододвигал палку к отверстию и, протянув руку, схватывал за ноги сокола, вцепившегося в голубя. Охотник снимал птицу, завязывал ей глаза, а на другой день с утра доставлял ее к нам. Он брал его цену и возвращался дня через два в свой домик. Число охотников умножилось, так же как и соколов, пока их не развелось у нас столько, как кур. Некоторые из них участвовали в охоте, а некоторые сидели на шестах, так как их было много.

На службе у моего отца, да помилует его Аллах, были сокольничие и собачники. Отец научил нескольких своих невольников дрессировать соколов, и они стали в этом искусны.

Отец выезжал на охоту, а мы, четверо его сыновей, были с ним. С нами были слуги, запасные лошади и оружие, так как мы не были в безопасности от франков в виду их близости от нас¹⁾. С нами выезжало много соколов, десять или около того, а с отцом два сокольничих, два надсмотрщика за гепардами и два собачника. С одним из них были салукские собаки, а с другим — византийские. И в тот день, когда отец отправлялся к горе на охоту за куропатками, будучи еще вдали от нее, он говорил нам, выезжая на дорогу, ведущую к горам: „Пусть каждый из вас, кто не дочитал Корана, отъедет в сторону и дочитает“. Мы, дети нашего отца, знали Коран наизусть. Мы разъезжались в разные стороны и читали Коран до тех пор, пока отец не доезжал до места охоты и не приказывал позвать нас. Он спрашивал, сколько прочел каждый из нас, и когда мы ему это сообщали, говорил: „Я прочел сто стихов Корана или около этого“. Отец, да помилует его Аллах, читал Коран так, как он был ниспослан. Когда же мы достигали места охоты, он отдавал приказ своим слугам, и некоторые из них разъезжались по сторонам с сокольничими, и когда где-нибудь взлетала куропатка, с той стороны всегда был сокол, которого на нее напускали. С отцом было сорок человек невольников и приближенных, опытных людей в охоте, и редко случалось, что улетала какая-нибудь птица или поднимался заяц или газель и мы не излавливали ее. Достигнув гор, мы охотились до вечера и

¹⁾ Ападея, принадлежавшая франкам с 1106 года, находилась только в 20 километрах от Шейзара.

возвращались. Накормив соколов, мы бросали их в горные пруды, где они пили и купались. После сумерек мы возвращались в город.

Когда мы выезжали на водяных птиц и рябчиков, это был для нас день забавы. Мы выезжали на охоту из ворот города и под'езжали к зарослям. Гепарды и ястреба оставались снаружи зарослей, а мы подходили к ним с соколами. Если взлетал рябчик, сокол захватывал его, а если выпрыгивал заяц, выпускали на него сокола, и он также ловил его, а если нет, заяц выбегал к гепардам, и их пускали на него. Если же подымалась газель, она выбегала к гепардам, и их напускали на нее, и они ее ловили, а если нет, на нее пускали ястребов, и никакая дичь не уходила от нас иначе, как по прихоти судьбы. В зарослях были большие кабаны. Мы под'езжали к ним галопом и убивали их. Мы испытывали, убивая их, самое большое наслаждение за всю охоту. Мой отец так организовывал охоту, точно организовывал сражение или важное дело. Ни один из его приближенных не отвлекался разговором со своим товарищем, и у них не было другой заботы, как тщательно наблюдать за землей, чтобы увидеть зайца или птицу в ее гнезде.

Между моим отцом и сыном Рубена¹⁾, Торосом, Левоном армянином²⁾, владыками Массисы, Антартуса, Аданы и ущелий³⁾ существовала большая дружба, и они обменивались письмами. Главной причиной этого было увлечение его соколами. Армяне каждый год посылали ему партию соколов штук в десять или около того, которых приносили на руке пешие армянские сокольничие, кроме того, посылали византийских собак. Отец же посылал к ним лошадей, благовония и египетские материи. К нам попадали от армян красивые редкостные соколы. В каком-то году у нас собрались соколы, принесенные из ущелий, среди которых был молодой сокол, похожий на орла, и другие соколы поменьше. С гор же нам доставили несколько соколов, между которыми был сокол, похожий размерами на сероголовых, молодой ширококостый, еще несравнявшийся с другими. Однако, сокольничий Ганаим говорил нам: „Среди этих соколов нет похожего на этого сокола аль-Яхшура. Он не оставит никакой дичи непоиман-

¹⁾ Рубен — армянский князь из династии багратидов, около 1080 года добившийся самостоятельности.

²⁾ Левон — родственник Жоселена, графа Эдесского, преемник Рубена, умерший в византийском плену в 1144 году.

³⁾ Названные местности находятся в Киликии, на границе с Малой Азией.

ной“. Мы не верили его словам. Ганаим обучил этого сокола, и он стал таким, как тот предполагал. Это был один из самых ловких, бысролетных и умелых соколов. Он сменил у нас перья и вышел из линьки еще лучшим, чем был. Этот сокол жил у нас долго и менял перья в продолжение тринадцати лет. Наконец он сделался как бы членом семьи и охотился как бы по долгу службы, а не так, как обыкновенно бывает у хищных птиц, которые охотятся по инстинкту для самих себя. Место этого сокола было всегда у отца, да помилует его Аллах, и он не оставлял его у сокольничего. Сокольничие же обыкновенно держат у себя сокола ночью и заставляют его голодать, чтобы потом лучше охотиться, но этот сокол обходился сам и делал все, что от него требовалось. Когда мы выезжали на охоту за куропатками, с нами было несколько соколов. Мой отец отдавал аль-Яхшура кому-нибудь из сокольничих и говорил ему: „Удались с ним и не посылай его вместе со всей охотящейся стаей. Походи с ним по горе“. Однажды, когда сокольничий с соколом удалились, охотники увидели куропатку, притаившуюся под деревом. Они сказали об этом моему отцу. „Подайте сюда аль-Яхшура“, крикнул он. Как только отец поднял к соколу свою руку, тот слетел с руки сокольничего и сел на руку отца без всякого зова. Затем он вытянул голову и шею и остановил свой взгляд на сидящей куропатке. Мой отец бросил в нее палку, бывшую у него в руке, и птица вспорхнула. Отец пустил тогда на нее аль-Яхшура, и тот поймал ее на расстоянии десяти локтей. Сокольничий спустился к нему, запутал ему ноги и принес к отцу. „Отойди с ним в сторону“, сказал отец. Когда охотники увидели другую притаившуюся куропатку, сокол сделал с ней то же самое и поймал таким образом пять—шесть куропаток, захватывая их на расстоянии десяти локтей. Затем, отец сказал сокольничему: „Накорми его“. „О господин“, ответил сокольничий, „разве ты не оставишь его, чтобы нам поохотиться с ним“. „О сынок“, сказал мой отец, „у нас десять соколов, с которыми мы можем охотиться, а этот сокол уже сделал столько вылетов, что может сократить свою жизнь“. Сокольничий кормил его и уходил с ним в сторону. Когда охота приходила к концу, мы кормили соколов и пускали их в воду, где они пили и купались, а аль-Яхшур сидел на руке сокольничего. Когда мы приближались к городу, возвращаясь обратно, и были в горах, отец говорил: „Подайте сюда аль-Яхшура“ и нес его на своей руке. Если на пути перед ним взлетала куропатка, он бросался на нее и ловил ее, пока не делал десять вылетов или больше, смотря по тому, сколько

перед ним взлетало куропаток. Сокол был сыт и не вонзал клюва в горло куропатки и не пробовал ее кровь. Когда мы входили в дом, отец говорил: „Подайте чашку воды“. Ему приносили чашку с водой, и отец придвигал ее к соколу. Аль-Яхшур был на руке у отца, да помилует его Аллах, и пил из чашки. Если он хотел купаться, то начинал болтать клювом в воде и давал понять, что он хочет купаться. Тогда отец приказывал принести большой таз с водой и ставил его перед соколом. Тот взлетал и опускался на середину таза, барахтался в воде, пока не поплавает вдоволь. Потом он поднимался, его сажали на большую деревянную перчатку, сделанную для него, и придвигали к нему жаровню. Сокола причесывали и смазывали жиром, так что он высыхал от воды. Затем, для него клали свернутый мех, сокол спускался на него и спал. Он оставался спать на этой подстилке среди нас, пока не проходила часть ночи, и когда отец хотел войти в гарем, он говорил одному из нас: „снеси сокола“. Его так и несли спящим на меховой подстилке и клали рядом с постелью моего отца, да помилует его Аллах. Этот сокол совершил много удивительного, но я упомяну лишь о том, что придет мне на память, ибо мой век затянулся, и годы заставили меня забыть многое из его особенностей. Вот один пример: в доме моего отца были голуби и зеленые водяные птицы со своими самками, а также курицы из породы тех, которые ходят между коровами и ловят дворовых мух. Мой отец приходил с этим соколом на руку и садился на скамеечку во дворе, сокол сидел рядом с ним на деревянной перчатке. Он не гонялся за птицами, не бросался на них, как будто у него и не было привычки охотиться за ними. Зимой воды в окрестностях Шейзара разливались, и болота за стенами города делались как бы протоками, где заводились птицы. Мой отец приказывал сокольничему и одному из слуг выйти и приблизиться к этим птицам. Он сам брал аль-Яхшура на руку, стоял с ним наверху крепости, показывал ему птиц. Крепость была к востоку от города, а птицы к западу. Когда отец замечал птиц, то пускал его, и он опускался и летел над городом, пока не вылетал из него и не догонял птиц. Сокольничий бил для него в барабан, птицы взлетали, и он ловил некоторых. Между птицами и тем местом, откуда пускали сокола, было большое расстояние.

Мы хаживали на охоту за водяными птицами и, возвращаясь после первой трети ночи, слышали крик птиц в больших заливах по близости от города. Отец говорил: „Подайте сюда аль-Яхшура!“ Он брал его сам, когда сокол был сыт и

подходил к птицам. Сокольничий бил в барабан, чтобы птицы взлетели, а потом отец бросал сокола на них. Если ему удавалось поймать одну из них, он опускался среди нас. Сокольничий спускался к нему, запутывал его ноги и поднимался с ним наверх. Если же сокол не ловил ни одной птицы, он спускался в какую-нибудь пещеру на берегу реки, и мы не видели и не знали, куда он спустился. Мы оставляли его и возвращались в город. На другое утро сокольничий выходил с зарей из города, схватывал этого сокола и поднимался с ним в крепость к моему отцу, да помилует его Аллах. „О господин“, говорил он отцу, „всю ночь он чистил свои перья¹⁾. Сядь на коня и посмотри, что нам делать сегодня“.

От этого сокола не уходила никакая добыча, начиная от перепела и кончая гусем и зайцем. Сокольничий очень хотел охотиться с ним на журавлей и перелетных птиц, но отец не давал ему это делать, говоря: „На журавлей и перелетных птиц будем охотиться с сероголовыми соколами“. В каком-то году этот сокол перестал выполнять то, что было для него привычно на охоте, до такой степени, что когда его напускали на дичь, и он промахивался, он не возвращался на зов. Он ослаб и перестал купаться, и мы не знали, что с ним. Потом он исправился от своих недостатков и стал охотиться. Однажды он выкупался. Сокольничий поднял его из воды, и его мокрые перья взъерошились с одной стороны. Оказалось, что на боку сокола нарыв величиною с миндалину. Сокольничий принес его к отцу и сказал: „О господин, вот что мешало соколу и едва не погубило его“. Отец схватил сокола и выжал нарыв; оттуда вышло что-то сухое, похожее на миндалину. Больное место затянулось, и аль-Яхшур вернулся к птицам, как говорится, „с мечом и ковриком для казни“.

Шихаб-ад-дин Махмуд сын Караджи, в то время владыка Хама, посылал каждый год за соколом аль-Яхшуром, требуя его к себе. Сокол отправлялся к нему с сокольничим и оставался у него двадцать дней. Шихаб-ад-дин охотился с ним, а затем сокольничий брал его и возвращался. Этот сокол умер в Шейзаре. Случилось, что я посетил Шихаб-ад-дина в Хама. Однажды утром, когда я был там, вдруг появились чтецы Корана, люди с криком „Бог велик!“ и много жителей города. Я спросил: „Кто это умер?“ и мне сказали: „Одна из дочерей Шихаб-ад-дина“. Я хотел пойти за похоронами, но Шихаб-ад-дин воспротивился этому и удержал меня. Шествие вышло из города, и умершую похоронили на холме Сакрун.

¹⁾ Текст искажен и не поддается переводу.

Когда они вернулись, Шихаб-ад-дин спросил меня: „Знаешь, кто это умер?“ „Говорят, что это твой ребенок“, ответил я. „Нет, клянусь Аллахом“, воскликнул Шихаб-ад-дин, „на самом деле это сокол аль-Яхшур. Я услышал, что он умер, и послал взять его. Я устроил гроб и носилки и похоронил его, как он этого заслуживал“.

У моего отца, да помилует его Аллах, был гепард, который был тем же среди гепардов, чем аль-Яхшур среди соколов. Его поймали диким; это был один из самых громадных гепардов. Егерь поймал его, связал и принудил к повиновению. Его сажали на лошадь, но он не хотел охотиться. С ним делались корчи, как с человеком, у которого поражен ум, и он выпускал пену. Ему подводили газеленка, но он не бросался на него и не хотел его, но наконец обнюхивал его и схватывал зубами. Это продолжалось долгое время, около года. Однажды мы выехали в заросли, и я вошел на гору к кустарнику, остановясь перед входом туда. Егерь с этим гепардом был поблизости от меня. Из заросли поднялась газель и вышла ко мне. Я толкнул лошадь, бывшую подо мной, одну из лучших лошадей, желая повернуть газель к гепарду. Лошадь быстро догнала ее, сшибла грудью и опрокинула. Гепард прыгнул к газели и поймал ее, как будто он спал и проснулся. Он как бы говорил: „Берите добычи, сколько хотите“. С тех пор, когда этот гепард видел газель, он хватал ее, и егерь не мог его удержать. Гепард тащил животное и опрокидывал его, не останавливаясь, как останавливаются другие гепарды в преследовании добычи. Но в то время, когда егерь говорил: „он остановился“, гепард опять пускался бежать и схватывал газель.

Мы охотились в Шейзаре обыкновенно за коричневой газелью, а это большой породы газель. Когда мы выходили с этим гепардом на высоты восточной стороны, где водились белые газели, мы не позволяли егерю скакать с ним вперед на лошади, пока нельзя было захватить коричневую газель. Иначе он тащил его, опрокидывал и бросался на других газелей. Казалось, будто он считает их детенышами, так малы белые газели. Этот гепард, единственный из остальных, был в доме моего отца, да помилует его Аллах. У отца была служанка, ходившая за гепардом. В пристройке дома у него было свернутое одеяло, под которым было подложено сено. В стене дома был вбит кол; егерь возвращался с гепардом с охоты к двери дома и спускал здесь животное. Там была кормушка. Потом гепард отправлялся во двор, подходил к подстилке и спал на ней. Невольница приходила и привязывала гепарда

к колу, вбитому в стене. Во дворе же, клянусь Аллахом, было около двадцати коричневых и белых газелей, жеребцов, горных коз и молодых газелей, родившихся в доме. Гепард не преследовал их, не пугал и не сходил со своего места. Когда он входил в дом на свободе, он не поворачивался к газелям. Я видел, как невольница, ходившая за гепардом, расчесывала его тело гребнем. Он не противился и не убегал. Однажды этот гепард помочился на одеяло, посланное для него. Невольница трясла и била его за то, что он намочил одеяло, и он не рычал на девушку и не ударил ее.

Однажды я видел этого гепарда, когда перед егерем выскочили два зайца. Гепард догнал одного, поймал, схватил зубами и погнался за другим. Он догнал его и начал бить передними лапами, так как пасть у него была занята первым зайцем. Нанеся ему передними лапами несколько ударов, гепард остановился, и заяц ушел.

С нами вместе охотился ученый шейх Абу Абдаллах, толедский грамматик¹⁾, да помилует его Аллах. В области грамматики это был Сибавейх²⁾ своего времени, и я читал грамматику под его руководством в течение почти десяти лет. Он был заведующим „домом науки“ в Триполи. Когда франки захватили этот город³⁾, мой отец и дядя, да помилует их обоих Аллах, послали выкупить этого шейха Абу Абдаллаха и Яниса-переписчика. Этот последний по своему почерку приближался к стилю Ибн аль-Бавваба⁴⁾. Янис провел у нас в Шейзаре некоторое время и переписал для отца, да помилует его Аллах, два списка Корана. Затем он переехал в Миср и там умер.

Я видел со стороны шейха Абу Абдаллаха нечто удивительное. Я однажды вошел к нему, чтобы читать под его руководством, и нашел перед ним грамматические книги: „Книгу Сибавейха“⁵⁾, „Книгу об особенностях“ Ибн Джинни⁶⁾, „Книгу разъяснений“ Абу Али Фарисийского⁷⁾, „Книгу блеска“⁸⁾ и „Книгу предложений“⁹⁾. „О, шейх Абу Абдаллах“, восклик-

¹⁾ Один из двух наиболее близких учителей Усамы.

²⁾ Сибавейх — величайший арабский грамматик раннего периода (ум. ок. 796 г.).

³⁾ Произошло это летом 1109 года.

⁴⁾ Знаменитый арабский каллиграф, ум. в Багдаде в 1022 или 1032 г.

⁵⁾ Основное грамматическое сочинение Сибавейха у арабов в знак особого уважения называлось, так же как Коран, просто „книга“.

⁶⁾ Филолог Абу-ль-Фатх Осман ибн Джинни умер в 1002 году.

⁷⁾ Абу Али аль-Хасан аль-Фариси умер в 987 г.

⁸⁾ Сочинение упомянутого Ибн Джинни. Его заглавие „Китаб аль-Лума“ читается и толкуется различно.

⁹⁾ Сочинений с таким заглавием было несколько.

нул я, „ты прочитал все эти книги?“ „Я читал их“, ответил он, „или вернее, клянусь Аллахом, я записал их на табличках и выучил наизусть. А хочешь знать, возьми одну из тетрадей, открой ее и прочти с начала страницы одну строчку“. Шейх прочел мне наизусть всю страницу и читал дальше, пока не дошел до конца всех тетрадок. Я увидел с его стороны великое дело, непосильное для других людей.

Это посторонняя вставка; ей не место в общем ходе рассказа о том, что я видел.

Абу Абдаллах присутствовал с нами при охоте этого гепарда. Шейх сидел верхом, вытянув ноги вперед. На земле было много шипов, которые изранили ноги до крови, но он был погружен в наблюдение за охотой гепарда и не чувствовал боли в ногах, так он был занят зрелищем того, как гепард подкрадывается к газелям, бежит за ними и прекрасно охотится.

Мой отец, да помилует его Аллах, имел счастье на редкостных, превосходных охотничьих птиц. Их было у него очень много, и среди них попадались выдающиеся. В каком-то году у него был сокол с красными глазами, сменивший перья в доме. Это был превосходный сокол. От моего дяди „Венца эмиров“ Абу-ль Мутаваджда Мукаллада, да помилует его Аллах, пришло письмо из Мисра¹⁾, где он находился на службе у аль-Амира-би-ахам-Аллаха²⁾. Дядя писал: „Я слышал на собрании у аль-Афдаля³⁾ упоминание о соколе с красными глазами, и аль-Афдаль расспрашивал подробности о нем и об его охоте“. Отец, да помилует его Аллах, послал этого сокола с сокольничим к аль-Афдалю. Когда сокольничий явился к нему, тот спросил: „Это и есть сокол с красными глазами?“ „Да, господин мой“, ответил сокольничий. „За какой дичью он охотится?“ спросил аль-Афдаль. „Он ловит перепелов, перелетных птиц и разную другую дичь“, ответил сокольничий. Этот сокол остался в Египте некоторое время, а потом вырвался из плена и улетел. Он оставался год в пустыне в зарослях сикомора и сменил там перья. Потом его опять поймали. К нам пришло письмо от моего дяди, да помилует его Аллах. Он писал: „Сокол с красными глазами пропал и сменил перья в сикоморах. Его снова поймали и охотились с ним. Этот сокол явился для птиц источником великих бед“.

¹⁾ Египта или Каира.

²⁾ Аль-Амир—фатимидский халиф (1101—1130).

³⁾ Аль-Афдаль—влиятельный везирь трех фатимидских халифов, казненный при аль-Амине в 1121 г.

Однажды мы были у моего отца, да помилует его Аллах, когда к нему пришел один крестьянин из Мааррат ан-Но'ман¹⁾. С ним был сокол, сменивший перья. Перья его на крыльях и хвосте были сломаны, а размером он был с большого орла. Я никогда не видел сокола, подобного этому. Крестьянин сказал: „О господин, я ловил силком куропаток, а этот сокол ударил по куропатке, попавшей в силок. Я поймал его и принес тебе“. Отец взял сокола и щедро вознаграждал того, кто подарил ему сокола. Сокольничий вылечил его перья у нас и приручил. Этот сокол был опытный охотник и сменил перья дома. Он вырвался от франков и сменил перья в горах аль-Маарры. Он оказался одним из самых быстролетных и ловких соколов.

Однажды я был вместе с отцом, да помилует его Аллах, когда мы выехали на охоту. Издали к нам приближался человек, несший с собой что-то такое, чего мы не могли рассмотреть. Когда он подошел к нам, оказалось, что это молодой кречет, один из самых больших и красивых кречетов. Птица расцарапала руки человека, который ее нес. Тогда он перевернул его головой вниз, крепко держа за ноги, и кречет висел, распустив крылья. Подойдя к нам, этот человек сказал: „О господин, я поймал эту птицу и принес ее тебе“. Отец отдал кречета сокольничему, и тот выходил его и залечил те из его перьев, которые сломались. Но опыт с этим кречетом не оправдал его внешнего вида, так как охотник погубил его своим обращением с ним. Ведь кречет—как весы, и самая ничтожная вещь портит и губит его. А этот сокольничий был известный мастер в обучении птиц.

Когда мы выходили из ворот города на охоту, с нами было все снаряжение для охоты, вплоть до сетей, луков, лопат и крючьев для дичи, которая прячется в берлогах. С нами были охотничьи птицы, сокола разных пород и кречеты, а также гепарды и собаки. Когда мы выходили из города, отец пускал кружить в воздухе двух кречетов, и они не переставали кружить над выездом. Когда один из них уклонялся от направления пути, сокольничий начинал помахивать и указывать рукой, какой стороны нужно было держаться, и кречет, клянусь Аллахом, сейчас же возвращался и летел в этом направлении. Я видел, как отец пустил кречета кружить над стаей вяхирей, опустившихся на болото. Когда кречет приготовился броситься на птиц, для него били в барабан. Птицы взлетели, и кречет ринулся на них. Он ударил одного вяхиря по голове,

¹⁾ Селение к югу от Алеппо.

к ней. Мой отец уже отдался от города, и когда франки подошли обратно к городу, отец поднялся на Телль Сиккин. Он увидел франков, которые были между ним и городом, но продолжал оставаться на холме, пока франки не ушли от города. Тогда отец возвратился к охоте.

Он гонял козюль в области крепости аль-Джиср¹⁾, да помилует его Аллах, и однажды свалил из них пять или шесть, сидя на своей темно-гнедой кобыле, которую называли „кобыла Хурджи“ по имени ее хозяина, который ее продал. Отец купил у него эту кобылу за триста двадцать динаров. Когда он гнал последнего оленя, передняя нога лошади попала в яму, вырытую для кабанов. Лошадь опрокинулась на отца и сломала ему ключицу. Затем она поднялась, ускакала локтей на двадцать, пока отец лежал сброшенный, но вернулась и остановилась над его головой, испуская жалобное ржание, пока отец не поднялся, и его слуги, подойдя к нему, не посадили его на лошадь. Вот как поступают арабские лошади.

Я выехал с отцом, да помилует его Аллах, направляясь в горы на охоту за куро-патками. Один из его слуг по имени Лулу, да помилует его Аллах, спустился вниз по какому-то делу, когда мы были вблизи от города на заре. Под Лулу была рабочая лошадь. Когда она увидела тень колчана своего хозяина, она испугалась ее, сбросила Лулу и сама убежала. Клянусь Аллахом, я скакал за ней вместе со слугами от зари до захода солнца, пока мы не загнали ее в конюшню одного человека в какой-то заросли тростника. Конюшие протянули впереди лошади веревку и схватили ее, как хватают дикого зверя. Я взял лошадь и возвратился. Мой отец, да помилует его Аллах, стоял около самого города, ожидая меня; он не охотился и не уезжал домой. Такие лошади больше похожи на диких зверей, чем на лошадей.

Отец, да помилует его Аллах, рассказал мне следующее: „Я выезжал на охоту, и со мной выезжал начальник Абу Тураб Хайдер сын Катрамы, да помилует его Аллах. Это был наставник моего отца, и отец выучил с ним наизусть Коран и занимался с ним арабским языком. Когда мы прибывали на место охоты, он сходил с коня, садился на скалу и читал Коран, а мы охотились вокруг него. Когда мы кончали охоту, шейх садился на лошадь и ехал с нами. Однажды он сказал: „О, господин наш, я сидел на камне, когда маленькая куро-патка торопливо, несмотря на усталость, подлетела к скале,

¹⁾ Часто упоминавшееся предмостное укрепление в Шейзаре.

на которой я сидел, и спряталась. Вдруг сзади показался сокол. Он был еще далеко от нее и спустился на землю напротив меня. Лулу принялся кричать: „Смотри, смотри, господин наш“. Он подскакал, а я говорил: „О Боже, скрой птицу“. „О, господин наш, где куро-патка?“ спросил Лулу. „Я ничего не видел“, ответил я, „сюда никто не залетал“. Лулу сошел со своей лошади и обошел кругом камня, взглянул под него и увидел куро-патку. „Я говорю, что куро-патка здесь“, воскликнул он, „а ты говоришь, что нет“. Он захватил ее, о, господин наш, сломал ее ноги и бросил соколу“, закончил шейх, „а мое сердце разрывалось за нее“.

Этот Лулу, да помилует его Аллах, был опытейшим охотником. Однажды я видел его, когда к нам появились из пустыни отбившиеся от стаи зайцы. Мы выехали на охоту за ними и ловили много их, это были маленькие красные зайцы. Я был свидетелем того, как Лулу обнаружил десять зайцев, ранил девять из них своими стрелами и захватил их. Затем он выгнал десятого зайца, но отец, да помилует его Аллах, сказал ему: „Оставь его, сохрани его для собак, это будет для них забавой“. Зайца сохранили и пустили на него собак, но заяц убежал и спасся. „О, господин мой“, сказал Лулу, „если бы ты мне позволил, я бы его ранил и поймал“.

Однажды при мне подняли зайца и пустили на него собак. Заяц спрятался в нору в области Хубайбы, за ним вошла в нору черная собака, но сейчас же вышла, корчась. Она упала и умерла, и мы не успели уйти, как она лопнула, околела и разложилась. Произошло это потому, что ее ужалила в норе змея.

Вот один из удивительных случаев, виденных мною на охоте с соколами. Я выехал с отцом, да помилует его Аллах, после дождей, которые долго не прекращались и мешали нам в течение нескольких дней. Когда дождь перестал, мы выехали с соколами, желая поохотиться на водяных птиц. Мы увидели птиц, плескавшихся в болоте под холмом. Мой отец выехал вперед и пустил на них сокола, сменившего перья дома. Сокол поднялся вверх с птицами, ударил некоторых из них и спустился, но мы не видели с ним никакой добычи. Мы сошли около него с коней, и оказалось, что он поймал скворца и покрыл его своей лапой. Он не ранил его и не причинил ему вреда. Сокольник сошел с коня и освободил скворца целым.

Я видел со стороны диких гусей горячность и доблесть, подобную горячности и доблести людей. Однажды мы пустили соколов на стаю гусей и стали бить в барабан; птицы взлетели,

а соколы бросились преследовать одну из них и выхватили ее из среды остальных. Мы были в отдалении от нее, она закричала, и пять-шесть гусей бросились к ней и принялись бить соколов своими крыльями. И если бы мы поспешно не подехали к ним, они бы освободили пойманную птицу и сломали бы крылья соколов своими клювами. Эта горячность противоположна горячности дрофы, потому что когда к ним приближается сокол, они спускаются на землю, и какие бы круги ни описывал вокруг нее сокол, она поворачивается к нему хвостом, а когда он приближается к ней, она бросает в него свои извержения и мочит ему перья, засоряет ему оба глаза и улетает, если же то, что она делает, не попадает в цель, сокол схватывает ее.

Примером необыкновенной охоты соколов моего отца, да помилует его Аллах, может служить следующее: на руке отца был молодой замечательный сокол. У одного ручья водились аймы, а это большая птица, цветом похожая на цапель, только они больше журавлей, и расстояние от конца одного их крыла до конца другого крыла—четырнадцать пядей. Сокол начал преследовать птицу, отец пустил его на нее и стал бить в барабан. Айма взлетела, и сокол бросился на нее, схватил ее, и оба упали в воду; это было причиной спасения сокола, а иначе айма убила бы его своим клювом. Один из слуг отца бросился в воду одетый и вооруженный, он схватил айму и вытащил ее. Когда она оказалась на земле, сокол начал смотреть на нее, кричать и улетать от нее. Он никогда больше ей не показывался. Я не видел, чтобы другие соколы охотились на эту птицу, потому что она такова, как сказал Абу-ль-Аля сын Сулеймана ¹⁾ о грифоне ²⁾:

„Я смотрю на грифона, как на птицу слишком большую для того, чтобы за ней охотились“.

Мой отец, да помилует его Аллах, отправлялся к крепости аль-Джиср, изобиловавшей дичью. Он оставался там несколько дней, а мы были с ним и охотились за куропатками, рябчиками, водными птицами, козулями, газелями и зайцами. Однажды он отправился к крепости, и мы выехали на охоту за рябчиками. Отец пустил на рябчика сокола, которого нес и обучил невольник по имени Николай. Николай поскакал вслед за соколом, когда рябчик подал голос из чащи. Вдруг крики

¹⁾ Абу-ль-Аля—знаменитый слепой поэт-философ из аль-Маарры, где он умер в 1057 г.

²⁾ Грифон—только условная передача арабского названия аль-Анка, под которым разумеется какая-то мифическая птица. Некоторые хотят видеть в ней феникса.

Николая наполнили наши уши, и он вскачь вернулся обратно. „Что с тобой?“ спросили мы его. „Лев вышел из чащи, в которой засел рябчик!“ ответил Николай. „Я оставил там сокола и убежал“. Но лев оказался таким же трусом, как и Николай. Когда он услышал колокольчики сокола, он вышел из зарослей и бросился бегом в чащу.

Выезжая на охоту, мы отдыхали на обратном пути около Бушамира, маленькой речки близ крепости. Мы посылали привести рыбаков и видели с их стороны удивительные вещи. Среди них был один, у которого была тростниковая палка с дротиком на конце, похожим на пику, в середине трости был желобок и в нем три железных зубца; каждый из них был длиной в локоть. На конце тростника была укреплена длинная веревка, привязанная к руке рыбака ¹⁾; этот последний стоял на берегу в узком месте реки и смотрел на рыб, которых ударял этой тростью с железными зубцами и неизменно попадал в цель. Затем он подтягивал трость с помощью этой веревки и вытаскивал из воды с рыбой на ней. У другого рыбака был кусок дерева величиной с кулак, на одном конце которого был железный шип, а на другом—веревка, привязанная к его руке. Рыбак спускался, плыл по воде и высматривал рыб, он протыкал их шипом и оставлял их в воде, а затем подымался и подтягивал их с помощью веревки, так что вытаскивал и шип и пойманную рыбу. Еще другой рыбак спускался в воду и плыл, проводя руками под деревьями ивы, росшими по берегам. Он захватывал рыб, всовывая свои пальцы под жабры так, что они не двигались и не убегали, рыбак ловил их и выходил из воды. Это доставляло нам такое же развлечение, как развлечение при охоте с соколами.

Дождь и ветер не прекращаясь свирепствовали против нас в течение нескольких дней, когда мы были в крепости аль-Джисра, а затем дождь прекратился на некоторое время. Ганаим, сокольник, пришел к нам и сказал моему отцу: „Соколы голодны и отлично подходят для охоты. Наступила хорошая погода, и небо прояснилось. Не выйдешь ли на охоту?“ „Хорошо“, ответил отец. Мы сели на коней, но не успели выехать дальше равнины, как ворота небес разверзлись с дождем. Мы сказали Ганаиму: „Ты утверждал, что погода стала хорошей и небо ясно, и вывел нас под такой дождь“. „А разве не было у вас глаз, чтобы видеть тучи и признаки

¹⁾ Не совсем ясное по тексту описание имеет в виду, вероятно, какую-нибудь разновидность остроги или гарпуна.

дождя“, ответил Ганаим, „вы могли мне сказать: „Ты лжешь себе в бороду! Погода нехороша, и небо небезоблачно“. Этот Ганаим был отличный мастер в дрессировке кречетов и соколов, опытный человек в уходе за охотничьими птицами, интересный собеседник и прекрасный друг. В охотничьих птицах он видел и то, что ведомо, и то, что неведомо. Однажды мы выехали на охоту из крепости Шейзар и заметили что-то у мельницы аль-Джалали. Это оказался журавль, лежавший на земле. Слуга сошел с коня и перевернул его; журавль был мертв, но его тело было еще теплое и не успело остыть. Журавля увидел Ганаим и сказал: „Его поймал аль-Лазик¹⁾“. Посмотри-ка ему под крылья“. Оказалось, что бок журавля проклеван и сердце с'едено. „Аль-Лазик такая-же охотничья птица, как аль-Аусак“, сказал Ганаим, „она настигает журавля, вцепляется ему под крыло, проклевывает отверстие между ребер и с'едает сердце“.

Аллах, да будет ему слава, судил мне поступить на службу к атабеку Зенги, да помилует его Аллах²⁾. К нему доставили охотничью птицу, похожую на аль-Аусака, с красным клювом и ногами. Веки его глаз также были красны. Это была одна из лучших птиц, и говорили, что этот аль-Лазик пробыл у него лишь несколько дней, а потом перегрыз клювом свои ремни и улетел.

Однажды отец, да помилует его Аллах, выехал на охоту за газелями, и я был с ним, еще маленький мальчик. Он приехал к „Долине Мостов“, там оказались разбойники-рабы, грабившие на дороге. Отец схватил и связал их и отдал в руки нескольких своих слуг, чтобы те отвели их в тюрьму в Шейзаре. Я взял у кого-то из них пику, и мы отправились дальше на охоту. Нам встретилось стадо диких ослов. „О господин“, сказал я отцу, „я не видал диких ослов до сего дня; если прикажешь, я пойду посмотрю на них“. „Сделай так“, сказал отец. Подо мной была гнедая чистокровная лошадь, и я поскакал, держа в руке эту самую пикку, которую взял у разбойников. Я попал в середину стада, отделил из него одного осла и стал колоть его пикой. Но это не причинило осла никакого вреда от слабости моей руки и малой остроты лезвия. Я погнал осла, пока не пригнал его

¹⁾ Аль-Лазик и аль-Аусак, упоминающийся ниже, повидимому, представляют не столько собственные имена, сколько названия особых разновидностей охотничьих птиц.

²⁾ Как упоминалось неоднократно, Усама был при дворе атабека Зенги в 1130-1137 г.г.

к товарищам, и они его поймали. Мой отец и те, кто был с ним, очень удивились быстроте бега гнедой лошади.

Аллах, да будет ему слава, судил мне выехать однажды развлечься на реку у Шейзара на этой лошади. Со мной был чтец Корана, который декламировал стихи; читал или пел. Я сошел под деревом с лошади и вручил ее слуге, который надел на нее путы, стоя на краю реки. Лошадь побежала и упала на бок в реку. Каждый раз, когда она хотела встать, она снова падала из-за пут. Слуга был маленький и не мог освободить ее, а мы ничего не знали и не видали. Когда лошадь стала близка к смерти, он закричал нам, и мы подошли к ней, когда она была при последнем издыхании и разрезали ее путы. Мы вытащили ее, и она умерла, хотя вода, в которую она погрузилась, не доходила ей до плеч. Причиной ее гибели были только путы.

Мой отец, да помилует его Аллах, выехал однажды на охоту. С ним выехал эмир по имени Самсам, бывший на службе у Фахр-аль-Мулька ибн Аммара владыки Триполи, человек малоопытный в охоте. Отец напустил на водяных птиц сокола, который схватил одну из них и упал посреди реки. Самсам начал бить рукой об руку и говорить: „Нет мощи и нет силы, кроме как у Аллаха! Как случилось, что я выехал на охоту в этот день?“ Я сказал ему: „О Самсам, ты боишься за сокола, что он утонет“. „Да“, ответил он, „сокол схватил утку и погрузился с ней в воду, как же ему не потонуть?“ Я засмеялся и сказал: „Сейчас он подыметя“. Сокол схватил птицу за голову и плыл с ней, пока не поднялся. Самсам стал удивляться этому и прославлять Аллаха, да будет ему слава, и восхвалять его за спасение сокола.

Животные погибают разнообразной смертью. Мой отец, да помилует его Аллах, пустил однажды белого ястреба на куропатку. Куропатка упала в кусты, и ястреб вошел туда с нею. В кустах был шакал, который схватил ястреба и оторвал ему голову, а это был один из отборных и самых быстрых ястребов. Я видал еще такой пример гибели охотничьих птиц. Однажды я выехал на охоту, и передо мной ехал слуга, с которым был белый ястреб. Он пустил его на воробьев, и ястреб схватил одного из них. Слуга подошел и хотел взять воробья. Ястреб затряс головой, его вырвало кровью, и он упал мертвый, а воробей остался растерзанным в его когтях. Да будет слава тому, кто определяет срок кончины!

Однажды я проходил мимо двери, которую мы прорубили в крепости для постройки, находившейся поблизости. Со мной был самострел. Я увидел воробья на стене, под которой я

стоял. Я пустил в воробья пулю, но промахнулся, и воробей улетел. Мои глаза следили за пулей, которая падала на землю вдоль по стене. Воробей же высунул голову через щель в стене, пуля упала ему на голову и убила его. Воробей упал передо мной на землю, и я прикончил его. То, что я его поймал, не было результатом моего намерения или определенного решения.

Мой отец, да помилует его Аллах, пустил однажды сокола на зайца, появившегося у нас в зарослях, густо поросших терновником. Сокол схватил зайца, но тот вырвался от него. Сокол сел на землю, а заяц убежал. Я пустил вскачь чистокровную караковую лошадь, на которой сидел, чтобы догнать зайца, но передняя нога лошади попала в яму, и она перевернулась вместе со мной, так что мои руки и лицо оказались утыканными шипами терновника. Задняя нога лошади была вывихнута. Сокол же поднялся с земли, когда заяц ушел на далекое расстояние, догнал его и поймал. Казалось, что единственной его целью было погубить мою лошадь и принести мне вред, заставив упасть в терновник.

Однажды утром первого числа Реджеба, когда мы постились, я сказал отцу, да помилует его Аллах: „Я бы очень хотел выехать отвлечься от поста охотой¹⁾“. „Поезжай“, сказал отец. Я выехал вместе с братом Баха-ад-даулой Абу-ль-Мугисом Мункызом, да помилует его Аллах, направляясь в заросли. С нами было несколько соколов. Мы вошли в заросли лакричника и подняли кабана-самца. Мой брат ударил кабана копьем, ранил его, и тот вошел в заросли. Мой брат сказал: „Сейчас его рана заставит его вернуться. Он выйдет, я встречу его, ударю копьем и убью“. „Не делай этого“, сказал я, „кабан ударит твою лошадь и убьет ее“. Пока мы разговаривали, кабан вышел, направляясь в другую заросль. Мой брат встретил его и ударил по горбу, так что сломался кончик копья, которым он нанес удар. Кабан залез под гнедую лошадь моего брата, жеребую десять месяцев с белыми ногами и хвостом, ударил ее и свалил вместе со всадником. У лошади оказалось вывернуто бедро, и она погибла, а у моего брата оторвало мизинец на руке, и его перстень сломался. Я поскакал за кабаном, который вошел в густые заросли лакричника и асфоделя, где были спящие быки, которых я не видал из болота, где стоял. Один из быков поднялся и толкнул мою лошадь в грудь. Я упал также, как и лошадь, узда которой

¹⁾ Пост у мусульман, как известно, выражается в воздержании от всякой пищи и питья во все светлое время суток.

оборвалась. Я поднялся, сел на коня и догнал быка, который бросился в воду. Я остановился на берегу реки и уколол быка своим копьем. Копье вонзилось в тело быка и сломалось там на расстоянии двух локтей. Когда копье сломалось, лезвие его осталось в теле быка. Бык поплыл к противоположному берегу. Мы закричали нескольким людям на той стороне, которые делали кирпичи для постройки домов в одной из деревень моего дяди. Они подошли и остановились над быком, который попал под выступ берега и не мог оттуда выбраться. Они стали бросать в него громадными камнями и почти убили его. Я сказал своему стремянному: „Спусти к быку“. Стремянный снял доспехи, разделся, взял его за ноги и притащил к нам, говоря: „Пусть Аллах дарует вам узнать благословения поста в Реджеб, который мы начали нечистым кабаном“. Если бы у кабана были такие же когти и зубы, как у льва, он был бы еще больше опасен, чем лев. Я видел одну самку кабана, которую мы отогнали от детенышей. Один из поросят стал бить мордой копыто лошади слуги, бывшего со мной. А ростом этот поросенок был с котенка. Мой слуга вынул из колчана стрелу и нагнулся к поросенку, проткнул его ею и поднял на стреле. Я удивился тому, что этот поросенок возмущается и бьет копыто лошади, когда его самого можно поднять на кончике стрелы.

Еще один удивительный случай на охоте. Мы выезжали на гору, чтобы поохотиться за куропатками. С нами было десять соколов, с которыми мы охотились весь день. Соколы раз'ехались по горе, и с каждым из них было два-три конных невольника. С нами оставались два собачника, из которых одного звали Бутрус, а другого Зарзур Бадия. Каждый раз, когда ссола пускали на куропатку, и она подавала голос, ему кричали: „Эй, Бутрус!“, и он бежал так быстро, как дромадер, и так весь день он бегал от горы к горе вместе со своим товарищем. Когда мы, покормив соколов, возвращались обратно, Бутрус брал большой камень и бежал за каким-нибудь невольником, ударяя его камнем. Слуга тоже брал камень и бил Бутруса. Бутрус не переставал гоняться за слугами, хотя они были на лошадях, а он пеший, и бросать в них камнями от самой горы до ворот города, как будто и не бегал весь день от одной горы к другой.

Удивительное отличие византийских собак заключается в том, что они не едят птиц, а если и едят, то только голову или ноги, на которых нет мяса, или кости, мясо которых съели соколы. У моего отца, да помилует его Аллах, была черная собака. Слуги ставили ей вечером на голову светильник

и садились играть в шахматы. Собака не двигалась и не уходила, пока ее глаза не начинали гноиться. Мой отец, да помилует его Аллах, сердился на слуг и говорил им: „Вы губите эту собаку“. Но они не оставляли ее в покое.

Эмир Шихаб-ад-дин Малик ибн Салим ибн Малик, владыка крепости Джа'бара ¹⁾, подарил моему отцу, да помилует его Аллах, ученую собаку, которую пускали под соколом на газелей. Она показывала нам удивительные вещи. Охота с соколами происходила в таком порядке. Сначала пускали переднего. Он вцеплялся в ухо газели и наносил ей удары. Потом пускали его помощника, который ударял другую газель, а когда пускали второго помощника, он делал тоже самое. Также пускали и четвертого. Каждый сокол ударял одну из газелей. Первый из них вцеплялся газели в ухо и отделял ее от других газелей. Остальные соколы поворачивались к нему и оставляли тех газелей, которым наносили удары. Эта собака бежала под соколами и поворачивалась только к тем газелям, на которых сидел один из них. Если случалось, что показывался орел, соколы оставляли газелей, те убегали, а соколы начинали кружить. Мы видели, что эта собака бросала газелей, когда от них улетали соколы, и начинала бегать и кружиться на земле, подобно тому, как соколы кружились в воздухе. Она не переставала кружиться под ними, пока те не спускались на зов. Тогда останавливалась и шла вслед за лошадьми. Между Шихаб-ад-дином Маликом и моим отцом, да помилует их обоих Аллах, была большая дружба, и они обменивались письмами и гонцами. Шихаб-ад-дин однажды прислал сказать отцу: „Мы выехали на охоту за газелями и поймали три тысячи детенышей в один день“. Это объясняется тем, что газели изобилуют в области крепости Джа'бар. В то время, когда газели приносят детенышей, охотники выходят на конях и пешком и забирают тех детенышей, которые родились в эту ночь, в предыдущую или за две-три ночи раньше. Они собирают их, как собирают хворост или сено. Рябчики попадают у них в зарослях на Евфрате в большом количестве, и если вскрыть внутренности рябчика, вынуть то, что в нем находится, и набить волосами, запах птицы не портится на много дней. Однажды я видел рябчика, которому вскрыли живот и вынули желудок. Там оказалась змея, длиною около пяди, которую рябчик с'ел.

¹⁾ Крепость Джа'бара была расположена на верхнем течении Евфрата, между Балисом и ар-Раккой.

Один раз мы убили змею, из желудка которой вышла другая змея, проглоченная первой. Она была здорова, немного меньше ее и уползла.

В природе всех животных лежит вражда сильного к слабому.

Несправедливость — одно из свойств души, и если ты найдешь воздерживающегося, это потому, что у него есть причина не быть несправедливым.

Я не в силах и не в состоянии перечислить все охоты, в которых участвовал за семьдесят лет моей жизни. Да ведь и тратить время на пустые рассказы — одно из величайших бедствий. Я прошу прощения у великого Аллаха, если потрачу то небольшое, что осталось мне от жизни, иначе как в повиновении ему и добывании себе награды и воздаяния, и Аллах благословенный и великий простит грехи и одарит в своей милости дарами. Он милосерд; надеющийся на него не будет обманут, а просящий не будет им отвергнут.

Перевод с арабского

М. А. Салье.

БИБЛИОГРАФИЯ

Честь открытия арабского текста автобиографии Усамы принадлежит французскому ученому Н. Degenbourg'у. История этой находки летом 1880 г. в Эскуриале не лишена известного интереса и обстоятельно изложена им в одной статье ¹⁾.

Degenbourg является единственным ученым, который серьезно занялся этим автором и ввел его в обиход европейской науки. В 1886 году он издал найденный им арабский текст ²⁾. Работа была встречена с большим интересом востоковедами всех стран, отметившими важное значение памятника в самых разнообразных отношениях. Некоторые рецензии вносили ряд поправок в текст, очень искаженный переписчиком рукописи Эскуриала, другие представляли иногда целые монографии, как относительно автора, так и отдельных деталей его труда. Среди первых надо особенно выделить работы С. Landberg'a ³⁾, А. Krumer'a ⁴⁾, М. J. de Goeje ⁵⁾; среди вторых в особенности Р. de Lagard'a ⁶⁾ с целым рядом ценных экскурсов, J. Wellhausen'a ⁷⁾, Th. Nöldecke ⁸⁾, Ign. Goldziher'a ⁹⁾, двух анонимов ¹⁰⁾. Тогда же появилась и единственная до сих пор статья об Усаме на русском языке, принадлежащая перу арабиста бар. В. Р. Розена ¹¹⁾.

После издания текста Degenbourg приступил к обработке и опубликованию всех доступных материалов, относящихся к Усаме. В том же 1886 г. им была издана одна арабская биография Усамы ¹²⁾, через два года отрывок из одного его сочинения ¹³⁾, а в 1893 году целый том относящихся к нему материалов ¹⁴⁾. Попутно он разрабатывал в мелких статьях отдельные вопросы, вызываемые автобиографией: о словах, заимствованных в эту эпоху у франков ¹⁵⁾, о положении женщин ¹⁶⁾ и евреев ¹⁷⁾.

¹⁾ Comment j'ai découvert en 1880 à l'Escurial le manuscrit arabe contenant l'Autobiographie d'Ousama Ibn Munkidh (в предисловии к немецкому переводу G. Schumann'a, о котором см. ниже).

²⁾ Ousama Ibn Munkidh. Un émir syrien au premier siècle des Croisades (1095—1188). Deuxième partie. Texte arabe de l'autobiographie d'Ousama. Paris 1886.

³⁾ Critica arabica № II Leide 1888.

⁴⁾ Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes—II, 1888, 265—268.

⁵⁾ Ib d. III. 1889, 113—116.

⁶⁾ Göttingische Gel. hrte Anzeigen за 1887 год, стр. 294—304.

⁷⁾ Deutsche Literaturzeitung за 1886 год, стр. 1608—1610.

⁸⁾ Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes—I, 1887, 237—244.

⁹⁾ Oesterr. österr. Mon. tschrift für den Orient—XII 1886, 77—80.

¹⁰⁾ Literarisches Centralblatt за 1886 г. стр. 1014—1016 и Revue de l'Orient Latin—I, 463—464.

¹¹⁾ Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества—II, 1887, 175—178.

¹²⁾ Ousama Poète. Notice inédite tirée de la Kharidat al Kasr, par Imad ad Din al-Katib. Nouveaux Melanges Orientaux. Paris 1886, стр. 113—155.

¹³⁾ Préface du Livre du bâtan par Ousama (A. Lanier, Recueil de Textes étrangers, Paris 1838, стр. 1—11).

¹⁴⁾ Anthologie de textes arabes inédits par Ousama et sur Ousama. Paris 1893.

¹⁵⁾ Note sur quelques mots de la langue des Francs au douzième siècle d'après le texte arabe de l'autobiographie d'Ousama Ibn Munkidh. (Mélanges Leon Renier. Paris 1887, стр. 453—465).

¹⁶⁾ Femmes musulmanes et chrétiennes de Syrie au 12e siècle. Epis. des tirés de l'autobiographie d'Ousama (Mélanges Julien Havet. Paris 1895, стр. 205—316).

¹⁷⁾ Un passage sur les Juifs au XIIe siècle (Jubelschrift zum siebenzigsten Geburtstag des Prof. Dr. H. Graetz. Breslau 1887, стр. 127—130).

Завершением всех этих работ явилось обстоятельное исследование, посвященное жизни Усамы и его эпохе, вышедшее двумя выпусками в 1889 и 1893 году ¹⁾. Оно тоже вызвало целый ряд рецензий: J. Wellhausen'a ²⁾, Cl. Huart'a ³⁾ и других ⁴⁾. Среди них следует отметить большую статью бар. Carra de Vaux, которая очень хорошо рисует исторический фон современной Усаме действительности ⁵⁾.

В своем исследовании Degenbourg дал почти полный перевод автобиографии Усамы, расположив отдельные рассказы в хронологическом порядке в разных частях своей работы. Критикой было справедливо указано, что такой прием, необходимый для исследователя-историка, нарушает целостность литературного произведения, отдельные части которого сплетаются у автора по другим принципам. В виду этого через два года Degenbourg выпустил полный перевод, точно сохранив форму подлинника ⁶⁾. И на эту работу последовало несколько более или менее серьезных рецензий ⁷⁾.

Последним этапом в знакомстве Европы с Усамой был немецкий перевод автобиографии, исполненный G. Schumann'ом. В 1903 году им был опубликован отрывок из него ⁸⁾, а через два года вышел полный перевод с обстоятельным предисловием и упомянутой в начале статьи Degenbourg'a ⁹⁾. В противоположность французскому переводу немецкий снабжен многочисленными историко-географическими примечаниями и выполнен значительно тщательнее. Среди рецензий на этот труд некоторые тоже заслуживают внимания ¹⁰⁾.

Для полноты библиографии следовало бы отметить, что воспоминания Усамы, благодаря некоторым подробностям, вызвали интерес среди любителей охоты и представителей медицины. Ему было посвящено несколько заметок в специальных изданиях по спорту и медицине. Литература этого рода носит слишком специальный характер и к тому же мало доступна в России. Эти обстоятельства лишают возможности указать ее в настоящее время с исчерпывающей полнотой.

В последнее время среди арабских рукописей Азиатского Музея Российской Академии Наук обнаружен автограф еще одного сочинения Усамы „Книга стоянок и жилищ“, неизвестного в Европе. Подробное сообщение о рукописи печатается в „Записках Восточного Отделения Русского Археологического Общества“, т. XXVI.

И. Крачковский

¹⁾ Ousama Ibn Munkidh etc. Première partie. Vie d'Ousama. Paris 1889—1893.

²⁾ Deutsche Literaturzeitung за 1894 год, стр. 397 след.

³⁾ Journal Asiatique за 1890 г., т. I, стр. 502—507.

⁴⁾ Ch. Pfister в Revue critique, т. 38 нов. сер. за 1894 г. стр. 130—134; H. Hr. в Literarisches Centralblatt за 1894 г. стр. 884—886; J. Havet в Revue historique, t. 44 за 1890 г., стр. 164—164; E. R. в Polybiblion за 1894 г. август, стр. 154 сл.; Saturday Review т. 77 стр. 452 след.; Ch. Schefer в Comptes rendus de l'Acad. d. Inscript., ser. IV, т. 14, стр. 316—318.

⁵⁾ Ousama. Un émir syrien au Ier siècle des Croisades. (Revue des Questions historiques—LVIII, 1896, 367—390).

⁶⁾ Souvenirs historiques et récits de chasse par un émir syrien du douzième siècle. Autobiographie d'Ousama Ibn Munkidh. Traduction française. Paris 1895.

⁷⁾ Ch. Pfister в Revue Critique т. 42 нов. сер. за 1896 г. стр. 333—335; H. Hr. в Literarisches Centralblatt за 1897 г., стр. 771—772; Revue historique LVII, 1895, стр. 176—8.

⁸⁾ Aus den Memoiren eines syrischen Emirs (Usama) в Nation, XX, 1903, стр. 203—205.

⁹⁾ Usama ibn Munkidh. Memoiren eines syrischen Emirs aus der Zeit der Kreuzzüge. Aus dem arabischen übersetzt. Innsbruck 1905.

¹⁰⁾ G. W. A. Kahlbaum в Mittheilungen zur Geschichte der Medicin—V, 1906, стр. 31—33; O. Herrigel в Protestantische Monatshefte т. X, 1907, 203; Cl. Klein в Revue de l'Orient Latin XI, 1908, 499—501.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	СТР.
Усама - ибн - Мункыз и его воспоминания. Статья И. Крачковского	7— 21
Книга назидания	23—162
Прибавление первое	163—177
Прибавление второе. Охотничьи рассказы	178—205
Библиография	206—207

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ПЕТЕРБУРГ
Моховая №36**

